ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПРОЖИТОМЪ.

(Посвящается товарищамъ по Павловскому и сослуживцамъ по Петровскому и Полтавскому кадетскимъ корпусамъ).

I.

Мои предки. — Смерть отца. — Хозяйство матушки. — Мякининъ. — Предложеніе Мякинина помѣстить насъ въ корпусъ. — Нашъ отъѣздъ изъ Мижирича. — Въ Княжномъ селѣ. — Представленіе Маврѣ Петровнѣ. — Безчеловѣчныя распоряженія старухи. — Отъѣздъ Мякининой въ Тихвинскій монастырь. — Недѣля говѣнія и встрѣча съ Горемыкинымъ. — Въ селѣ Бѣломъ. — Пребываніе у княгини Голицыной. — Набожность Голицыной. — Моя экскурсія на челнокѣ. — Мина Ивановичъ.

РОДОНАЧАЛЬНИКОМЪ нашимъ считается нѣкій Миронъ Рубанъ. Какого онъ былъ происхожденія и какой націи—не извѣстно. Достовѣрно только то, что ему, какъ и другимъ предпріимчивымъ его современникамъ, удалось, еще задолго до воцаренія Петра Великаго, обратить въ свою собственность довольно большое количество свободной земли. Право на владѣніе этою землею было утверждено за нимъ правительствомъ и ему была выдана грамота. Еще и до сихъ поръ существуетъ преданіе, что помѣстія въ Малороссіи пріобрѣтались безъ особаго труда: задумавшій сдѣлать таковое пріобрѣтеніе ставилъ на извѣстномъ пунктѣ никому не принадлежавшей земли четырехъ всадниковъ и приказывалъ имъ скакать въ разныя стороны до тѣхъ поръ, пока выдержатъ ихъ кони. На этихъ пунктахъ всадники втыкали копья, а кривая, соединявшая эти копья, составляла границу новаго помѣстья.

Имѣніе Мирона было расположено по рѣкамъ Пселу и Рулѣ въ бывшей Слободско-Украинской, нынѣ Харьковской губерніи, въ Лебединскомъ уѣздѣ, и составляло площадь до пятидесяти верстъ въ окружности. Въ центрѣ своего имѣнія Миронъ основалъ хуторъ, названный имъ Мироновскимъ, который существуетъ и по сей день.

Съ теченіемъ времени имѣніе Мирона начало дробиться между его потомками. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича многіе изъ нихъ поступили въ казацкіе полки, другіе, послѣ царствованія Петра Великаго, при общемъ стремленіи дворянъ къ государственной службѣ, начали мало-по-малу переселяться въ обѣ столицы.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ таковыхъ переселеній была продажа въ чужія руки родовыхъ украинскихъ помѣстій и какъ бы добровольное отчужденіе отъ своей настоящей родины.

Одинъ изъ болѣе дальнихъ потомковъ Мирона, нашъ прадѣдъ Кириллъ, въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, проживалъ въ Москвѣ, гдѣ и женился на богатой уроженкѣ Полтавской губерніи, Тимченкѣ, при условіи присоединить ея фамилію къ собственной. Къ этому затрудненій не встрѣтилось, и съ тѣхъ поръ мы, прямые его потомки, носимъ двойную фамилію—Тимченко-Рубанъ. Родные же братья Кирилла остались при прежней фамиліи. Довольно извѣстный писатель Екатерининскаго времени Рубанъ, былъ роднымъ племянникомъ Кирилла.

Располагая хорошими денежными средствами, прадѣдъ Кириллъ воспиталъ и пристроилъ на службу въ Петербургѣ и Москвѣ пятерыхъ своихъ сыновей и не только сохранилъ, но даже расширилъ свое украинское помѣстье. Его имѣніе заключало около пяти тысячъ десятинъ. Изъ нихъ на долю нашего дѣда Матвѣя досталась тысяча десятинъ, а, по раздѣлу между пятью его сыновьями, нашему отцу Роману досталось лишь двѣсти.

Кромѣ пахатной земли и при ней 30 душъ крестьянъ, жившихъ въ хуторѣ Мироновскомъ, отцу досталась еще и дѣдовская усадьба въ большой казацкой слободѣ Мижиричѣ, въ которой мои родители имѣли постоянное жительство.

Дѣдовскій домъ въ Мижиричѣ былъ деревянный. Обширный дворъ былъ застроенъ прочными хозяйственными службами. Къ дому примыкалъ хорошій фруктовый садъ, въ которомъ помѣщалась небольшая пасѣка. Въ верстѣ отъ дома, черезъ обширнѣйшій лугъ, протекалъ Пселъ, за которымъ росъ принадлежавшій разнымъ владѣльцамъ, а въ томъ числѣ и нашему отцу, дубовый лѣсъ. На берегу Псела, на небольшомъ пригоркѣ, стоялъ винокуренный заводъ самаго патріархальнаго устройства.

Мой отецъ, хромой съ молодости, служилъ первоначально въ гражданской службѣ, занимая должность секретаря въ уѣздномъ Недригайловскомъ судѣ. Когда же, по случаю нашествія на Россію французовъ въ 1812 году, формировались ополченія, онъ, по ста-

ранію его младшаго брата Василія, состоявшаго при Барклаѣ-де-Толли, былъ зачисленъ въ петербургское ополченіе, а потомъ переведенъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ поручикомъ.

Этотъ новый гвардеецъ, не видя ни разу въ продолженіе всей жизни Петербурга, скончался въ 1819 году, оставивъ на попеченіе нашей матушки громаднѣйшее семейство, въ которомъ я, родившійся въ 1814 году, былъ послѣднимъ.

Хотя въ день смерти отца мнѣ и не было еще полныхъ пяти лѣтъ, я отлично помню, какъ онъ, одѣтый въ мундиръ Преображенскаго полка, лежалъ въ гробу въ нашей гостиной, помню и всю похоронную процесію.

Также ясно я помню дѣда Егора Кирилловича, бригадира, состоявшаго на службѣ кабинетъ-курьеромъ еще императрицы Екатерины II-й; помню его нарядъ, помню, какъ ухаживалъ онъ за своею пасѣкой и съ какимъ видимымъ наслажденіемъ курилъ свою трубку изъ длиннѣйшаго чубука.

Положеніе матушки при ея ограниченныхъ средствахъ и семействѣ въ одиннадцать дѣтей было крайне не отрадное. Но не многимъ смертнымъ, при подобныхъ условіяхъ, удается достигнуть той обстановки въ своемъ домашнемъ обиходѣ, какую сумѣла устроить матушка. Свои, какъ говорится, были сыты и одѣты, чужіе приходили въ удивленіе, не понимая, какимъ это чудомъ можетъ она такъ оборачиваться, что даже почти ежедневныя посѣщенія добрыхъ знакомыхъ не стѣсняютъ ее.

Между посѣтителями нашего дома почти ежедневно можно было видѣть офицеровъ квартировавшаго тогда въ Мижиричѣ Сѣверскаго конно-егерскаго полка. На упреки родныхъ за открытую жизнь, моя матушка обыкновенно отвѣчала:—«Покуда милосердный Богъ даетъ мнѣ средства, грѣшно и стыдно чуждаться добрыхъ людей, такъ полюбившихъ мой домъ. Кто знаетъ, гдѣ еще доведется быть моимъ сироткамъ? Быть можетъ, моя хлѣбъ-соль не забудется».

Упреки родныхъ хотя и имѣли свое основаніе, но тѣмъ не менѣе всѣ они хорошо знали, что наша матушка слыла за лучшую хозяйку во всемъ Лебединскомъ уѣздѣ. И дѣйствительно—мастерски вела она свои дѣла! При умѣніи расположить къ себѣ всѣхъ и каждаго, ей какъ-то особенно все удавалось. Живущіе въ окрестныхъ хуторахъ казаки особенно цѣнили расположеніе матушки: у нея одной находили они и совѣтъ, и помощь, а потому и съ своей стороны старались услужить ей. Понадобятся, бывало, косари—сколько угодно! Нужно послать въ Крымъ за солью — вся забота заключалась только въ томъ, чтобы имѣть воловъ, да чумацкіе возы, и соль сама уже является во дворъ. Нужно приготовить подъ посѣвъ землю или убрать хлѣбъ съ полей—и объ этомъ не нужно было безпокоиться. И все это за ласковое слово, за спасибо, за радушное во вкусѣ этихъ людей угощеніе, при чемъ сама

матушка садилась съ ними и вела хозяйственные разговоры, какъ равная съ равными.

Изъ офицеровъ Сѣверскаго полка особенно близокъ къ намъ былъ поручикъ Яковъ Гавриловичъ Мякининъ. Дружба, завязавшаяся между нимъ и моимъ старшимъ братомъ Александромъ, оставившимъ послѣ смерти отца военную службу, была самая тѣсная. Матушка, поощряя эту дружбу молодыхъ людей, выстроила даже особый флигелекъ въ саду для друзей. Съ этихъ поръ Мякининъ сдѣлался какъ бы членомъ нашей семьи. Мякининъ былъ изъ весьма небогатыхъ дворянъ Новгородской губерніи. Отца своего онъ лишился еще въ дѣтствѣ. Мать его, Мавра Петровна, особа пожилыхъ лѣтъ, сама управляла своимъ маленькимъ имѣніемъ, проживая въ Княжномъ селѣ Боровичскаго уѣзда.

Въ 1821 году, по смерти одного изъ холостыхъ дядей, Мякинину досталось по завѣщанію довольно хорошее имѣніе покойнаго. Уступая просьбамъ своей матери, онъ рѣшился проститься съ полкомъ, разстаться и съ нашимъ домомъ, гдѣ такъ тепло жилось ему. Между тѣмъ, задавшись цѣлью отблагодарить чѣмъ-нибудь матушку за ея постоянное къ нему расположеніе, онъ предложилъ ей опредѣлить въ какой-нибудь кадетскій корпусъ двухъ младшихъ сыновей: Степана, имѣвшаго 12 лѣтъ отъ роду, и меня, едва достигшаго семилѣтняго возроста.

Сообразивъ, что отъ подобныхъ предложеній даже грѣшно отказываться, матушка приняла предложеніе Мякинина съ благодарностью. Ее не пугала разлука съ нами. Братъ Александръ также въ свое время былъ отвезенъ на воспитаніе въ 1-й кадетскій корпусъ, а пришлось же ей съ нимъ свидѣться. Съ другой стороны она вполнѣ могла положиться на Мякинина.

Начались приготовленія къ дорогѣ. Обоихъ насъ обшили, куплена была бричка на ресорахъ, сформирована новая упряжь и выѣзжена вырощенная дома тройка вполнѣ надежныхъ лошадей. Нечего уже и говорить о цѣлыхъ коробахъ разной провизіи, заготовленной для насъ, и о тѣхъ наставленіяхъ, которыя давали намъ, указывая на послѣдовательность ихъ уничтоженія: это ужъ было дѣломъ личной предусмотрительности нашей дорогой матушки.

Передъ отъѣздомъ, желая испросить благословеніе Божіе на дорогихъ сердцу путниковъ, матушка повезла насъ сперва въ Ахтырку, а потомъ въ Каплуновку, гдѣ, по отслуженіи напутственныхъ молебствій передъ святыми иконами явленной Божьей Матери, на насъ были возложены благословенные образки съ изображеніемъ святой Заступницы и Покровительницы дѣтей. По возвращеніи въ Мижиричъ, не долго уже намъ пришлось пользоваться нѣжными ласками родительницы. Нашъ отъѣздъ былъ назначенъ въ день рожденія Богоматери, 8-го сентября.

Выѣхавъ изъ дому въ одномъ экипажѣ съ матушкой, мы, какъ мнѣ помнится, поднялись верстахъ въ двухъ отъ Мижирича на довольно высокую гору, гдѣ было расположено обширное кладбище. Тутъ матушка повела насъ къ могилѣ покойнаго отца, гдѣ все было приготовлено къ отслуженію панихиды: у аналоя стоялъ священникъ, горѣли свѣчи, поставленныя передъ святымъ Евангеліемъ, дымилось кадило въ рукахъ діакона. Священникъ оказался моимъ старымъ знакомымъ: я прожилъ у него нѣкоторое время, отданный матушкой для обученія. Но видно наука и способъ преподаванія священнослужителя мнѣ не особенно понравились, такъ какъ, не проживъ у него и трехъ недѣль, я убѣжалъ.

По отслуженіи панихиды, мы направились къ близь ростущему лѣску. Здѣсь, у опушки, былъ накрытъ столъ и мы усѣлись за своими приборами. Обѣдъ продолжался не долго. Немного времени взялъ и напутственный молебенъ. Подали дорожную бричку. Матушка благословила насъ и повалилась безъ чувствъ на землю. Насъ живо усадили, и тройка помчалась во весь духъ. Бѣдная мать! Она какъ бы предчувствовала, что это ея разставаніе съ дѣтьми послѣднее, на вѣки: она скончалась въ 1831 году отъ холеры, когда я былъ еще въ корпусѣ, а братъ Степанъ сражался въ царствѣ Польскомъ съ возставшими поляками.

По пути мы заѣзжали погостить къ какимъ-то помѣщикамъ Курской и Орловской губерній, и только черезъ мѣсяцъ, если не болѣе, добрались до давно желаннаго Княжнаго села, ночью, въ страшную вьюгу. Почти цѣлый часъ стучались мы въ ворота, но никто не выходилъ; зубы отъ холода били тревогу, руки коченѣли. На-силу-на-силу вышелъ откуда-то дряхлый старичишко, да и тотъ далеко не сразу отворилъ ворота. Убѣдясь въ пріѣздѣ молодого барина, старичишко впустилъ насъ во дворъ и разбудилъ ключницу такихъ же преклонныхъ лѣтъ. Послѣдняя провела насъ въ гостиную, гдѣ мы и расположились на ночлегъ. На нашу просьбу о самоварѣ и ужинѣ ключница наотрѣзъ объявила, что не имѣетъ права ничѣмъ распоряжаться безъ барыни, а будить старуху—сохрани Богъ!

На другой день Мякининъ отправился къ своей матери одинъ, да и то только по ея зову. Свиданіе это, судя по доходившимъ до насъ непривѣтливымъ звукамъ голоса Мавры Петровны, отзывалось чѣмъ-то недобрымъ. Возвратясь къ намъ въ слезахъ, Мякининъ объявилъ, что его мать желаетъ насъ видѣть. Мы уже были одѣты и робко направились въ уборную Мавры Петровны.

— Вотъ этихъ-то хохлятъ привезъ ты?—сказала она, обратившись къ сыну.—Нечего сказать, удружилъ! удружилъ, голубчикъ!..

Затѣмъ, призвавъ къ себѣ ключницу, старуха отдала приказаніе очистить уголъ въ комнатѣ смежной съ кухнею, полной таракановъ и другихъ насѣкомыхъ.

Сколько не умолялъ Мякининъ свою мать отмѣнить это безчеловѣчное приказаніе, представляя ей, какъ роскошно онъ самъ былъ помѣщенъ въ нашемъ домѣ, старуха осталась непреклонною. Высылая насъ отъ себя, она присовокупила, чтобы мы и на глаза-то не смѣли къ ней показываться.

Какъ не отвратительно было указанное намъ помѣщеніе, гдѣ вмѣсто кроватей пришлось спать на рогожахъ, разостланныхъ прямо на грязномъ полу, мы охотно съ нимъ помирились послѣ любезнаго пріема почтенной Мавры Петровны.

Черезъ завѣшанную грязнымъ дырявымъ рядномъ дверь изъ нашей комнаты въ кухню, мы видѣли, какъ приготовлялся обѣдъ и заранѣе упивались мыслью удовлетворить свой волчій голодъ вкусными, новидимому, блюдами. Но не тутъ-то было! Къ барскому столу насъ не позвали, да и отъ стола ничего не приносили. Сѣла обѣдать прислуга, но и къ ней насъ не пріобщили.

Только вечеромъ, и то, вѣроятно, по просьбѣ Мякинина, жена повара, какъ бы украдкой, принесла намъ маленькую крыночку молока да по ломтику чернаго хлѣба, выпеченнаго пополамъ съ мякиной. Другой день, третій, и такъ далѣе до самаго великаго поста 1822 года мы не знали другой пищи, кромѣ объѣдковъ, остававшихся отъ прислуги.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ такого убійственнаго содержанія было появленіе: у меня страшнѣйшей золотушной сыпи на головѣ, обратившейся съ сплошную гнойную болячку и чесотки по всему тѣлу; у брата Степана почти ежедневныхъ лихорадокъ, отъ которыхъ онъ началъ видимо чахнуть.

Наконецъ терпѣніе наше истощилось. Степанъ передалъ Мякинину свои письма къ матушкѣ, въ которыхъ описывалъ ужасъ нашего положенія. Но едва ли они были отправлены, такъ какъ отвѣтовъ на нихъ мы не получали.

Съ наступленіемъ великаго поста, Мякинина, по своему обыкновенію, отправилась отмаливать грѣхи въ ближайшій Тихвинскій монастырь, гдѣ и предполагала остаться до самой страстной недѣли.

Отсутствіе ея, не смотря на строгій постъ, было для насъ временемъ откармливанія, такъ какъ Макининъ, видимо, боялся даже за нашу жизнь. Какими только лакомыми и притомъ скоромными блюдами не кормилъ онъ насъ всю первую и послѣдующія двѣ недѣли поста!

Давать намъ скоромную пищу предписалъ осмотрѣвшій насъ докторъ.

Въ пятницу на четвертой недѣлѣ Мякининъ повезъ насъ въ село Бѣлое—отговѣть. Въ Воскресенье, послѣ святаго причастія, всѣ говѣвшіе были приглашены на чай къ священнику. Въ числѣ гостей было и два-три помѣщика. Одинъ изъ нихъ, старичекъ

весьма почтенный наружности, какъ-то особенно къ намъ приглядывался и, узнавъ отъ Мякинина, съ которымъ не былъ даже знакомъ, что мы привезены имъ изъ Слободско-Украинской губерніи, подошелъ къ брату Степану и завелъ съ нимъ довольно продолжительный разговоръ. На его вопросъ—отчего мы оба такъ грустны и какъ будто нездоровы—братъ молчалъ, вытирая только навернувшіяся слезы. Вынужденный однако сознаться въ причинѣ своихъ слезъ, братъ описалъ ему всю печальную картину нашего положенія въ домѣ Мякининыхъ.

Слушая этотъ разсказъ, почтенный старикъ, видимо, пришелъ въ волненіе, а затѣмъ, оставивъ брата, пригласилъ Мякинина въ другую комнату. Какого рода разговоръ вели они между собою, мы не знаемъ, когда же оба возвратились, оказалось, что старичекъ отбираетъ насъ отъ Мякинина.

Сани его были уже поданы. Предложивъ намъ проститься съ Мякининымъ, онъ попросилъ его, въ свою очередь, не забыть выслать всѣ наши вещи и документы въ село Бѣлое, на его, Ивана Дмитріевича Горемыкина, имя. Только при этомъ мы узнали имя нашего покровителя.

Пріѣхавъ домой, Иванъ Дмитріевичъ представилъ насъ двумъ своимъ сестрамъ-старушкамъ и попросилъ одну изъ нихъ помѣстить насъ въ одной комнатѣ съ его сыномъ Ѳедей. Это тотъ самый Ѳедоръ Ивановичъ Горемыкинъ, который, впослѣдствіи, сдѣлалъ свое имя столь извѣстнымъ въ нашей военной литературѣ.

Расположеніе къ намъ Ивана Дмитріевича было въ полномъ смыслѣ слова отцовское. Со мною онъ самъ занимался чтеніемъ, чистописаніемъ и ариѳметикой, и занимался съ такимъ терпѣніемъ и добротою, что часы занятій были для меня часами удовольствія.

Не долго однако пришлось намъ пользоваться ласками Ивана Дмитріевича и его добрѣйшихъ сестеръ. Передъ самыми праздниками св. Христова Воскресенія пріѣхалъ вышедшій въ отставку младшій братъ Горемыкина. Это былъ старый гусаръ Давыдовскаго времени, чрезвычайно веселый, способный, подчасъ, уморить всѣхъ безъ исключенія со смѣху. Къ несчастью, онъ ужасно страдалъ застарѣлою каменною болѣзнью и во время припадковъ недуга доходилъ до полнѣйшаго бѣшенства. На нашу бѣду его помѣстили въ одной съ нами комнатѣ. Какъ-то разъ, во время страшнаго припадка, онъ началъ кричать, браниться и кривляться. Не имѣя понятія въ чемъ дѣло, мы вообразили, что онъ выдѣлываетъ всѣ эти штуки съ цѣлью позабавить насъ и подняли страшный хохотъ и возню. Вдругъ, видимъ мы, онъ беретъ со стѣны заряженный пистолетъ, и не успѣли мы, что называется, ахнуть, какъ пуля просвистѣла надъ головою Ѳеди и впилась въ противоположную стѣну. Напуганные этимъ выстрѣломъ, мы начали бояться нашего

сожителя и, представивъ въ полное его распоряженіе нашу комнату, стали располагаться на ночлегъ въ гостиной.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, Иванъ Дмитріевичъ получилъ извѣщеніе, что Ѳедя принятъ на казенный счетъ въ 1-й кадетскій корпусъ. Собираясь въ Петербургъ, онъ не рѣшился оставить насъ съ своимъ больнымъ братомъ, а отвезъ насъ къ своей дальней родственницѣ, княгинѣ Голицыной, всѣми уважаемой старушкѣ, жившей одиноко въ своемъ имѣніи.

Изъ нашего короткаго пребыванія у Голицыной, мнѣ памятна лишь чрезвычайная набожность хозяйки. Она постоянно молилась въ особой молельнѣ, уставленной множествомъ образовъ, лампадъ и большихъ серебряныхъ подсвѣчниковъ. Въ ней же находились богатѣйшіе шкафы, наполненные книгами священнаго писанія въ роскошныхъ переплетахъ. Сюда, кажется, съ четырехъ часовъ по полуночи, хозяйка приводила насъ класть съ нею земные поклоны. Не скажу, чтобы это доставляло намъ особенное удовольствіе: поднятые во время самаго лучшаго утренняго сна, мы были совершенно сонные, и наши мысли были заняты совсѣмъ не божественными матеріами. Процедура поклоновъ продолжалась до самаго утренняго чая, акуратно подаваемаго въ 8 часовъ. Ровно въ часъ мы садились обѣдать. Столъ былъ постный, даже безъ рыбы; но мы уже привыкли къ діэтѣ у Мякининыхъ и не чувствовали особеннаго голода при такой строго-монашеской трапезѣ.

До вечерняго чая, подаваемаго ровно въ семь часовъ, мы были совершенно свободны, такъ какъ княгиня разъѣзжала по своимъ имѣніямъ, и проводили время или одни или съ дворовыми мальчишками. Послѣ чая, насъ безотлагательно укладывали спать. На сонъ грядущій, подъ диктовку княгини, мы должны были читать псаломъ «Помилуй мя Боже».

Когда Горемыкинъ возвратился, то взялъ насъ опять къ себѣ, но на очень непродолжительное время. Въ началѣ іюля насъ взялъ къ себѣ Василій Никитичъ Висленевъ, сосѣдній богатый помѣщикъ. Висленевъ былъ вдовъ. Семейство его состояло изъ сына, воспитывавшагося въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и двухъ дочерей: Наталіи и Ксеніи, которыя хотя и казались намъ взрослыми, но находились подъ присмотромъ гувернантки-француженки.

Съ дѣвицами мы сошлись живо. Наше сближеніе началось съ постоянныхъ прогулокъ въ обширномъ паркѣ, непосредственно прилегавшемъ къ прекрасному саду, обсаженному красиво обстриженными липами. Паркъ былъ обворожительный! Столѣтнія сосны наполняли воздухъ смолистымъ ароматомъ; какъ-то особенно легко дышалось въ немъ. Лѣсъ изобиловалъ грибами и ягодами всевозможныхъ сортовъ, и ихъ сборъ составлялъ цѣль нашихъ прогулокъ. Довольно глубокая рѣчка съ прозрачною какъ хрусталь водою

раздѣляла паркъ пополамъ. Эта рѣчка памятна мнѣ по одной проказѣ, надѣлавшей переполохъ во всемъ домѣ. Однажды, забравшись въ паркъ, я увидѣлъ на ея берегу привязанный челнокъ. Ну какъ удержаться отъ соблазна и не прокатиться? Въ минуту челнокъ былъ отвязанъ и я въ немъ. Услужливое теченіе несетъ меня внизъ; я торжествую. Вотъ рѣчка расширяется, превращается какъ бы въ озеро. Обиліе воды еще болѣе радуетъ меня, еще болѣе я чувствую себя героемъ. Я попалъ въ мельничную запруду и несетъ меня прямо подъ мельничныя колеса. Мнѣ и горя мало: опасности не сознаю. Вдругъ слышу крики: «спасайте! спасайте!» Кого? Зачѣмъ? Смотрю вся дворня на ногахъ и самъ Висленевъ бѣжитъ къ мельницѣ. Выбѣжали и мельники; торопливо притянули крючьями челнокъ, выхватили меня и на рукахъ принесли къ Висленеву. Досталось же мнѣ отъ почтеннаго старика! Всякій день за обѣдомъ и ужиномъ я долженъ былъ выслушивать его вопросы: «Хорошо кататься въ челнокѣ? Не хочешь ли еще попробовать?»

Какъ ни непріятны были мнѣ эти вопросы, все же перенести ихъ было легче, нежели быть оставленнымъ дома въ день рожденія Василія Никитича, когда всѣ выбрались кататься по рѣкѣ Мстѣ въ большомъ катерѣ, съ музыкою и пѣсенниками, присланными княгинею Голицыной.

Принявъ насъ къ себѣ, Висленевъ помѣстилъ насъ въ особомъ флигелѣ и приставилъ къ намъ отдѣльнаго лакея; но, послѣ эпизода моего опаснаго плаванія, лакей былъ устраненъ, а мы ввѣрены надзору дворецкаго, почтеннѣйшаго Мины Ивановича, маленькаго, толстенькаго, пожилыхъ лѣтъ человѣка. Насъ обязали называть его не иначе, какъ дядюшкой. Мина Ивановичъ находился при насъ безотлучно. Онъ присутствовалъ при урокахъ, которые намъ давалъ сельскій учитель Висленева, сопровождалъ насъ на прогулки и спалъ съ нами. Онъ быстро вошелъ въ свою роль дядюшки: въ его отношеніяхъ къ намъ были замѣтны и любовь, и нѣжность, и покровительство, и уморительная, но трогательная строгость. Пропалъ ты на Руси, исчезъ безслѣдно, безцѣнный типъ дядюшки изъ крѣпостныхъ при барчукахъ!

II.

Въ Петербургѣ.—Бѣгичева.—Предложеніе Мироновича опредѣлить насъ въ Военно-Сиротское Отдѣленіе.—Субботникъ.—Мы возвращаемся на родину.—Обѣдъ на постояломъ дворѣ въ Грузинѣ.—Опять въ деревнѣ у Висленева.—Курьеръ графа Аракчеева.—Въ Грузинѣ.—Опредѣленіе насъ съ братомъ въ Императорскій Военно-Сиротскій Домъ.—Мои личныя воспоминанія о графѣ Аракчеевѣ.—Анастасія Ѳедоровна и ея женская тайная полиція.

Въ концѣ іюля, Висленевъ уѣхалъ въ Петербургъ, а въ началѣ августа было получено письмо съ приказаніемъ выслать туда же и насъ съ братомъ. Вести насъ долженъ былъ Мина Ивановичъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, насъ помѣстили къ родственницѣ Висленева, вдовѣ генералъ-маіора, Екатеринѣ Николаевнѣ Бѣгичевой. Это была барыня большой руки, съ состояніемъ въ три тысячи душъ, личность, по видимому, всѣми уважаемая. Въ ея домѣ, на Сергіевской улицѣ, намъ были доставлены всѣ удобства, съ заботливостью чисто родственною. Чтобы мы не оставались праздными, къ намъ былъ приставленъ хорошій учитель, ежедневно занимавшійся съ нами по два часа.

Вскорѣ я заболѣлъ сильнѣйшимъ коклюшемъ, угрожавшимъ мнѣ плохимъ концомъ. Домашній докторъ Екатерины Николаевны посѣщалъ меня два раза въ день. Независимо отъ этого, добрая женщина помѣстила меня въ своей спальнѣ, сама слѣдила за акуратнымъ пріемомъ лекарствъ, ухаживала за мной, какъ за роднымъ ребенкомъ, и, проводя у моей кровати безсонныя ночи, не выказывала и тѣни неудовольствія или тягости. Рѣдкая женщина!

Когда я окончательно оправился, пошли суды и пересуды, какъ бы насъ пристроить въ какое-нибудь заведеніе. Между документами о нашемъ дворянскомъ происхожденіи отыскалось письмо нашей матушки къ дѣйствительному статскому совѣтнику Мироновичу. Послѣдній приходился намъ двоюроднымъ дядей. Прежде онъ носилъ нашу фамилію, но вслѣдствіе какой-то странной фантазіи, можетъ быть, желая произвести фамилію непосредственно отъ нашего родоначальника, при помощи своего друга, бывшаго министра юстиціи Трощинскаго, выхлопоталъ разрѣшеніе именоваться Мироновичемъ; родной же его братъ, Яковъ, остался Тимченко-Рубаномъ. Къ этому-то Мироновичу и обратился прежде всего Висленевъ по нашему дѣлу.

Въ это время Мироновичъ состоялъ попечителемъ Военно-Сиротскаго Отдѣленія, куда принимались оберъ-офицерскіе и солдатскіе дѣти. На просьбу Висленева онъ объявилъ, что съ удовольствіемъ помѣститъ насъ въ вышеупомянутое заведеніе, расхвалилъ послѣднее и закончилъ свой разговоръ сообщеніемъ, что тамъ уже воспитываются двое его племянниковъ.

Въ одну изъ субботъ сама Бѣгичева отвезла насъ въ заведеніе. Тутъ была уже получена записка Мироновича о безпрепятственномъ пріемѣ малолѣтнихъ Степана и Ивана Тимченко-Рубановъ. Прощаясь съ нами, Бѣгичева обѣщала прислать за нами на другой день. Намъ указали камеру и кровати. Но что за ужасъ объялъ насъ съ братомъ, когда, спустя нѣкоторое время, въ эту же комнату начали вносить длинныя скамейки и пучки розогъ!

Счетомъ скамеекъ было шесть; ихъ разставили паралельными рядами. Затѣмъ, подъ конвоемъ грозныхъ экзекуторовъ, привели до пятидесяти мальчиковъ. Вотъ отдѣляютъ справа шесть бѣдняковъ, растегиваютъ брючки, укладываютъ на скамейки... и поѣхало!

Слезы, крики, вопли, свистъ розогъ, покрякиванье инквизиторовъ, громкіе плевки въ руку, чтобъ удобнѣе было держать розги, одобрительные возгласы надсмотрщика экзекуціи, перемѣшиваясь между собою, пораждали дикую какофонію. Какъ остолбенѣлые, смотрѣли мы на эту ужасную картину, слушали этотъ душераздирательный концертъ. Съ трепетомъ въ душѣ посматривали мы другъ на друга. Боже! Неужели и до насъ дойдетъ очередь? Но на этотъ разъ наши опасенія были напрасны.

Много, особенно въ шестидесятыхъ годахъ, читалъ я объ ужасахъ, производимыхъ такъ называемыми «субботниками» въ кадетскихъ корпусахъ. По совѣсти говоря, воспитываясь самъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ, во время директорства Арсеньева, также довольно часто прописывались розги даже за ничтожные проступки, я положительно не помню и не знаю, чтобы тамъ существовали «субботники». Въ директорство же Клингенберга розги были почти выведены изъ употребленія. Явившись въ отпускъ къ Бѣгичевой, конечно, мы не скрыли, какое впечатлѣніе произвелъ на насъ субботній концертъ въ Военно-Сиротскомъ Отдѣленіи. Добрая Екатерина Николаевна, слушая насъ, пришла въ отчаяніе. У нея собралось довольно много гостей, въ числѣ которыхъ былъ и Висленевъ. Разговоръ о переданномъ нами событіи сдѣлался общимъ. Особенно горячился сосѣдъ Бѣгичевой, графъ Безбородко-Кушелевъ. Въ концѣ-концовъ, порѣшили общимъ совѣтомъ не возвращать насъ въ отдѣленіе, и въ понедѣльникъ сообщили о томъ Мироновичу. Въ своемъ письмѣ къ нему Бѣгичева просила походайствовать объ опредѣленіи насъ въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Мироновичъ имѣлъ связи съ вліятельными лицами того времени и, безъ сомнѣнія, могъ бы устроить это, но, вѣроятно, оставшись недовольнымъ тѣмъ, что насъ взяли изъ заведенія, находящагося подъ его попечительствомъ, наотрѣзъ отказался отъ личнаго содѣйствія. Пробовала было Бѣгичева обратиться къ своему хорошему знакомому, дѣйствительному статскому совѣтнику Кремповскому, служившему во II-мъ Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, но и тутъ не было успѣха. Какъ узнали потомъ, Кремповскій находился въ это время въ состояніи умопомѣшательства.

Испробовавъ такимъ образомъ все, что только было возможно, для нашего пристроенія, Бѣгичева положительно не знала, что и дѣлать. Вдругъ, совершенно неожиданно, она получила письмо отъ матушки, въ которомъ послѣдняя, благодаря за участіе къ намъ, просила выслать насъ домой. При письмѣ были приложены деньги на дорогу. Нашъ отзывъ матушка мотивировала постановленіемъ Харьковскаго дворянства сдѣлать представленіе о разрѣшеніи открыть въ Харьковѣ кадетскій корпусъ на собственное иждивеніе дворянъ. Въ этотъ-то корпусъ хотѣла пристроить насъ матушка.

Обсудивъ вмѣстѣ съ Висленевымъ это обстоятельство, Бѣгичева нашла невозможнымъ удерживать насъ долѣе и рѣшилась снарядить насъ для путешествія, принявъ всѣ расходы на себя. Намъ купили зимнюю кибитку, а въ проводники назначили опять-таки Мину Ивановича.

Въ половинѣ ноября мы оставили Петербургъ. Висленевъ не могъ ѣхать съ нами, задержанный дѣлами, но мы должны были подождать въ деревнѣ его возвращенія.

Прощаніе наше съ Бѣгичевой было самое трогательное. Оставляя Петербургъ, мы и не подозрѣвали, что скоро вновь появимся въ сѣверной столицѣ.

Путь нашъ лежалъ черезъ знаменитое село графа Аракчеева—Грузино. Здѣсь, какъ и вездѣ при слѣдованіи на долгихъ, мы остановились на постояломъ дворѣ, чтобы пообѣдать и накормить лошадей. Хозяйка двора, женщина молодая, стройная, красивая, высокаго роста, видя, что Мина Ивановичъ заказываетъ для насъ обѣдъ болѣе изысканный, противъ обыкновеннаго приготовлявшагося у нихъ для проѣзжающихъ, полюбопытствовала узнать кто мы, откуда и куда ѣдемъ. Братъ Степанъ разсказалъ ей исторію странствованія нашего по бѣлому свѣту со всѣми подробностями.

Дня черезъ три мы достигли деревни Висленева, крайне удивя его дочерей неожиданностью пріѣзда. Попрежнему зажили мы припѣваючи. Наступилъ декабрь; пріѣхалъ Висленевъ. День нашего выѣзда въ Малороссію назначенъ на 16-е число. Послѣдніе дни проводили мы какъ-то невесело, съ сознаніемъ неопредѣленности нашей дальнѣйшей судьбы. Вдругъ, вечеромъ 15-го числа, въ страшную мятель, со стороны мельницы, мимо которой пролегала большая дорога, послышался колокольчикъ. Звонокъ слышится все ближе и ближе, и къ дому подкатываетъ курьеръ въ крытыхъ саняхъ.

Курьера провели прямо въ кабинетъ къ Висленеву; тамъ онъ отдалъ послѣднему запечатанный пакетъ, произнеся:

— Отъ графа Алексѣя Андреевича Аракчеева!..

Страшно поблѣднѣвъ, старикъ протянулъ было ему дрожащую руку, но, не успѣвъ взять пакета, повалился безъ чувствъ. Изумленный курьеръ, какъ стоялъ, такъ и остался, не трогаясь даже съ мѣста, чтобы позвать кого-нибудь. Къ счастью, двери кабинета не были прикрыты, и Мина Ивановичъ, бывшій въ коридорѣ, первый поднялъ тревогу.

Испуганныя барышни бросились вмѣстѣ съ нами въ кабинетъ, и скоро, общими усиліями, старикъ былъ поставленъ на ноги. Бумага за подписью графа Аракчеева была такого содержанія:

«Немедленно съ симъ курьеромъ отправить ко мнѣ двухъ малолѣтнихъ Тимченко-Рубановъ; прислать и документы на нихъ, буде таковые имѣются».

Черезъ часъ все уже было готово къ нашему отъѣзду. Благословляя насъ, старикъ расплакался, разрыдались и мы, цѣлуя руки нашего благодѣтеля.

Сѣли въ кибитку и съ мѣста помчались во весь духъ. Ночь пролетѣла незамѣтно. Утромъ попросили у курьера позволенія напиться чаю: не тутъ-то было! Такъ же любезно поступилъ онъ съ нами и въ обѣденную пору. Къ вечеру мы пріѣхали въ Грузино, страшно голодные. Насъ помѣстили въ ближайшемъ ко дворцу флигелѣ. Слѣдующій день, должно быть, былъ воскресный, такъ какъ тотчасъ послѣ чая, насъ повели въ дворцовую церковь.

По окончаніи богослуженія, мы были приведены въ пріемный залъ. Сюда къ намъ вышла знаменитая Анастасія Ѳедоровна и, обласкавъ насъ, объявила, что до пріѣзда графа мы можемъ оставаться въ томъ же флигелѣ, а къ обѣду насъ будутъ звать во дворецъ.

Наканунѣ праздника Рождества Христова, пріѣхалъ и самъ графъ. Анастасія Ѳедоровна представила ему насъ. Онъ поцѣловалъ насъ обоихъ въ лобъ, спросилъ у кого и зачѣмъ мы были въ Петербургѣ, но подробностями, какъ и зачѣмъ мы попали въ Новгородскую губернію, графъ не интересовался. Потомъ, обратясь къ артиллеріи полковнику Купріянову, графъ поздравилъ его съ новыми племянниками и предложилъ помѣститься съ нами въ отведенномъ уже намъ флигелѣ. Графъ приказалъ, чтобы его архитекторъ занимался съ нами чтеніемъ, чистописаніемъ, ариѳметикою и рисованіемъ и, отпуская насъ, присовокупилъ, чтобы къ обѣду мы ежедневно присылались къ нему.

Почти весь 1823 годъ мы провели у графа Алексѣя Андреевича, сначала въ Грузинѣ, а потомъ въ Петербургѣ. Въ Грузинѣ мы довольно часто гуляли, въ Петербургѣ же, кромѣ сада и двора при домѣ графа, на углу Кирочной и Литейной улицъ, насъ никуда не выпускали. Поэтому жизнь въ Грузинѣ намъ была несравненно болѣе по сердцу. Что теперь представляетъ изъ себя Грузино— не знаю; но шестьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ оно совершенно было достойно названія второго Царскаго Села. Дворецъ графа, конечно, былъ самымъ выдающимся зданіемъ. Съ задней стороны дворца находился садъ съ оранжереями, парниками и затѣйливыми бесѣдками. Одна изъ послѣднихъ считалась опасной, вслѣдствіе отраженія изъ нея эхо прямо въ кабинетъ графа. Со стороны передняго фасада дворца, у подъѣзда, была чистенькая, усыпанная желтымъ пескомъ, площадка, впереди которой, противъ параднаго крыльца, красовалась широкая липовая аллея. Эта аллея шла посреди широчайшей улицы, застроенной различными флигелями. Въ концѣ аллеи стоялъ храмъ, соборъ Андрея Первозваннаго, и рядомъ съ нимъ павильонъ, въ которомъ помѣщалась статуя того же святаго во весь ростъ. За соборомъ находился штабъ военныхъ по-

селеній и принадлежащія къ нему постройки. Площадь, усыпанная желтымъ пескомъ, содержалась замѣчательно чисто: если кому-либо изъ служащихъ случалось пройти по ней, то слѣды отъ его ногъ немедленно заметались сторожами. Постороннимъ запрещалось ходить по этому плацу.

Соборъ Андрея Первозваннаго удивлялъ меня своими массивными размѣрами, но особой красоты по наружной своей архитектурѣ не представлялъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось мнѣ. Внутренней отдѣлки, положительно, не припомню. Осталось только въ памяти, что при входѣ въ него черезъ сѣверную дверь, на стѣнѣ, по лѣвую отъ входа руку, былъ повѣшенъ портретъ во весь ростъ государя императора Александра Павловича, у ногъ котораго стоялъ гробъ, заготовленный графомъ для своихъ бренныхъ останковъ. На крышкѣ гроба стояла надпись: «Прахъ мой у ногъ твоихъ», а на боковой наружной части гроба: «Безъ лести преданъ».

Любимою нашею прогулкою была дорога, ведущая къ пристани на рѣкѣ Волховѣ. Здѣсь стояли и сновали суда разной величины и конструкціи. Между ними красовались два небольшіе, хорошенькіе фрегата, предназначавшіеся для разъѣздовъ самого графа. По угламъ на фрегатахъ, подняты были или спущены флаги, почему ѣдущіе черезъ Грузино могли узнавать дома ли графъ, или въ отсутствіи.

Пристань обозначалась двумя башнями, построенными на берегу со стороны Грузина. Одна изъ башенъ служила кордегардіей для караула, въ другой была контора для разсчетовъ съ хозяевами, прибывшими въ Грузино съ разными продуктами.

Во время нашего пребыванія въ Грузинѣ, графъ былъ осчастливленъ посѣщеніемъ императора Александра Павловича. Въ другое время въ Грузино пріѣзжали великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи, съ докладами: первый по инженерной части, а второй по артиллерійской. Нѣсколько позже пріѣзжалъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, но, недовольный долгимъ ожиданіемъ пріема, чему, какъ говорили, очень часто подвергались его младшіе братья, выбранилъ графа и уѣхалъ, не видѣвши его.

Въ концѣ октября, насъ съ братомъ перевезли въ Петербургъ, прямо въ домъ графа Аракчеева. Почти два мѣсяца проболтались мы здѣсь, ровно ничего не дѣлая. Самого графа въ Петербургѣ не было: онъ пріѣхалъ около 20-го декабря, а 23-го по запискѣ графа къ директору Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома, генералъ-маіору Арсеньеву, насъ приняли въ это заведеніе. Въ напутствіе намъ графъ сказалъ:

— Я помѣщаю васъ въ лучшее и любимое заведеніе, основанное по моему проекту блаженной памяти императоромъ Павломъ Петровичемъ и, ежели вы будете учиться и вести себя хорошо, я не забуду васъ.

Такимъ образомъ мы были пристроены окончательно.

О личности графа Алексѣя Андреевича я, конечно, не мало знаю, читая почти все, что только писали о немъ въ разное время; но, живя въ Грузинѣ, намъ, дѣтямъ, не приходило даже въ голову изучать характеръ этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля. Все что я намѣренъ сказать о немъ, заимствовано изъ однихъ лишь разсказовъ, случайно нами слышанныхъ въ Грузинѣ. Хорошо же они сохранились въ моей памяти потому, что и въ болѣе позднее время вспоминали мы ихъ съ братомъ.

Дѣятельность Аракчеева, по словамъ всѣхъ его окружавшихъ, была изумительная. Всѣ въ одинъ голосъ повторяли, что не знаютъ, когда онъ и спитъ. Онъ ложился спать около 11-ти часовъ, а уже въ два часа ночи посѣщалъ и штабъ военныхъ поселеній и чертежную, гдѣ въ это время кипѣла работа. Дежурные при немъ адъютанты должны были быть на ногахъ цѣлыя сутки, въ полной формѣ. Они то и дѣло разсылались съ его порученіями.

Не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ и о сожительницѣ графа, Анастасіи Ѳедоровнѣ Минкиной, которую графъ называлъ «своею Настею». Это была весьма видная, красивая и умная женщина. Происхожденія ея не знаю; говорили, впрочемъ, что она была простая крестьянка графа, поступившая къ нему вскорѣ послѣ похоронъ его жены. Одѣвалась она всегда чрезвычайно парадно: бархатъ, кружева, бриліанты—составляли ея обыкновенный нарядъ. Своею угодливостью и предупредительностью она снискала себѣ безграниченую любовь графа и его довѣріе. Все дворцовое хозяйство въ Грузинѣ было на ея рукахъ; всѣмъ распоряжалась она безконтрольно.

Устроивъ себѣ тайную полицію изъ женщинъ, она отлично знала, что дѣлается въ каждомъ уголкѣ Новгородскаго поселенія, хотя сама почти всегда сидѣла дома. Эти свои свѣдѣнія, когда находила нужнымъ, она сообщала графу, но не иначе, какъ при гаданіяхъ на картахъ. Убѣдясь неоднократно въ справедливости этихъ гаданій, графъ пристрастился къ нимъ и никогда не выѣзжалъ изъ дому, не испросивъ на это соизволенія своего домашняго оракула, своего «ангела хранителя», какъ называлъ онъ Анастасію Ѳедоровну. Дворовые люди ненавидѣли сожительницу графа и трепетали передъ ней. Они называли ее колдуньей и это названіе особенно упрочилось за ней, послѣ ея предсказанія о заряженномъ ружьѣ у одного изъ рядовыхъ того баталіона, который графъ намѣренъ былъ смотрѣть. Всѣ были изумлены, когда во время смотра, обходя первую шеренгу, графъ неожиданно остановился у второго съ лѣваго фланга солдата и, послѣ приказанія взять на изготовку и выстрѣлить въ поле, выстрѣлъ дѣйствительно послѣдовалъ. Виновный тутъ же сознался въ намѣреніи убить графа.

Быть можетъ, женской полиціи и мы обязаны нашимъ опредѣленіемъ въ корпусъ. Что мудренаго, что хозяйка постоялаго двора, на которомъ мы останавливались при нашемъ проѣздѣ изъ Петербурга черезъ Грузино, могла передать Анастасіи Ѳедоровнѣ, какихъ гостей принимала у себя?

Прощаясь съ нами въ 1826 году, графъ выразилъ желаніе, что бы мы, по окончаніи курса, заѣхали къ нему въ Грузино. Къ сожалѣнію, ни я, ни мой братъ не могли этого сдѣлать и только письменно благодарили его за оказанное намъ покровительство. Графъ прислалъ отвѣты черезъ директора корпуса Клингенберга. Къ отвѣту на письмо брата были приложены двѣсти рублей, принадлежавшіе намъ и оставленные въ Грузинѣ. Удивительно, какъ графъ не забылъ объ этихъ деньгахъ.

Графъ Арачкеевъ скончался въ 1834 году. Это событіе сообщилъ намъ въ Полоцкѣ бывшій командиръ нашего 2-го армейскаго корпуса, генералъ отъ кавалеріи баронъ Крейцъ, когда, по случаю перваго дня Пасхи, всѣ военнослужащіе собрались къ нему съ поздравленіями.

— Теперь,—добавилъ баронъ,—уже я сталъ первымъ по времени производства въ генералы русской арміи.

Миръ праху твоему, благодѣтель, графъ Алексѣй Андреевичъ! Что бы не говорили и не писали о тебѣ, я, лично, все-таки сохраняю и сохраню по гробъ свой память о тебѣ, какъ объ истинномъ моемъ благодѣтелѣ!

III.

Основаніе Императорскаго Военно-Сиротскаго Дома.—Отношеніе къ заведенію императора Павла Петровича и императрицы Маріи Ѳедоровны.—Переформированіе заведенія при воцареніи Александра I-го.—Учрежденіе Императорскаго Военно-Сиротскаго Института.—Порядокъ въ заведеніи во время нашего опредѣленія.—«Старые кадеты».—«Назначеніе къ выпуску».—Наводненіе 8-го ноября 1824 года.—Введеніе въ корпусахъ строя.—Посѣщеніе нашего заведенія императоромъ Николаемъ Павловичемъ.—Лагери.—Назначеніе Демидова главнымъ директоромъ кадетскихъ корпусовъ.—Его ханжество и причуды.—Продѣлки кадетъ.—Дѣятельность Демидова.

Императорскій Военно-Сиротскій Домъ основанъ Павломъ I-мъ, въ 1798 году, съ цѣлью пріюта и воспитанія въ немъ дѣтей убитыхъ и раненыхъ на полѣ сраженія воиновъ. По высочайше утвержденному для этого заведенія штату, оно должно было состоять изъ 200 воспитанниковъ и 50 воспитанницъ благороднаго происхожденія, переведенныхъ изъ Гатчинскаго Военнаго Училища, учрежденнаго въ 1795 году, когда Павелъ Петровичъ былъ еще наслѣдникомъ престола, и 800 сыновей и 50 дочерей солдатскихъ; при

немъ же была учреждена и богадѣльня на 300 инвалидовъ. Графъ Воронцовъ подарилъ для заведенія громадный домъ съ обширнымъ пустымъ мѣстомъ въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ, у Обухова моста. Не смотря на свою величину, домъ оказался тѣснымъ, и его пришлось расширить пристройкою трехъ новыхъ корпусовъ. Воспитанники изъ дворянскихъ дѣтей выпускались въ офицеры во всѣ роды войскъ, лучшіе въ гвардію. Солдатскіе дѣти поступали писарями во всѣ военныя управленія.

Весьма долго въ стѣнахъ заведенія жило преданіе о томъ, до какой степени императоръ Павелъ Петровичъ и императрица Марія Ѳедоровна любили свое дѣтище. Не было и недѣли, чтобы питомцы заведенія не видѣли своихъ августѣйшихъ покровителей. Императрица никогда не пріѣзжала безъ цѣлаго транспорта корзинъ, наполненныхъ конфектами и другими лакомствами, которыя она собственноручно раздавала и мальчикамъ и дѣвочкамъ. Императоръ, въ сравненіи съ его отношеніями къ другимъ заведеніямъ, былъ даже пристрастенъ къ Дому. Это пристрастіе весьма рельефно выражалось по отношенію къ выпускнымъ воспитанникамъ: сверхъ обмундированія, имъ выдавалось еще денежное пособіе изъ какого-то собственно для этого существующаго капитала. Для производимыхъ же въ полки гвардейской кавалеріи государь дарилъ верховыхъ лошадей изъ собственной конюшни.

Въ началѣ царствованія Александра Павловича, заведеніе было переформировано: солдатскія дѣти были выведены, а число дворянскихъ питомцевъ увеличено: воспитанниковъ—до 400, а воспитанницъ—до 200.

Воспитанники помѣщались въ среднемъ этажѣ корпусовъ зданія, воспитанницы въ верхнемъ. Церковь, классы и столовая, раздѣленная аркою на двѣ части, были общіе. Въ церкви воспитанницы стояли впереди по обѣ стороны средняго прохода, а воспитанники сзади ихъ. Пѣвчіе набирались изъ воспитанниковъ и воспитанницъ и помѣщались на хорахъ противъ алтаря при одномъ дежурномъ офицерѣ и одной классной дамѣ.

Въ классахъ дѣвицы съ своими дамами сидѣли на переднихъ скамейкахъ, мальчики съ офицерами на заднихъ. Порядокъ, какъ говорили, соблюдался весьма чинно.

Такъ продолжалось до 1811 года, когда дѣвицы были переведены въ особое зданіе близъ Калинкина моста, а самое ихъ заведеніе получило названіе Императорскаго Военно-Сиротскаго Института.

Тринадцатилѣтнее существованіе подъ одной кровлей сроднило дѣтей одного заведенія.

Институтки, по преданію, очень долго послѣ ихъ отдѣленія называли насъ «братцами». Презабавно было видѣть, какъ эти дѣвочки, когда баталіонъ кадетъ проходилъ мимо нихъ въ лагерь или

возвращался изъ него, посылали воздушные поцѣлуи и кричали: «братцы, милые, душечки» и т. д.

При опредѣленіи насъ въ Императорскій Военно-Сиротскій Домъ, въ немъ было двѣ роты по 250 человѣкъ въ каждой. Изъ нихъ въ каждой ротѣ 150 строевыхъ и 100 малолѣтнихъ. Обоихъ насъ зачислили во 2-ю роту: брата въ строевые, меня въ малолѣтніе. Переходъ въ строевые считался какимъ-то особеннымъ торжествомъ. Выскочить изъ курточки и нарядиться въ мундиръ составляло любимую мечту малолѣтнихъ. Классовъ было 12: 4 верхнихъ, 4 среднихъ и 4 нижнихъ. Въ верхнихъ и нижнихъ было по одному отдѣнію, въ среднихъ по два. Выпуски производились: изъ 1-го верхняго въ гвардію, свиту его величества (нынѣ генеральный штабъ), артиллерію и саперы; изъ 3-го и 4-го въ армейскіе полки.

Изъ 4-го верхняго класса выпускались совершенно отпѣтые. Надобно сказать, что наши воспитанники этого класса, подобно «седьмовцамъ» другихъ кадетскихъ корпусовъ, слыли въ заведеніи подъ именемъ «старыхъ кадетъ». Типъ стараго кадета выражался въ манерѣ ходить въ перевалку, со сжатыми кулаками, при готовности сбить съ ногъ всякаго попавшагося на пути, говорить басомъ, ни кому не спускать, ѣсть за троихъ, до обжорства, фалды на мундирѣ носить узенькія, наподобіе ласточьяго хвоста и непремѣнно самому ихъ передѣлывать; въ случаѣ, если спроситъ учитель, отвѣчать, не трогаясь съ мѣста: «ставьте нуль; ничего не знаю!» при тѣлесныхъ наказаніяхъ спартански молчать, не позволяя себѣ даже тяжелаго вздоха, дабы возбудить за это похвалу отъ подобныхъ же субъектовъ. Были и такія личности, которыя, за ничтожное вознагражденіе, за какіе-нибудь три-четыре казенные пирога, соглашались подвергнуть себя наказанію розгами, вмѣсто приговоренныхъ къ этому наказанію. Незнаніе ротными командирами фамилій своихъ кадетъ вполнѣ благопріятствовало подобнымъ сдѣлкамъ. Для нихъ достаточно было знать число подвергаемыхъ наказанію, лишь бы оно соотвѣтсвовало списку, препровожденному инспекторомъ.

Сильно развитое чувство ложнаго стыда у старыхъ кадетъ особенно бросалось въ глаза. Отлично помню эпизодъ съ кадетомъ Ф—мъ: какъ-то ему сказали, что къ нему пришла мать; онъ вышелъ въ коридоръ (пріемной комнаты тогда еще не было), гдѣ было много другихъ воспитанниковъ. Замѣтивъ, что мать плохо одѣта, Ф—въ спросилъ:

— Что тебѣ надо?

— Я тебѣ, сыночекъ, пѣтушка принесла,— и, раскрывъ свой поношенный салопъ, показала Ф—ву пѣтуха.

— Что ты, старуха, срамишь меня? убирайся!

Затѣмъ, обратясь къ бывшимъ тутъ кадетамъ, онъ не постыдился сказать, что къ нему приходила вовсе не мать, а съумасшедшая дура, ея служанка.

Старые кадеты, не смотря на свою отпѣтость, были всегда, по крайней мѣрѣ въ мое время, чрезвычайно почтительны и даже любезны по отношенію къ воспитанникамъ, отличавшимся хорошимъ ученіемъ и поведеніемъ. Любопытный фактъ! Интересно знать: можно ли и какъ объяснить это явленіе?

Старыхъ кадетъ производили въ армейскіе прапорщики по выбору. Этотъ процесъ назывался «назначеніемъ къ выпуску». Процедура приготовленія старыхъ кадетъ къ этому дню не лишена интереса: многіе изъ нихъ, хотя и были весьма солидныхъ лѣтъ, выглядѣли моложаво, и вотъ, чтобы не остаться отъ выпуска и казаться дѣйствительно стариками, еще съ вечера передъ днемъ назначенія, они запасались мундирами съ болѣе рослыхъ и плечистыхъ, одѣваясь въ нихъ, подкладывали подъ грудь чуть не цѣлыя подушки, а лица смазывили сажей съ свѣчнымъ саломъ изъ ночниковъ. Такая гримировка почти всегда удавалась, такъ какъ начальство всегда было радо отдѣлаться отъ подобныхъ экземпляровъ. Сколько помню, безобразія эти продолжались изъ года въ годъ до вступленія въ должность главнаго директора кадетскихъ корпусовъ, генералъ-адъютанта Николая Ивановича Демидова.

Не прошло и года по опредѣленіи насъ въ заведеніе, какъ Петербургъ подвергнулся ужасному бѣдствію, произведенному наводненіемъ 8 ноября 1824 года. Объ этомъ событіи писали много. Мнѣ остается только сообщить тѣ частности, которымъ я былъ свидѣтель, оставаясь въ четырехъ стѣнахъ заведенія.

Утромъ 8 ноября мы были въ классахъ. Около 10 часовъ утра послышались выстрѣлы изъ крѣпости, возвѣщавшіе о подъемѣ воды. Выстрѣлы учащались и учащались. Учителя ушли; насъ вывели въ камеры. Скоро вода пробралась на нашъ дворъ, поднялась на высоту $2^1/_2$ аршинъ, залила весь подвальный этажъ, гдѣ были кухни и другія службы и начала заливать нижній. Офицеры съ семействами искали убѣжища у насъ. Мы, конечно, уступили имъ свои кровати, а сами ночевали на полу двѣ ночи. Въ теченіе трехъ дней мы продовольствовались только хлѣбомъ да картофелемъ, который доставали изъ-подъ воды и пекли въ печкахъ.

Послѣ наводненія, когда начались лекціи, учителя нашихъ низшихъ классовъ, жалуясь на свое раззореніе, просили насъ помочь имъ кто чѣмъ можетъ, обѣщая съ своей стороны поставить хорошія отмѣтки къ полугодичному экзамену. Будучи не въ состояніи помочь имъ, мы имѣли полную возможность школьничать. Пострадали костяжки казенныхъ брюкъ: предварительно обернувъ ихъ въ бумагу, мы съ важностью клали ихъ на каѳедру. Учитель ариѳметики, Изосимскій, не утерпѣлъ, чтобы не полюбопытствовать, что ему жертвуется, и, развернувъ двѣ-три бумажки, обру-

галъ насъ плюгавцами, обѣщая одѣлить всѣхъ единицами. Въ верхнихъ классахъ, гдѣ не было «учителей съ Синяго моста», какъ мы называли своихъ, ничего подобнаго не было.

Въ концѣ ноября 1825 года, Петербургъ былъ опечаленъ извѣстіемъ о кончинѣ императора Александра Павловича. Николай Павловичъ, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, обратилъ свое вниманіе на кадетскіе корпуса. Желая развить въ кадетахъ, паралельно научнымъ свѣдѣніямъ, и воинскій духъ, онъ отдалъ приказаніе обучать ихъ всѣмъ родамъ пѣшаго строя и выводить въ лагерь подъ Красное Село. Обученіе строю поручено было попеченію великаго князя Михаила Павловича. Прежніе каникулы были отмѣнены.

Въ началѣ 1826 года, государь посѣтилъ въ первый разъ наше заведеніе. Къ сожалѣнію, онъ остался имъ крайне недоволенъ: войдя въ одну изъ камеръ и поднявъ собственноручно тюфякъ съ кровати воспитанника Сладковскаго, онъ замѣтилъ на доскахъ какую-то тетрадку. Тетрадь оказалась собраніемъ разныхъ запрещенныхъ стихотвореній. Государь приказалъ арестовать ротнаго командира, подполковника Бриммера, а воспитанника Сладковскаго, послѣ строгаго наказанія, отправить въ Дворянскій полкъ.

Вскорѣ послѣ того государь назначилъ день для вторичнаго своего посѣщенія. На этотъ разъ воспитанники должны были быть одѣты въ полную парадную зимнюю форму и выстроены въ рекреаціонномъ залѣ.

Обходя фронтъ, государь замѣтилъ, что у нѣкоторыхъ воспитанниковъ брюки были подсинены, а у другихъ рыжеваты. Подсинялись брюки ходившими въ отпускъ, изъ франтовства; рыжѣли у остальныхъ отъ долгаго лежанія въ цейхаузѣ, безъ употребленія.

— Это что за разнокалиберщина?! — спросилъ государь у директора. Видя, что Арсеньевъ молчитъ, онъ добавилъ: — Это преступное казнокрадство!

Къ величайшему нашему изумленію и страху, Арсеньевъ возразилъ на гнѣвныя слова государя:

— Я, ваше величество, служилъ дѣду, отцу и старшему вашему брату, но и отъ нихъ никогда ничего подобнаго не слышалъ.

Кто повѣритъ теперь, чтобы Николай Павловичъ, какимъ мы его знали, удовольствовался бы при этомъ только однимъ суровымъ взглядомъ на Арсеньева и затѣмъ, молча, оставилъ бы заведеніе?

Послѣ этого всѣ ожидали крушенія Арсеньева, но и этого не случилось. Говорили, что императрица-мать, Марія Ѳедоровна, знавшая Арсеньева и благоволившая къ нему, выручила его изъ угрожающей бѣды.

Въ 1826 и 1827 годахъ, всѣ строевые роты кадетскихъ корпусовъ были выведены въ лагерь подъ Красное Село. Наша 1-я рота была прикомандирована къ 1-му кадетскому корпусу, 2-я—ко 2-му. Маршрутъ былъ назначенъ на Царское Село и Павловскъ. Въ обоихъ этихъ пунктахъ кадеты получали пищу изъ царской кухни.

При моемъ поступленіи въ Императорскій Военно-Сиротскій Домъ, главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній былъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ; но такъ какъ онъ проживалъ постоянно въ Варшавѣ, то въ помощь ему назначался, такъ называемый, главный директоръ кадетскихъ корпусовъ. Въ 1823 году, такимъ директоромъ былъ генералъ-отъ-инфантеріи Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, назначенный въ 1826 году, послѣ смерти Милорадовича, петербургскимъ ген. губернаторомъ. На его мѣсто поступилъ генералъ-отъ-инфантеріи, генералъ-адъютантъ, Николай Ивановичъ Демидовъ. Это былъ человѣкъ безспорно умный, но съ большими предразсудками и странностями, и притомъ ханжа, какихъ мало. Горячо взявшись за исполненіе своей должности, онъ безпрестанно объѣзжалъ всѣ заведенія, а по воскресеньямъ непремѣнно присутствовалъ въ какомъ-нибудь корпусѣ на обѣднѣ. Боже сохрани, если какой-нибудь воспитанникъ на его вопросъ: о чемъ читалось въ евангеліи, не дастъ вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта! Розги, сбавка балловъ за поведеніе, лишеніе отпуска на весьма продолжительное время, были обыкновенными карательными мѣрами. Не приведи Богъ прозѣвать сдѣлать ему фронтъ, при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ! Мало того, что отберетъ билетъ и прикажетъ возвратиться въ корпусъ, но и отшельмуетъ еще въ приказѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ, съ наложеніемъ новыхъ взысканій. Его выѣздной лакей, будучи постояннымъ свидѣтелемъ таковой строгости, бывало, какъ только увидитъ, издали, съ своихъ запятокъ, кадета, машетъ ему своимъ краснымъ платкомъ: «Ѣдетъ-де самъ генералъ!» Не одного кадета спасалъ этотъ добрый человѣкъ отъ угрожающей бѣды.

Желая удостовѣриться, какъ производится въ корпусахъ зимнее фронтовое ученіе, Демидовъ приказалъ привозить къ себѣ каждую субботу ординарцевъ. Камердинеръ генерала чрезвычайно вѣрно угадывалъ останется ли баринъ доволенъ ими. Оказывалось, что расположеніе духа Демидова зависѣло всецѣло оттого, удастся ли ему ловко, сразу вскочить въ подаваемую ему утромъ чистую рубаху.

Отъ этого же камердинера узнали мы, какъ не любилъ Демидовъ встрѣчаться съ попами: онъ всячески избѣгалъ этихъ встрѣчъ, но разъ это оказывалось неизбѣжнымъ, генералъ останавливался, сажалъ священника къ себѣ въ экипажъ, и тотъ волею-неволею, долженъ былъ отправляться въ противоположную сторону.

Не переносилъ, между прочимъ, Демидовъ мрачнаго вида въ кадетахъ. Кадеты, говорилъ онъ, пользуются такими неизчислимыми милостями государя, что всегда должны имѣть бодрый, веселый и благодарный видъ. Впрочемъ, благодаря комичной фигурѣ Демидова, ему рѣдко приходилось видѣть, чтобы кадетъ смотрѣлъ на него мрачно. До какой степени его фигура была комична, показываетъ множество его портретовъ, рисовавшихся на доскахъ и стѣнахъ всѣхъ корпусовъ. Голосъ Демидова былъ чрезвычайно рѣзкій, пискливый и непріятный. Кадеты часто позволяли себѣ школьничать по отношенію къ своему главному директору. Въ лагерѣ 1827 года, палатка его была разбита по среди двухъ полковъ, составлявшихъ отрядъ военно-учебныхъ заведеній. За нею въ сотнѣ шагахъ былъ разбитъ шатеръ государя императора. Между палаткой и шатромъ была проведена дорожка, усыпанная желтымъ пескомъ. Зная, что государь очень часто зоветъ къ себѣ Демидова, кадеты разбрасывали заранѣе по дорожкѣ соломенные крестики. Растаптывая ихъ, Демидовъ приходилъ въ неописанное смущеніе и былъ такъ забавенъ, что даже государь трунилъ надъ нимъ.

Были между кадетами мастера и передразнивать Демидова. Особенно отличался этимъ кадетъ 2-го корпуса, Мавринъ. Не разъ удавалось ему всполошить весь лагерь, когда начнетъ, бывало, онъ кричать на кого-нибудь, поддѣлываясь подъ голосъ генерала. Эти штуки Мавринъ продѣлывалъ не только въ отсутствіе Демидова изъ лагеря, но даже и при немъ. Собравъ какъ-то весь отрядъ, Демидовъ обратился къ кадетамъ:

— Кто это изъ васъ, дѣтушки, такъ хорошо меня представляетъ? Признайтесь! важнаго проступка я тутъ не вижу; хочу только посмотрѣть на своего двойника.

Къ нашему удивленію, Мавринъ вышелъ впередъ. Похваливъ и обласкавъ его, Демидовъ предложилъ ему представить себя. Мавринъ не задумался и, обратясь къ адъютанту 2-го корпуса, капитану Черневу, началъ распекать его за неправильно составленный утренній рапортъ. Весь отрядъ покатился со смѣху; хохоталъ и самъ Демидовъ.

Хотя Мавринъ и получилъ отъ генерала поощреніе въ видѣ два раза повтореннаго «браво», но тутъ же долженъ былъ выслушать предупрежденіе, что ему сильно достанется, если онъ вздумаетъ повторять свои продѣлки.

Казалось бы, что человѣкъ, надѣленный подобными качествами, никакъ не могъ отвѣчать высокому назначенію, тѣмъ не менѣе дѣятельность Демидова была вполнѣ благотворная. Между прочимъ, онъ задался цѣлью искоренить въ кадетскихъ корпусахъ духъ старокадетчества и почти достигъ своей цѣли, хотя ему и пришлось для этого поисключить многихъ воспитанниковъ въ армейскіе юнкера. Изъ нашего заведенія были исключены только двое:

Проссъ и Потѣшинъ. Обоихъ мы оплакивали. Замѣчательно, что когда Демидовъ предлагалъ Арсеньеву представить списокъ воспитанниковъ, подлежащихъ переводу въ армейскіе юнкера, Арсеньевъ отвѣтилъ:

— У меня такихъ нѣтъ и не было!

Тогда Демидовъ назначилъ самъ вышепоименованныхъ кадетъ, по разсмотрѣнію списка штрафованныхъ.

На учебную часть Демидовъ обратилъ особенное вниманіе. По его приказанію были составлены первыя программы, обязательныя для всѣхъ корпусовъ. Провѣркою хода занятій онъ занимался самъ, посѣщая не менѣе раза въ недѣлю каждый корпусъ, во время лекцій. Ради страха попасть подъ громъ и молнію Демидова, искоренилась прежняя лѣнь, въ особенности между седьмовцами корпусовъ и нашими воспитанниками 4-го верхняго класса. Дисциплина соблюдалась весьма строго, до педантизма. Приказы главнаго директора, отдаваемые по всѣмъ корпусамъ, въ видахъ укорененія нравственности, были образцовые. Словомъ, нельзя не сказать, что назначеніе Демидова на должность главнаго директора кадетскихъ корпусовъ было болѣе, нежели удачное.

И. Тимченко-Рубанъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПРОЖИТОМЪ [1].

IV.

Переименованіе Императорскаго Военнаго Сиротскаго Дома въ Павловскій кадетскій корпусъ.—Публичные экзамены.—Помѣщеніе кадетъ въ Александрійскомъ дворцѣ.—Назначеніе главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній Михаила Павловича и уничтоженіе должности главнаго директора кадетскихъ корпусовъ.—Положеніе моихъ дѣлъ въ корпусѣ.—Субботніе обѣды у Михаила Павловича и ихъ четверговыя репетиціи у директора.—Окончаніе мною курса въ корпусѣ.—Отношеніе императора Николая I къ военно-учебнымъ заведеніямъ.—Мое послѣднее посѣщеніе графа Аракчеева.—Прощальная рѣчь графа.—Разговоръ Купріянова съ неизвѣстнымъ.

ВЪ НАЧАЛѢ 1828 года, Императорскій Военно-Сиротскій Домъ и одноименный съ нимъ институтъ, въ память своего основателя, были переименованы въ Павловскіе: кадетскій корпусъ и институтъ благородныхъ дѣвицъ. Для послѣдняго, спустя нѣкоторое время, было выстроено новое зданіе на Знаменской улицѣ.

Съ переименованіемъ въ корпусѣ измѣнилась и организація нашего заведенія. Образовано было пять ротъ: гренадерская, комплектовавшаяся изъ лучшихъ воспитанниковъ, изъ которыхъ выбирались унтеръ-офицеры и фельдфебеля, первая, вторая, третья и неранжированная; послѣдняя замѣнила малолѣтнія отдѣленія.

Ротами командовали капитаны. Директоромъ корпуса, вмѣсто Арсеньева, былъ назначенъ Карлъ Ѳедоровичъ Клингенбергъ. Соб-

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XL. стр. 332.

ственно на кадетахъ преобразованіе отозвалось лишь небольшимъ измѣненіемъ формы и улучшеніемъ стола.

Клингенбергъ обратилъ особенное вниманіе на нравственную часть. При немъ, тѣлесное наказаніе, если и не было совершенно вытѣснено изъ употребленія, то сдѣлалось, во всякомъ случаѣ, рѣдкостью. Подвергшіеся ему кадеты клеймились презрѣніемъ товарищей. Самыя наказанія производились больше для проформы.

Помню только два случая строгихъ тѣлесныхъ наказаній въ нашемъ корпусѣ и строгими называю ихъ только потому, что ихъ произвели при собраніи всѣхъ воспитанниковъ заведенія. Въ первый разъ былъ наказанъ кадетъ М—на за то, что припечаталъ сургучемъ къ каѳедрѣ бороду священника Граціанскаго. Батюшка, возвратясь съ похоронъ какого-то важнаго лица, уснулъ въ классѣ. Въ другой разъ было наказано четверо выпускныхъ воспитанниковъ, сильно избившихъ ночью нагайками кадета З—ова 2-го. Правда нашумѣлъ директоръ сильно, но велѣлъ наказать каждаго только пятью ударами, присовокупивъ: «Высѣчь-то высѣку, а выпустить—выпущу. Отцовъ и матерей вашихъ не хочу дѣлать несчастными!»

Учебная часть стояла у насъ далеко не ниже, чѣмъ въ другихъ корпусахъ. Публичные экзамены выпускнымъ всѣхъ заведеній, учрежденные въ 1828 году главнымъ директоромъ Демидовымъ, вполнѣ подтвердили сказанное мною. Экзамены производились въ залѣ 1-го кадетскаго корпуса профессорами университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Результаты экзаменовъ 1828, а особенно 1829 годовъ, поставили Павловскій корпусъ на первое мѣсто. Во время экзаменовъ произошли непріятности между профессорами и директорами корпусовъ, вслѣдствіе чего, по всей вѣроятности, на слѣдующіе года экзаменовъ не назначалось. Говорили, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ формально запретилъ ихъ.

Во время лагерей 1829 года, въ день рожденія императрицы Александры Ѳедоровны, въ Петергофскомъ саду, было устроено большое гулянье, закончившееся страшнѣйшимъ ливнемъ. Мы, кадеты, также прогуливались въ саду. Лагерь нашъ въ то время былъ расположенъ подъ Петергофомъ, противъ Верхняго сада. При началѣ дождя мы бросились домой. Къ палаткамъ мы прибѣжали промокшіе до костей. Тутъ насъ ожидало чрезвычайно интересное зрѣлище: наши палатки стояли на аршинъ въ водѣ, а передъ ними плавала одежда, амуниція, подушки, тюфяки и пр. Часовъ въ семь утра къ намъ пожаловалъ государь. Увидавъ эту картину, онъ приказалъ тотчасъ же перевести весь отрядъ военно-учебныхъ заведеній въ Александрійскій дворецъ. Въ немъ мы пробыли четыре дня, имѣя съ царской кухни завтракъ, обѣдъ и ужинъ.

Съ 1830 года воспитанники военно-учебныхъ заведеній уже

постоянно выводились въ лагерь, подъ Петергофъ. Для этого было избрано мѣсто парада Драгунскаго поля. Осушенное, поднятое, обсаженное деревьями, украшенное хорошенькими цвѣтниками и снабженное необходимыми постройками въ русскомъ стилѣ, оно представляло чрезвычайно оживленный видъ.

Въ 1831 году скончался цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Мѣсто главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній было предоставлено Михаилу Павловичу. Умеръ и Н. И. Демидовъ и должность главнаго директора была упразднена. Покойный Демидовъ. завѣщавъ своей побочной дочери домъ въ Москвѣ и милліонъ рублей ассигнаціями, предназначилъ ей и двухъ жениховъ по ея выбору. Это были капитаны 1-го кадетскаго корпуса Севербрикъ и Багговутъ.

Послѣдній, не смотря на то, что его соперникъ первый прикатилъ въ Москву, получилъ предпочтеніе.

Вступивъ въ новую должность, Михаилъ Павловичъ объѣхалъ всѣ корпуса. Вѣроятно, оставшись совершенно довольнымъ нашимъ заведеніемъ, онъ приказалъ всѣмъ баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ кадетскихъ корпусовъ посѣтить Павловскій корпусъ и познакомиться съ существующимъ въ немъ порядкомъ. Во время этого посѣщенія присутствовалъ самъ великій князь.

Подъ высокимъ покровительствомъ Михаила Павловича военно-учебныя заведенія были доведены до отличнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ состоянія. Главнымъ двигателемъ всѣхъ улучшеній былъ начальникъ штаба заведеній, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Выработаны были новыя программы по всѣмъ учебнымъ предметамъ, созданъ былъ и III томъ свода военныхъ постановленій, касавшійся физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія воспитанниковъ и преимуществъ, дарованныхъ кончавшимъ по первому разряду курсъ высшихъ спеціально-военныхъ заведеній. Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось ими воспользоваться. Я кончилъ курсъ раньше, чѣмъ эти постановленія вошли въ силу.

Дѣла мои въ корпусѣ шли недурно. Еще въ 1829 году я былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, а въ 1831 году назначенъ на должность фельдфебеля 3-й роты.

По званію фельдфебеля, я неоднократно удостоивался приглашенія на субботніе обѣды къ Михаилу Павловичу.

Интересно вспомнить о тѣхъ репетиціяхъ къ субботнимъ обѣдамъ, которыя устроивалъ у себя по четвергамъ нашъ директоръ, Клингенбергъ, съ цѣлью подготовить воспитанниковъ къ умѣнію вести себя за столомъ великаго князя. Впрочемъ, мнѣ кажется болѣе важную роль на этихъ репетиціяхъ играло то обстоятельство, что за обѣдомъ у великаго князя насъ весьма щедро угощали научными вопросами. Особенно страшными экзаменаторами были: сенаторъ Опочининъ и адъютантъ его высочества, Анненковъ; со-

сѣдства ихъ за столомъ кадеты, видимо, избѣгали. Клингенбергъ всегда приглашалъ къ своимъ четверговымъ обѣдамъ одного или двухъ преподавателей, которые буквально засыпали насъ своими вопросами, недавая возможности полакомиться вкусными блюдами.

Въ 1832 году выпуска изъ нашего корпуса не было. Въ слѣдующемъ, 1833 году, будучи по балламъ третьимъ, я былъ представленъ, въ числѣ четверыхъ, къ выпуску въ гвардію; но это представленіе не было утверждено великимъ княземъ. Попали въ гвардію только двое: Лазаревъ и Лишинъ; я же вышелъ прапорщикомъ въ артилерію. Это обстоятельство положительно отняло у меня то чувство радости, какое обыкновенно испытывается лицами, впервые одѣвающими офицерскіе эполеты.

Сколько не прискорбна явилась мнѣ неудача на первомъ же шагу служебной дѣятельности, тѣмъ неменѣе я нисколько не обвиняю въ этомъ свое ближайшее начальство. Клигенбергъ предлагалъ мнѣ остаться въ заведеніи еще на годъ, но я не принялъ подобнаго предложенія, и, Богъ знаетъ, хорошо или дурно сдѣлалъ. По этому не только къ заведенію, выведшему меня въ люди, я сохраняю до сихъ поръ глубокую признательность, но и по отношенію къ наставникамъ не имѣю ровно никакихъ претензій. Въ настоящее время, подобное чувство, какъ мнѣ приходилось много разъ убѣдиться, почти немыслимо; для кадетъ же того времени было достаточно и того, что ежели большая часть тогдашнихъ педагоговъ и не вполнѣ отвѣчала своему прямому назначенію, то по крайней мѣрѣ и не мудрствовала лукаво! Впрочемъ, и то надо сказать, нравственная часть въ закрытыхъ заведеніяхъ не столько зависитъ отъ воспитателей, сколько отъ направленія, господствующаго въ самой средѣ воспитанниковъ. Не знаю, когда именно, но чуть ли не съ самаго основанія нашего заведенія, въ дѣтяхъ утвердилось чувство глубочайшей привязанности къ государю, за принятіе насъ, сиротъ, подъ кровъ свой. Это-то чувство и служило главнѣйшею причиной преуспѣянія добрыхъ началъ нравственности въ павловцахъ.

Высокія милости императора Николая Павловича ко всѣмъ вообще военно-учебнымъ заведеніямъ не могли не врѣзаться въ сердца моихъ сверстниковъ по воспитанію. На нихъ первыхъ выпалъ счастливый жребій воспользоваться ими.

Походы кадетъ въ лагери въ 1826 и 1827 годахъ были прямо увеселительными прогулками. Съ переводомъ кадетскаго лагеря подъ Петергофъ, государь и вся августѣйшая фамилія, проводя здѣсь лѣто, дарили насъ своими посѣщеніями чуть ли не ежедневно, какъ бы съ цѣлью сблизиться съ нами.

Въ 1831 году отрядъ военно-учебныхъ заведеній, по случаю холеры, былъ выведенъ изъ Петергофа въ Царское Село, съ приказаніемъ, воизбѣжаніе заразы, миновать чухонскія деревни. Во

время этого похода, государь, лично, дѣлалъ ночные объѣзды кадетскихъ бивуковъ, съ цѣлью убѣдиться, какъ въ состояніи здоровья кадетъ, такъ и въ удобствѣ ихъ расположенія. Если, тутъ же, припомнить расположеніе кадетъ въ Александрійскомъ дворцѣ, во время затопленія нашего лагеря 2-го іюля 1829 года, обѣды, устроиваемые спеціально для кадетъ и т. п., то не станетъ ли ясно, что попеченіе императора о воспитанникахъ было чисто отцовское? Чѣмъ другимъ, какъ не особенною милостью государя, можно объяснить, что во время его присутствія въ Александрійскомъ дворцѣ, входъ въ Александрійскую дачу былъ разрѣшенъ только генералъ-адъютантамъ и кадетамъ?

Въ подтвержденіе вышесказаннаго приведу и другіе примѣры: однажды, въ Александріи, около сѣтки съ мачтой мы собрались, въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, и играли въ жгуты. Подошелъ государь и изъявилъ желаніе принять участіе въ нашей забавѣ. Узнанный въ нанесеніи, не помню кому именно изъ насъ, удара, онъ предложилъ, взамѣнъ возмездія, опредѣленнаго закономъ игры, побороть себя. Императрица, на глазахъ которой совершался этотъ процесъ борьбы монарха съ дюжиной кадетъ, помирала со смѣху и, видимо осталась довольной, когда мы одолѣли государя.

Черезъ полчаса мы подошли къ балкону, гдѣ сидѣла государыня. Она начала спускать намъ на шнуркахъ коробочки съ клубникой и малиной. Въ это время вышелъ изъ дворца государь. Садясь въ кабріолетъ, онъ громко крикнулъ:

— «Ребята! въ лагерѣ у васъ тревога!»

Какъ угорѣлые бросились мы за нимъ, а нѣкоторые смѣльчаки вскочили даже въ его экипажъ. Государь не только не выразилъ имъ своего неудовольствія, но даже, шутя, сказалъ:

— «Вотъ подождите-ка! Въ лагерѣ я пожалуюсь на васъ вашему начальству».

Помню не мало и такихъ случаевъ, когда, бывало, подбѣжитъ къ государю какой-нибудь кадетъ съ просьбою помиловать отца, брата или какого-нибудь близкаго родственника, подвергшагося удаленію изъ семейства. Ни разу не помню, чтобы подобныя просьбы были оставлены безъ вниманія.

Сообразивъ все выше сказанное, легко понять, почему офицеры выпущенные въ наше время изъ кадетскихъ корпусовъ, были пропитаны самымъ высокимъ чувствомъ долга къ государю и отечеству и считались лучшими служаками нашей арміи.

Во время нашего пребыванія въ корпусѣ, графъ Аракчеевъ часто бралъ насъ съ братомъ къ себѣ въ отпускъ. Нашъ ротный командиръ, подполковникъ Бриммеръ, отпуская насъ къ графу, осматривалъ во всей подробности наше платье и бѣлье, а выдавая отпускные билеты, наставлялъ, что именно должны мы отвѣчать, если графъ будетъ спрашивать насъ о порядкахъ въ заведеніи.

Мы были до того пропитаны этими наставленіями, что на вопросы графа, обращенные къ одному изъ насъ, оба, слово въ слово, спѣшили отвѣчать словами Бриммера. Однажды, графъ улыбнулся и сказалъ:

— Вижу и вѣрю, что вы хорошія дѣти, ежели такъ хорошо вытвердили начальническія наставленія.

Въ послѣдній разъ графъ взялъ насъ къ себѣ на масляницѣ въ 1826 году. Къ нашему удивленію мы нашли у него до двадцати кадетъ другихъ корпусовъ, съ которыми прежде никогда не встрѣчались. Это были дѣти офицеровъ, служившихъ въ поселенныхъ войскахъ и тоже опредѣленные въ корпуса графомъ.

Насъ привели въ пріемный залъ, куда, немного спустя, вошелъ и графъ. Перецѣловавъ всѣхъ насъ, графъ спросилъ:

— Ну, что, дѣти, довольны ли вы своими заведеніями? Научились ли строго и точно исполнять всѣ требованія начальства? Не тяготитесь ли ими?

Получивъ обыкновенный отвѣтъ. — «Стараемся, ваше сіятельство!» графъ продолжалъ:

— Да, да, надобно стараться! Все это, впослѣдствіи, послужитъ вамъ же на пользу. Я говорю вамъ это по собственному моему опыту. Служба моя въ Гатчинѣ, при блаженной памяти императорѣ Павлѣ Петровичѣ, была необыкновенно трудна: не было ночи, чтобы государь не требовалъ меня къ себѣ; поэтому и ночью я не зналъ покоя, а дремалъ лишь въ своемъ креслѣ, въ полной парадной формѣ. Все это я дѣлалъ безъ малѣйшаго ропота на тягость службы, единственно по безграниченной любви и преданности къ его высокой особѣ. Такъ точно служилъ я и покойному государю императору Александру Павловичу. Милость его ко мнѣ была безпримѣрна! Она выражалась въ самой высшей наградѣ: въ довѣріи къ моимъ трудамъ. Съ такимъ же чувствомъ долга и самоотверженія началъ я служить и нынѣ благополучно царствующему императору Николаю Павловичу, но самъ чувствую, что силы мои уже не тѣ: одряхъ, сталъ негоденъ къ своей прежней дѣятельности. Возьмите, дѣти, примѣръ съ меня и повѣрьте, что для достиженія высшихъ служебныхъ положеній не нужны ни богатства, ни знатность происхожденія: нуженъ трудъ и полное самоотверженіе для блага своего отечества!

Послѣ ранняго обѣда, собственно для насъ устроеннаго, графъ приказалъ прокатить насъ къ ледянымъ горамъ на тройкахъ. Насъ сопровождали полковникъ Купріяновъ и два адъютанта графа. Съ прогулки мы возвратились только въ сумерки. Купріяновъ, по старой памяти, пригласилъ насъ съ братомъ къ себѣ на чай. Тутъ одинъ изъ его знакомыхъ, какой-то статскій, съ Анной на шеѣ, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, повелъ съ Купріяновымъ слѣдующій разговоръ:

— Знаете ли вы, что̀ въ большихъ сферахъ поговариваютъ о графѣ Алексѣѣ Андреевичѣ?

— А что̀?—спросилъ Купріяновъ.

— Графу, кажется, не сдобровать! Въ прошлую пятницу онъ былъ съ докладомъ у государя и, по обыкновенію, вошелъ прямо въ его кабинетъ. Императоръ взглянулъ на него весьма холодно и, вставъ съ своего кресла, указалъ ему на дверь комнаты, въ которой онъ обыкновенно принималъ министровъ. Выйдя потомъ и самъ туда, онъ сказалъ: «Не ближе, какъ здѣсь, желаю я встрѣчаться съ вами, графъ!»—Вслѣдъ затѣмъ онъ удалился опять въ свой кабинетъ. Понятно,—продолжалъ разсказчикъ,—такая неожиданность не могла не поразить графа. Блѣдный какъ полотно, съ слезами на глазахъ, онъ направился къ выходу изъ дворца. На лѣстницѣ его встрѣтилъ великій князь Михаилъ Павловичъ: — «Что̀ съ вами, графъ? Больны? За границу, за границу!»

— Если это такъ,—сказалъ Купріяновъ,—то нужно ждать большихъ перемѣнъ. Теперь ясно подъ какимъ настроеніемъ говорилъ такъ долго графъ съ этими юношами сегодня. Вотъ оно что!..

Передъ отправленіемъ насъ въ корпусъ, мы были приведены къ графу проститься. Теперь онъ, дѣйствительно, показался намъ грустнымъ. При прощаньѣ графъ благословилъ насъ и завѣщалъ не забывать его наставленій.

V.

Производство въ прапорщики артилеріи. — Представленіе императору и великому князю Михаилу Павловичу. — Прибытіе въ Новосельскъ. — Служебная бездѣятельность. — Лагерь подъ Варшавой. — Высочайшій смотръ подъ Закрочимымъ. —Просьба кавалерійскаго офицера о помилованіи брата.—Въ Варшавскомъ гарнизонѣ. — Караульная служба. — Комендантъ застаетъ меня спящимъ въ караулѣ. — Недоразумѣніе съ командиромъ. — Увеселительная прогулка по Варшавѣ. — Положеніе артилеристовъ въ Варшавѣ въ 30-хъ годахъ. — Фельдмаршальскіе балы. — Экономичность свѣтлѣйшей княгини. — Откровенный капитанъ.

25-го февраля 1833 года, по окончаніи курса наукъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, я былъ произведенъ въ прапорщики артилеріи и назначенъ въ 8-ю артилерійскую бригаду, имѣвшую стоянкой мѣстечко Новосельскъ, въ двѣнадцати миляхъ отъ Варшавы.

На другой день послѣ производства, всѣхъ насъ, молодыхъ офицеровъ, уже въ офицерскихъ мундирахъ, привели къ присягѣ.

По существовавшимъ тогда правиламъ, на первоначальное обмундированіе производимымъ въ офицеры отпускалось отъ казны третное жалованіе по роду войскъ: артилеристамъ и саперамъ—170 руб. асс., пѣхотинцамъ—150 руб.

Тотчасъ послѣ присяги, всѣ произведенные изъ нашего корпуса были представлены великому князю Михаилу Павловичу въ его дворцовомъ саду. Вскорѣ туда прибылъ и императоръ Николай Павловичъ. Поздравивъ насъ съ производствомъ, государь выразилъ свою благодарность за благонравіе, которымъ, въ его глазахъ, постоянно отличался Павловскій корпусъ и, выразивъ убѣжденіе, что мы и на службѣ будемъ радовать его своимъ усердіемъ и преданностью престолу и отечеству, простился съ нами, присовокупивъ, что каждый изъ насъ, въ случаѣ нужды, всегда найдетъ въ немъ своего покровителя.

8-го марта, по запискѣ завѣдывающаго новоиспеченными офицерами, всѣ мы должны были прибыть въ комиссаріатскій департаментъ за полученіемъ прогонныхъ денегъ, а затѣмъ въ главный штабъ за приказаніями и подорожными бланками.

Взявъ 28-дневный отпускъ и запасшись билетомъ въ Харьковскую губернію, я выѣхалъ изъ Петербурга. Наступленіе весны, разливы рѣкъ и безпутица навели меня на мысль отложить путешествіе въ Малороссію. Я поѣхалъ въ Ригу, чтобы повидаться съ братомъ Степаномъ, служившимъ тамъ, въ 4-мъ морскомъ полку.

По окончаніи срока отпуска, я прибылъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Дрогалевымъ въ мѣстечко Новосельскъ, штабъ-квартиру нашей бригады. Представились командиру, сдѣлали визиты. Съ нетерпѣніемъ ожидали мы, какія служебныя обязанности будутъ возложены на насъ. Но проходили дни, недѣли, и мы оставались при тѣхъ же ожиданіяхъ. Все это время проводили въ прогулкахъ и игрѣ на билліардѣ, который былъ подъ рукою, такъ какъ намъ отвели квартиру въ трактирѣ. Какъ-то разъ, услышавъ звуки барабана, мы вышли посмотрѣть на ученье, производимое фельдфебелемъ, и остались на плацу до его конца. Узнавъ о нашемъ посѣщеніи учебнаго плаца, трое офицеровъ, изъ самыхъ старыхъ, подняли насъ на смѣхъ и посовѣтовали укротить наше усердіе къ службѣ: «не принято-де у насъ!» Что тутъ было дѣлать? Далѣе и далѣе все то же служебное бездѣйствіе, а научиться хоть азбукѣ артиллерійскаго строя положительно было не у кого.

Въ іюнѣ мы выступили въ лагерь подъ Варшаву. Здѣсь нашу бригаду осмотрѣлъ начальникъ штаба артиллеріи дѣйствующей арміи, полковникъ Безакъ—лицо тогда всесильное въ нашемъ родѣ оружія. Матеріальная часть вообще, а лошади въ особенности, были найдены въ превосходнѣйшемъ состояніи, да и не мудрено, такъ какъ по принятому тогда щегольству на лошадей, подручныя покупались не дешевле 1,500 руб. асс. Когда же Безакъ коснулся знанія офицерами строевой службы, то оказалось, что ни одинъ изъ нихъ ничего не смыслитъ. Отнесясь довольно снисходительно ко мнѣ и Дрогалеву, какъ къ только-что выпущеннымъ изъ корпуса,

Безакъ тутъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы мы посѣщали учебную и желонерную команды.

Лагерь подъ Варшавой, за Повонзской заставой, по своему устройству, представлялъ цѣлый рядъ дачь съ хорошенькими полисадниками, цвѣтниками и бараками для офицеровъ. Каждый баракъ вмѣщалъ въ себѣ по двѣ комнаты, обитыя обоями, съ необходимою казенною мебелью. Послѣ петербургскихъ лагерей это было для меня неожиданною новостью.

Самая Варшава представилась мнѣ съ совершенно другимъ характеромъ, чѣмъ всѣ наши русскіе города. Уличная жизнь, обиліе всюду молоденькихъ, смазливыхъ женщинъ, пришлись намъ по вкусу. Въ трактирахъ также прислуживали молодыя, чисто одѣтыя дѣвушки. Цѣны были поразительно дешевыя: въ лучшихъ ресторанахъ обѣдъ изъ пяти блюдъ стоилъ что̀-то не болѣе двухъ злотыхъ, т. е. около рубля 20 коп. асс. Но особенной дешевизной отличались театры: большой такъ называемый «Розмаитосци», въ которыхъ давались оперные, драматическіе и балетные спектакли. Кресло въ первыхъ рядахъ обходилось два злотыхъ пять грошей т. е. 1 рубль 30 коп. асс. Актрисы Жучковская и Аширигерова, актеры Жолкевскій, Дамсе, Кужичъ, пѣвицы Волкова и Замецкая и балерина Дамсувна, по всей справедливости, могли бы составить славу любого европейскаго театра.

Во время лагеря, я былъ переведенъ въ легкую № 2-й батарею 4-й артиллерійской бригады. По окончаніи лагеря, мы отбыли высочайшій смотръ подъ Закрочинымъ, куда были собраны всѣ войска 2-го и 3-го армейскихъ корпусовъ, квартировавшихъ въ царствѣ Польскомъ.

Смотромъ 11-го и маневрами 12-го сентября государь остался доволенъ, хотя и высказалъ, что думалъ найти въ лучшемъ видѣ кавалерію. Обоимъ корпуснымъ командирамъ Крейцу и Ридигеру за кавалерію былъ сдѣланъ строгій выговоръ. Говорили, впрочемъ, что главною причиною неудовольствія государя на кавалерію былъ докладъ о сильномъ ополяченіи офицеровъ, дошедшемъ до привычки употреблять въ разговорахъ между собою польскій языкъ.

Послѣ маневровъ, государь съ Бенкендорфомъ сѣлъ въ коляску. Войска начали расходиться. Вдругъ видимъ, отъ одного уланскаго полка отдѣлился какой-то офицеръ и летитъ во весь опоръ прямо къ государю, Замѣтивъ это, государь приказалъ кучеру остановиться. Подскакавъ къ колескѣ, офицеръ подалъ императору какую-то бумагу. Принявъ ее съ недовольнымъ видомъ, государь громко крикнулъ:

«На гауптвахту! Доложи объ этомъ своему полковому командиру».

Мнѣ разсказывали потомъ, что обращеніе улана прямо къ государю послѣдовало по поводу слѣдующаго трагическаго случая: Осенью 1832 года, Троицкій пѣхотный полкъ передвигался черезъ

мѣстечко Новосельскъ на свои новыя зимнія квартиры въ Пултускъ. Офицеръ, прибывшій въ Новосельскъ съ квартирьерами, встрѣтилъ отъ бургомистра не только множество препятствій по размѣщенію полка, но и довольно крупныя, оскорбительныя для мундира грубости, неоднократно повторяемыя. Тогда офицеръ зарядилъ ружье и, сказавъ краткую рѣчь бургомистру, выстрѣлилъ. Пуля выбила зубы и оторвала переднюю часть языка. По учиненіи этого проступка, офицеръ самъ явился къ начальнику дивизіи, былъ арестованъ и отданъ подъ судъ. Вотъ съ просьбою-то о помилованіи своего родного брата уланскій офицеръ и подскакалъ къ государю.

По разсмотрѣніи дѣла въ военномъ судѣ, при смягчающихъ вину обстоятельствахъ, заключавшихся въ томъ, что должностныя лица царства Польскаго, изъ ненависти къ русскимъ, постоянно позволяли себѣ дѣлать дерзости офицерамъ, судъ постановилъ законное наказаніе за убійство, но вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовалъ о милостивомъ на это дѣло воззрѣніи государя императора. Вслѣдствіе этого, по высочайшей конфирмаціи, виновный былъ подвергнутъ только шестимѣсячному церковному покаянію. Братъ же его, по разсмотрѣніи поданной имъ просьбы, былъ освобожденъ изъ-подъ ареста въ тотъ же день.

Послѣ высочайшаго смотра, меня прикомандировали къ легкой № 2-й ротѣ 6-й артиллерійской бригады, которая была въ Варшавѣ, занимая въ ней зимніе караулы. Насъ расположили въ городѣ, въ арсенальныхъ казармахъ. Наша караульная служба состояла въ слѣдующемъ: ежедневно въ 10 часовъ утра производился на Саксонской площади разводъ самимъ фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ, графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ, или начальникомъ штаба дѣйствующей арміи генералъ-лейтенантомъ княземъ М. Д. Горчаковымъ. Отъ артиллеріи выходило въ караулъ 4 орудія, отъ пѣхоты одинъ полкъ, въ полномъ составѣ. Послѣ развода, баталіонъ пѣхоты, вмѣстѣ съ двумя орудіями, направлялся въ Саксонскій дворецъ, а два другія орудія направлялись въ замокъ, гдѣ жилъ самъ фельдмаршалъ. Караульный артиллерійскій офицеръ находился въ Саксонскомъ дворцѣ, но въ то же время долженъ былъ наблюдать и за орудіями, расположенными въ замкѣ. Это обстоятельство давало возможность вовсе не быть на своемъ посту. Такъ оно и велось, безъ малѣйшаго протеста со стороны коменданта, генералъ-лейтенанта Пенхержевскаго.

Въ ноябрѣ, со мною вышелъ непріятный случай, не имѣвшій, впрочемъ, дурныхъ послѣдствій: Въ половинѣ этого мѣсяца фельдмаршалу вздумалось вывести по тревогѣ всѣ войска изъ Варшавы для маневровъ, оставивъ въ городѣ одни только караулы. Будучи эти дни въ караулѣ, я сильно заболѣлъ, а смѣнить меня было некому. Ночью другого дня я позволилъ себѣ снять мундиръ и, за-

кутавшись въ шинель, крѣпко заснулъ. Какъ на грѣхъ, явился комендантъ и, несмотря на полученное имъ отъ старшаго караульнаго пѣхотнаго офицера объясненіе, что я заболѣлъ, приказалъ передать мнѣ свое требованіе явиться къ нему послѣ смѣны. Когда я пришелъ къ нему на другой день, онъ вышелъ ко мнѣ съ чрезвычайно строгимъ видомъ, но, взглянувъ внимательно на меня, только и сказалъ:

— Съ больнымъ человѣкомъ ничего не подѣлаешь! Идите съ Богомъ и никому не говорите, зачѣмъ я требовалъ васъ къ себѣ.

Придя домой, я слегъ въ постель. Призванный докторъ опредѣлилъ легкое воспаленіе лѣваго легкаго. Посѣтили меня товарищи; пришелъ и командиръ, подполковникъ Вагнеръ. При общей бесѣдѣ я разсказалъ причину посѣщенія коменданта. Но это признаніе молодого офицера не прошло безъ послѣдствій. Нѣсколько позже вышло такое обстоятельство:

Разводъ, какъ я уже сказалъ, производился въ десять часовъ утра. По заведенному порядку, нашъ дивизіонъ являлся на Саксонскую площадь къ 9 часамъ утра при однихъ только фейерверкерахъ, а офицеры съ командиромъ приходили нѣсколько позже. Однажды князь Горчаковъ вздумалъ сдѣлать разводъ нѣсколько раньше и приступилъ къ церемоніи въ 9 часовъ утра. Но каково было его удивленіе, когда при артиллеріи не оказалось ни командира роты, ни караульнаго офицера, и дивизіонъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ только при фейерверкерахъ? Князь ужасно разшумѣлся, а Вагнера и караульнаго офицера, подпоручика Звягинцева, велѣлъ арестовать.

Послѣ своего ареста, Вагнеръ опрокинулъ на меня всю свою злобу. Еслибы я, утверждалъ онъ, не повторялъ постоянно, что офицерамъ выѣзжать вмѣстѣ съ дивизіономъ не слѣдуетъ, ничего подобнаго не случилось бы. Впрочемъ эти нападки были мнѣ только смѣшны.

Вскорѣ между мной и Вагнеромъ вышла новая, уже болѣе крупная, исторія. Около праздниковъ Рождества Христова, дежурнымъ по ротѣ былъ подпоручикъ Звягинцевъ. Подъ вечеръ, когда нужно присутствовать на коновязи, ему понадобилось отлучиться въ городъ. Никого изъ насъ не было дома и Вагнеръ даже видѣлъ, какъ мы отправились въ Красинскій садъ. По дорогѣ я спохватился, что оставилъ дома деньги и возвратился въ казармы. Увидѣвъ меня, Звягинцевъ такъ убѣдительно просилъ подежурить за него часа два, что я поддался на его просьбу. Во время коновязи, когда уже и самаго Вагнера не было дома, извѣстная своимъ злымъ нравомъ лошадь «Богатырь», такъ сильно ударила въ грудь своего ѣздового, что бѣдный солдатикъ, не болѣе какъ черезъ часъ, былъ мертвъ.

По возвращеніи Вагнера, я сообщилъ ему о случившемся, доложилъ также, почему заступилъ мѣсто Звягинцева.

— Неправду говорите, Иванъ Романовичъ! Что Звягинцевъ, быть можетъ, и ушелъ въ городъ, я этому не удивляюсь, такъ какъ онъ, вообще, служитъ, спустя рукава, но что и вы не были на коновязи, это вѣрно! Я самъ видѣлъ, какъ вы ушли съ товарищами въ городъ черезъ Красинокій садъ.

— Не привыкъ я, Карлъ Богдановичъ, прибѣгать къ такому пошлому обману. Приписывая мнѣ подобныя качества, вы меня оскорбляете. Дежурный фейерверкеръ и всѣ нижніе чины могутъ засвидѣтельствовать, что несчастье случилось на моихъ глазахъ.

— Я не такъ простъ, чтобы не сообразить, что и дежурный фейерверкеръ и всѣ нижніе чины подговорены вами. Повторяю, что безсовѣстно стараетесь обмануть меня.

— Если такъ, господинъ полковникъ, то мнѣ остается сказать вамъ, что вы не только безсовѣстно, но даже подло пользуетесь своимъ старшинствомъ передо мною. Прощайте!

Вагнеръ подалъ на меня рапортъ начальнику штаба артиллеріи, Безаку, въ которомъ жаловался не только на мою дерзость, приводя въ подлинникѣ мои слова, относительно его недобросовѣстности, но и приплелъ исторію, какъ комендантъ засталъ меня въ караулѣ безъ мундира и спящимъ.

Безакъ потребовалъ меня къ себѣ, принялъ въ кабинетѣ и предложилъ такой вопросъ:

— Знаете ли вы, какой отвѣтственности подвергается офицеръ, если командиръ подаетъ на него рапортъ такого содержанія?

— Знаю, Александръ Павловичъ (Безакъ терпѣть не могъ, когда его называли полковникомъ); но я могу доказать фактически, что на всю эту непріятность я былъ вызванъ и вопіющею несправедливостью подполковника Вагнера, и глубочайшимъ оскорбленіемъ, которое онъ нанесъ мнѣ.—Затѣмъ объясвивъ, какъ все было, я присовокупилъ:—Ежели же, по изслѣдованію, хотя что-либо изъ сказаннаго мною не подтвердится, я готовъ подвергнуться самому строгому взысканію.

Выслушавъ меня, Безакъ сдѣлалъ непріятную гримасу и проговорилъ:

— Удивляюсь подполковнику Вагнеру, что при такомъ неумѣніи держать себя съ офицерами, онъ рѣшается еще жаловаться. Отнесите ему этотъ рапортъ и постарайтесь помириться съ нимъ.

Вагнеръ былъ страшный трусъ, и этимъ только можно объяснить, что мое дѣло замерло послѣ моей фразы:

— Я былъ у полковника Безака и объяснилъ все дѣло дочиста, не щадя ни себя, ни васъ. Безакъ удивляется, какъ вы, будучи во всемъ сами виноваты, позволили себѣ утруждать его

такою странною жалобой. Рапортъ вашъ онъ приказалъ возвратить вамъ. Вотъ онъ!

И съ этими словами я повернулся и вышелъ.

Въ половинѣ января послѣдовало распоряженіе о нашемъ переводѣ въ г. Сеймы, Августовскаго воеводства. Желая пожуировать послѣдніе дни въ Варшавѣ, мы, цѣлой компаніей, рѣшили прокатиться по городу съ музыкой. Наняли шесть фаэтоновъ, сами усѣлись на трехъ, на остальные три посадили шарманщиковъ и приказали имъ играть. Надо же было на несчастье, чтобы репертуаръ ихъ инструментальныхъ валовъ ограничивался запрещенными польскими пѣснями: «Еще пòльска не згинѣла» и «Нашъ хлопицкій вòякъ». Едва успѣли мы добраться до дому, какъ два конные жандарма объявили намъ, что всѣхъ насъ и нашего командира требуетъ къ себѣ князь Горчаковъ. Шутка вышла скверная! Вагнеръ, узнавъ въ чемъ дѣло, помертвѣлъ.

— Что это, господа?—сказалъ намъ князь, когда мы предстали передъ его особой: — новую революцію хотите создать? Вѣроятно, вы поляки?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, русскіе!—отозвались мы:—пожуировать вздумалось, да вышло неосторожно!

— А вы, что̀ смотрите?—обратился онъ къ Вагнеру; но видя, что этотъ послѣдній ни живъ, ни мертвъ, отдалъ приказаніе размѣстить насъ по разнымъ гауптвахтамъ.

Арестъ нашъ продолжался не болѣе трехъ часовъ.

Что только, относительно нашей будущности, не передумали мы въ это короткое время! Снисхожденіе князя къ намъ можно объяснить только тѣмъ, что онъ самъ былъ артиллерійскимъ офицеромъ и всегда относился къ этой части войскъ съ особенной симпатіей.

Въ тридцатыхъ годахъ, мы, артиллеристы, и саперы играли въ Варшавѣ роль гвардейцевъ. Вмѣсто вице-киверовъ носили треугольныя шляпы съ султанами, разрѣшенныя только въ столицахъ генераламъ и офицерамъ гвардіи. Фельдмаршалу, по видимому, это даже нравилось. По его приказанію, насъ назначали на придворные балы. Честь присутствовать на нихъ обходилась не дешево: нужно было имѣть особенное бѣлье, лосинныя брюки, шелковые, тѣлеснаго цвѣта, чулки и изящные башмаки съ золотыми пряжками.

Удовольствія на этихъ балахъ мы не только не имѣли, но даже досадовали на невыносимую скуку и усталость, такъ какъ въ танцовальной залѣ нельзя было даже присѣсть. Приглашать дамъ по собственному выбору мы не могли: надо было ожидать заявленія дежурнаго адъютанта, что такая-то-де дама дѣлаетъ вамъ честь своимъ желаніемъ протанцовать съ вами такой-то танецъ. Вся надежда вознаградить скуку основывалась на мечтѣ о хоро-

шемъ ужинѣ. Но и это была только мечта! Фельдмаршальскій столъ, кувертовъ на пятьдесятъ, гдѣ возсѣдали почетные гости, правда, ѣлъ по-лукуловски, но насъ-то кормили далеко не роскошно. Частенько приходилось просиживать и за совсѣмъ пустыми приборами и невольно вспоминать, глядя другъ на друга, весеннихъ волковъ, голодъ которыхъ вошелъ даже въ пословицу. Обвиненіе за такое пренебреженіе къ гостямъ, менѣе знатнаго происхожденія, всегда падало на супругу фельдмаршала, урожденную Грибоѣдову. Княгиня отличалась ханжествомъ и необыкновенною скупостью. До какой степени доходила послѣдняя, видно хотя бы изъ слѣдующаго случая:

Офицерамъ, занимавшимъ караулъ при замкѣ фельдмаршала, обѣдъ и завтракъ выдавались отъ двора, подъ надзоромъ самой хозяйки. Однажды, возвратясь откуда-то домой часа въ три дня, фельдмаршалъ прошелъ прямо на гауптвахту, не приказавъ вызывать караула. Придя въ офицерское помѣщеніе, онъ засталъ обоихъ дежурныхъ офицеровъ за обѣдомъ. Попробовалъ одно блюдо: поморщился; взялъ въ ротъ другое: выплюнулъ.

— Что за причина, — спросилъ онъ старшаго офицера, — что обѣдъ у васъ такой отвратительный? Вѣрно, взяли въ какой-нибудь харчевнѣ?

— Никакъ нѣтъ, ваша свѣтлость! обѣдъ принесъ намъ вашъ придворный лакей.

— Всегда такимъ васъ кормятъ?

— Лучшаго, ваша свѣтлость, я ни разу не видѣлъ, хотя частенько доводилось стоять здѣсь въ караулѣ.

Фельдмаршалъ страшно разсердился и, придя къ себѣ, какъ разсказывали, опрокинулъ свой сервированный обѣденный столъ и заперся въ кабинетѣ.

Въ Люблинѣ, за обѣдомъ у корпуснаго командира генералъ-адъютанта Ридигера, я видѣлъ этого офицера, капитана Полтавскаго пѣхотнаго полка. Здѣсь ему совсѣмъ не повезло: онъ посолилъ поданный ему супъ. Ридигеръ, замѣтивъ это, проговорилъ:

— До сихъ поръ мой французъ умѣлъ угождать на каждый, даже прихотливый вкусъ; но армейскій капитанъ нашелъ недостатокъ въ его искусствѣ: недостаточно положилъ соли въ супъ.

— Я человѣкъ русскій, ваше высокопревосходительство, — отвѣтилъ капитанъ,—и держусь пословицы: ѣшь солоно, пей кисло— и умрешь, не сгніешь.

Хотя, видимо, этотъ отвѣтъ и не понравился генералу, но онъ промолчалъ. Однако, откровеннаго капитана уже никто больше не видѣлъ за столомъ у Ридигера.

VI.

Переводъ въ Сейны.—Смотръ Безака.—Ѳедоренко.—Его разговоръ съ Хрулевымъ.—Предложеніе поступить въ Военную Академію.—Занятія съ изъявившими желаніе поступить въ академію.—Снова во фронтѣ.—Чудачества Ѳедоренка.—Въ Шерешовѣ.—Лагерь подъ Брестомъ Литовскимъ.—Въ Сѣнѣ.—Исторія съ бригаднымъ командиромъ.—Пріѣздъ Ѳедоренка.—Его наставленія.—«Прудокъ».—Отпускъ на родину.—Эфектный фейерверкъ.—Знакомство съ графомъ Тизенгаузеномъ.—На пиру у Петкевича.—Исторія Ключарева со священникомъ.—Въ одиннадцати-мѣсячномъ отпуску.—Возвращеніе въ Вильну.—На мызѣ Нерфть.—Оригинальные порядки въ имѣніи графа Шувалова.

12-го февраля, согласно маршруту, мы прибыли въ Сейны. Вскорѣ пріѣхалъ Безакъ инспектировать нашу роту. Послѣ смотра Вагнеръ пригласилъ его обѣдать. Безакъ пошелъ, но, не найдя у него никого изъ офицеровъ, раскланялся и, уходя, сказалъ:

— Я не привыкъ обѣдать у командировъ безъ офицеровъ.

Вскорѣ послѣ Безака, пріѣхалъ инспектировать нашу бригаду дивизіонный начальникъ, генералъ-майоръ Петръ Ивановичъ Ѳедоренко въ своей ветхозавѣтной бричкѣ. Смотръ отбытъ всѣми батареями хорошо и генералъ пожелалъ пробыть нѣсколько времени у нашего бригаднаго командира, извѣстнаго хлѣбосола, полковника Плещеева, штабъ котораго былъ расположенъ въ мѣстечкѣ Кальвари. Сюда же были приглашены почти всѣ офицеры бригады.

Въ одинъ изъ прекрасныхъ вечеровъ прибылъ въ Кальвари прапорщикъ Сергѣй Хрулевъ, родной братъ героя Венгерской и Крымской кампаній, который, послѣ турецкой войны 1828—29 годовъ, находился при нашемъ артиллерійскомъ паркѣ, оставленномъ въ крѣпости Тульчѣ. Этотъ паркъ былъ имъ сданъ въ Кіевскій арсеналъ только въ концѣ 1833 года, послѣ чего Хрулевъ возвратился въ бригаду. Проживъ такое долгое время въ Тульчѣ, Хрулевъ не былъ обмундированъ, какъ слѣдуетъ, не имѣлъ даже порядочныхъ эполетъ, и къ тому же въ дорогѣ у него отросла борода. Ѳедоренко пожелалъ тотчасъ же видѣть Хрулева. Послѣдній представился ему какъ былъ, въ дорожномъ и единственномъ сюртукѣ, съ наружностью довольно-таки старообразною. Генералъ принялъ его чрезвычайно ласково, усадилъ и началъ разспрашивать про его жизнь въ Тульчѣ. Его любезность продолжалась до тѣхъ поръ, пока онъ не узналъ, что Хрулевъ прапорщикъ.

— Какъ, прапорщикъ?—вскрикнулъ генералъ, вскочивъ со стула.—А я думалъ, что по крайней мѣрѣ капитанъ. И посадилъ еще! Ваше дѣло, прапорщикъ, когда генералъ приглашаетъ васъ сѣсть, остаться на ногахъ, да и прибавить еще: покорно благодарю, ваше превосходительство, я не усталъ. Вотъ такъ-то нужно дѣлать въ вашемъ чинѣ.

Понятно, всѣ мы, вмѣстѣ съ полковникомъ Плещеевымъ, не могли удержаться отъ смѣха. Когда генералъ окончательно разсердился, приказалъ немедленно послать за почтовыми лошадьми и уѣхалъ, не простясь ни съ кѣмъ.

Въ половинѣ марта 1834 года, Вагнеръ получилъ предписаніе запросить офицеровъ, не пожелаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ поступить въ Военную Академію, не стѣсняясь даже положеніемъ объ обязательной двухлѣтней службѣ въ строю. Вопросъ, почему означенное положеніе явилось теперь какъ бы ненужнымъ, выяснился довольно скоро. Дѣло въ томъ, что въ 1833 году, вмѣсто ожидаемыхъ 50-ти человѣкъ, явилось на экзамены только шесть, вслѣдствіе чего государь выразилъ командирамъ корпусовъ свое неудовольствіе за равнодушное отношеніе къ такому высшему, спеціально-военному заведенію.

Желая поправить ошибку и угодить государю, нашъ корпусный командиръ, генералъ отъ кавалеріи баронъ Крейцъ, не испросивъ даже высочайшаго разрѣшенія объ отмѣнѣ вышеприведеннаго положенія, махнулъ въ подвѣдомственныя ему части войскъ такое льготное предписаніе.

Объявивъ желаніе поступить въ академію, я былъ отправленъ въ корпусный штабъ въ Плоцкъ.

Сюда къ 10 апрѣля съѣхались до 40 офицеровъ разныхъ частей войскъ. Мы поступили въ вѣдѣніе корпуснаго оберъ-квартирмейстера, полковника Ушакова. Послѣдній, по приказанію Крейца, произвелъ намъ испытаніе, которое показало, что изъ всѣхъ сорока человѣкъ только трое удовлетворяютъ по своимъ познаніямъ требованіямъ академической программы. Я попалъ въ число послѣднихъ. Чтобы подготовить остальныхъ, намъ троимъ, артиллеристамъ, было предложено заниматься съ ними, правда за довольно приличное вознагражденіе. Каждый день, утромъ и послѣ обѣда, приходили мы на лекціи и дѣло начало подвигаться къ желаннымъ результатамъ.

Въ маѣ въ артиллеріи произошли кое-какія реформы, послѣ которыхъ послѣдовало уравненіе офицеровъ по всей полевой артиллеріи. Я былъ зачисленъ въ батарейную № 1 батарею 4-ой артиллерійской бригады. Сообщая объ этомъ корпусному штабу, начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи, генералъ-лейтенантъ Гольденшмидтъ, потребовалъ, чтобы меня, какъ непрослужившаго въ строю двухъ лѣтъ, отправили къ новому мѣсту служенія. Баронъ Крейцъ уступилъ этому требованію и я съ грустью покинулъ Плоцкъ.

Потерявъ надежду поступить въ Военную Академію въ 1834 году, я все-таки не оставлялъ намѣренія добиться своей цѣли рано или поздно. Между тѣмъ, усилившіяся требованія, касательно зна-

нія иностранныхъ языковъ, поставили меня въ невозможность преслѣдовать дальше эту цѣль.

Въ то время въ Плоцкѣ же былъ расположенъ штабъ нашей 2-й артиллерійской дивизіи. Ея начальникъ, Ѳедоренко, пригласилъ меня преподавать математику его племяннику, готовившемуся поступить въ артиллерійское училище. Отказавшись отъ денежнаго вознагражденія, я согласился на предложеніе генерала обѣдать у него, гдѣ ежедневно собирались для той же цѣли всѣ офицеры штаба дивизіи.

Забавно, какъ строго придерживался почтенный Петръ Ивановичъ своего правила, чтобы за столомъ всѣ садились по старшинству. Вызывало улыбку и то, что всякій разъ, когда передъ обѣдомъ подавалась водка, онъ приговаривалъ:

— Поручику—рюмка; подпоручику—полъ-рюмки; прапорщику—не полагается.

Но каково же было его удивленіе, когда, однажды, я, по свойственному прапорщикамъ желанію быть самостоятельнымъ, позволилъ себѣ нарушить этотъ обычай его дома и выпилъ полную рюмку водки. Долго, очень долго, онъ былъ чрезвычайно сухъ со мною и только впослѣдствіи, когда получилось увѣдомленіе, что его племянникъ отлично выдержалъ экзаменъ изъ математики и принятъ въ училище, онъ снова началъ оказывать мнѣ свое расположеніе.

Любимымъ разговоромъ Петра Ивановича за обѣдомъ была математика. Почему онъ отдавалъ предпочтеніе этой наукѣ передъ другими—рѣшить трудно. На нашъ взглядъ онъ столько же смыслилъ въ ней, сколько и въ китайскомъ языкѣ. Часто онъ до того зарапортовывался, что самъ конфузился и умолкалъ на нѣкоторое время.

Къ концу іюля я водворился на новомъ мѣстѣ служенія, въ мѣстечкѣ Шерешовѣ, Гродненской губерніи, гдѣ скоро образовался общій лагерь нашей бригады. Нашей батареей командовалъ полковникъ Жилей. Не смотря на даровой обѣдъ, мы частенько дразнили нашего скупого командира угрозами, что выберемъ себѣ подъ верхъ лучшихъ подручныхъ лошадей изъ батареи. Поводомъ къ подобному обращенію служило то обстоятельство, что полковникъ тщательно скрывалъ предписаніе начальника артиллеріи о выдачѣ офицерамъ лошадей.

Въ этомъ лагерѣ я чуть-чуть было не поплатился жизнью.

Жара стояла все время нестерпимая. Въ полуверстѣ отъ палатокъ находилось маленькое озеро, гдѣ ѣздовые купали лошадей. Какъ-то мы отправились туда купаться цѣлой компаніей. Не умѣя плавать, я придерживался берега, но двое изъ шутниковъ-товарищей подхватили меня подъ руки и, вытащивъ въ глубину, бросили. Едва-едва удалось потомъ вытащить меня на берегъ.

Въ началѣ октября наша бригада была вызвана подъ Брестъ-Литовскій для смотра и маневровъ въ присутствіи главнокомандующаго, князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго. Бригадѣ было приказано расположиться на тѣсныхъ квартирахъ, не доходя семи верстъ до Бреста, въ деревнѣ Скокахъ, принадлежавшей зажиточному помѣщику Нѣмцевичу. Нашъ паркъ былъ поставленъ на полянѣ, вблизи самой усадьбы помѣщика. Тамъ же были устроены шалаши для ѣздовыхъ и навѣсы для лошадей.

Офицеры, хотя и могли помѣститься въ огромномъ двухъэтажномъ домѣ Нѣмцевича, имѣвшемъ еще и два большіе флигеля, но такъ какъ панъ не слишкомъ сочувствовалъ москалямъ, то и не оказалъ этого гостепріимства. Негостепріимство Нѣмцевича доходило даже до того, что на его дворѣ нельзя было достать ни за какія деньги и кувшина молока. За эти любезности мы выдумали довольно оригинальную месть: мы приказали бить ежедневно утреннюю зарю на всѣхъ барабанахъ бригады въ продолженіи часа, прерывая самый пріятный утренній сонъ ясновельможнаго пана.

Послѣ смотра и маневровъ, наша бригада была переведена на зимнія квартиры въ Могилевскую губернію. Бригадный штабъ и наша батарея расположены въ городѣ Сѣнѣ, чисто жидовскомъ закоулкѣ. Общества никакого. Единственной интересной личностью была молодая, хорошенькая аптекарша, старый мужъ, которой вѣчно торчалъ въ своей лабораторіи. Пользуясь этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, мы ухаживали за нѣмочкой на пропалую. Мнѣ это чуть-чуть не обошлось очень дорого. Дѣло въ томъ, что нашъ бригадный командиръ былъ хотя и не молодой, но чрезвычайно пылкій ловеласъ. Хорошенькая нѣмочка удостоилась его милостиваго вниманія и вотъ командиръ пустилъ въ ходъ всю свою житейскую и боевую опытность, что бы заставить крѣпость сдаться на капитуляцію. Когда яростно преслѣдуешь какую-нибудь цѣль, всякая помѣха раздражаетъ. Такими-то раздражающими элементами въ дѣлѣ блокады командиромъ прекрасной аптекарши явились мы, безусые прапорщики, имѣвшіе (что грѣхъ таить!) больше успѣха. Командиръ злился на насъ немилосердно и злоба его, совершенно случайно, оборвалась на мнѣ. Разъ, производя смотръ нашей батареѣ, онъ вообразилъ, что я перепуталъ какую-то команду и со словами: «что вы за вздоръ командуете?» понесся карьеромъ прямо на меня. Вслѣдствіе болѣзни моей лошади я былъ пѣшкомъ. Увлекшійся командиръ навѣрно сбилъ бы меня съ ногъ, если бы мнѣ не пришла въ голову остроумная, но болѣе нежели рискованная, прямо-таки безумная мысль: я, какъ держалъ саблю на-голо, такъ и всадилъ ее въ грудь командирской лошади. Всѣ присутствующіе ахнули. Ахнулъ и я самъ, когда, успокоившись, обдумалъ уже не проступокъ, а прямо свое преступленіе. Честь командиру! Объ этой исторіи не узналъ никто изъ начальства.

Вскорѣ пріѣхалъ къ намъ Ѳедоренко. Въ день его пріѣзда я былъ дежурнымъ по батареѣ. Повидимому, онъ былъ доволенъ видѣть меня, хотя не преминулъ сдѣлать мнѣ замѣчаніе: въѣзжая въ городъ, онъ встрѣтилъ какого-то солдата, который не сталъ ему во фронтъ. Когда же я замѣтилъ, что подобный поступокъ могу объяснить лишь тѣмъ, что солдатъ не узналъ его, ѣхавшаго въ закрытомъ экипажѣ, генералъ сказалъ:

— Нужды мало; солдатъ долженъ по чутью знать, что ѣдетъ начальникъ. Вотъ чего нужно требовать отъ солдата.

Вслѣдъ за симъ Ѳедоренко предложилъ мнѣ объяснить, чему именно должны обучать офицеры солдатъ. Я разсказалъ, какъ умѣлъ; не забылъ прибавить и послѣднюю генеральскую фразу.

Ѳедоренко пріятно улыбнулся и продолжалъ:

— Это, что вы сказали, далеко еще не все! Офицеръ обязанъ наставлять солдатъ и слѣдить за ними не только въ городѣ, но и по деревнямъ, гдѣ они квартируютъ. Хорошо знать, какъ они живутъ съ своими хозяевами: живутъ ладно, помогаютъ имъ въ работѣ, и кормить ихъ будутъ хорошо и бѣлье хозяйка вымоетъ. При такихъ условіяхъ солдатъ будетъ здоровъ, весело ему будетъ и на службу ходить, и со службы возвращаться.

Черезъ нѣсколько минутъ, для представленія генералу собрались всѣ наши офицеры. Къ нимъ генералъ обратился съ тѣмъ же вопросомъ, какъ и ко мнѣ, но такъ какъ никто изъ нихъ не могъ попасть въ тонъ, Ѳедоренко приказъ мнѣ повторить слышанное.

Безъ малѣйшей улыбки, не смотря на подталкиваніе меня товарищами, я слово въ слово повторилъ всѣ мудрыя генеральскія наставленія. Мой монологъ вызвалъ улыбки на лицахъ товарищей. Генералъ началъ уже хмуриться, а въ его фразѣ: «отчего имъ такъ весело?» слышались недобрыя нотки. Да спасибо Сентищеву—выручилъ:

— Насъ радуетъ, что прапорщикъ Рубанъ такъ хорошо проникнулся наставленіями вашего превосходительства.

Петръ Ивановичъ просіялъ.

Окрестности Сѣно, усѣянныя хорошенькими рощицами и холмиками, чистенькими лѣсными лужайками и журчащими ручейками съ хрустальною водою—чрезвычайно живописны. Каждый годъ сюда съѣзжалось не мало помѣщиковъ съ семействами для такъ называемыхъ «майскихъ короціи». Тогда Сѣно становилось неузнаваемымъ. Всюду кипѣла жизнь: ежедневно устроивались пикники, пляски, гремѣла музыка, царило веселье. Съѣздъ на короціи доставилъ намъ возможность познакомиться со всѣми болѣе или менѣе зажиточными окрестными помѣщиками.

Вблизи Сѣно, съ западной его стороны, находилось огромное озеро. На сѣверномъ берегу озера, верстахъ въ шести отъ города, находилась усадьба богатѣйшаго помѣщика Пусловскаго, гдѣ жили

его главноуправляющій Рымкевичъ и главный экономъ Кондратовичъ. Эти хорошіе, молодые, образованные и холостые люди скоро сблизились съ нами. У нихъ мы часто охотились, ловили рыбу и отдавали должную честь ихъ вкуснымъ обѣдамъ и ужинамъ. Какъ-то разъ, въ жаркую пору, прогуливаясь по южному берегу съ товарищемъ Хилковскимъ, мы вздумали выкупаться какъ разъ противъ усадьбы Пусловскаго. У берега мы нашли плотъ, связанный изъ бревенъ, величиною въ квадратную саженъ. Два деревянныхъ обрубка, валявшіеся на плоту, вѣроятно, играли роль веселъ. Выкупавшись мы рѣшили отправиться на этомъ плоту къ Рымкевичу. Сказано — сдѣлано. Самымъ благополучнѣйшимъ манеромъ добрались мы до середины озера, отъѣхавъ отъ берега версты на двѣ. Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, поднялся страшнѣйшій вѣтеръ, все болѣе и болѣе крѣпчавшій. Нашъ плотъ мало-по-малу начало затоплять волнами. Скоро мы очутились по колѣно въ водѣ. Привязавъ бывшія у насъ полотенца къ среднему бревну плота, мы получили возможность, держаться за нихъ, бороться съ стремленіемъ волнъ, которыя иначе могли бы сбросить насъ съ плота. Часа четыре совершали мы эту опасную переправу и, выйдя на берегъ, поблагодарили Бога за положительно чудесное спасеніе. Рымкевичъ и Кондратовичъ были поражены нашимъ безразсудствомъ. Но предложенные намъ свѣжее бѣлье, сухое платье и добрый стаканъ пуншу, скоро заставили забыть наше злоключеніе и обратили его въ веселую шутку.

Въ октябрѣ, бригадный штабъ и наша батарея передвинулись въ городъ Бѣлицу, незавидный городишко, неподалеку отъ Гомеля. Гомель былъ подаренъ государемъ Николаемъ Павловичемъ фельдмаршалу князю Варшавскому, графу Паскевичу-Эриванскому, за его заслуги. Фельдмаршалъ купилъ затѣмъ за необыкновенно дешевую цѣну и все Гомелевское имѣніе графа Румянцева, въ которомъ считалось до двадцати тысячъ душъ. Лѣтняя резиденція графа Румянцева «Прудокъ» составляла райскій уголокъ этого обширнаго помѣстья. Не знаю, на сколько это вѣрно, но бывшій управляющій графа, нѣкій Ступокъ, разсказывалъ намъ, что Паскевичъ до того былъ обрадованъ дешевизною покупки, что подарилъ своему адъютанту Мельникову, уполномоченному имъ совершить крѣпостной актъ, двѣсти тысячъ рублей ассигнаціями.

Вмѣстѣ съ имѣніемъ перешли въ руки Паскевича не только громадные запасы хлѣба, но и всѣ драгоцѣнности, какія только хранились въ «Прудкѣ». Это, по большей части, были подарки иностранныхъ дворовъ.

Въ половинѣ марта 1836 года, меня перевели въ 1-ю артиллерійскую бригаду въ Вильно. Передъ отправленіемъ на новое мѣсто служенія, я рѣшилъ заѣхать въ Харьковскую губернію, куда и отправился въ отпускъ. Мой пріѣздъ послужилъ поводомъ къ

раздѣлу имѣнія. Завѣдываніе моею частью я поручилъ брату Степану. Впослѣдствіи, въ 1843 году, я продалъ ему же свою часть, относительно за безцѣнокъ: 50 душъ и около 400 десятинъ принесли мнѣ всего восемь тысячъ рублей.

По окончаніи отпуска, я отправился въ Ковно, гдѣ были собраны всѣ войска 1-го армейскаго корпуса. Здѣсь меня назначили въ помощники къ извѣстному по знанію пиротехники поручику Свѣчникову, которому было поручено приготовленіе грандіознаго фейерверка ко дню коронаціи, 22 августа. Съ приготовленіемъ фейерверка и его спускомъ произошелъ неожиданный казусъ: прежде всего по неосторожности одного изъ рабочихъ, вошедшаго въ лабараторную палатку въ сапогахъ съ подковками, при чемъ четверо солдатъ получили сильные обжоги. Въ день спуска фейерверка, по случаю сильнѣйшаго вѣтра, продолжавшагося цѣлый день, не было никакой возможности поднять щитъ и разставить другія декораціи. Прибывшій въ семь часовъ вечера начальникъ 1-й артиллерійской дивизіи генералъ-лейтенантъ Перренъ остался крайне недоволенъ нашимъ бездѣйствіемъ и занялся разстановкою фейерверка самъ. Намъ съ Свѣчниковымъ, послѣ рѣзко выраженнаго неудовольствія генерала, конечно, не приходилось вмѣшиваться въ его распоряженія. Мы безпрекословно исполняли его приказанія, хотя втихомолку и подсмѣивались, что онъ, обрадовавшись стихнувшему вѣтру, не выпускаетъ изъ своихъ рукъ принятой на себя работы и немилосердно стѣсняетъ всю фейерверочную группу.

Къ спуску фейерверка приступили въ десять часовъ вечера. Три сигнальныя ракеты взлетѣли прекрасно; четвертая лопнула. Ея огонь сообщился въ два павлинные хвоста, отъ нихъ зажегся павильонъ въ три тысячи ракетъ, загорѣлся щитъ, начали взлетать бураки, фальшфейеры, и все это представляло дивную, волшебную картину разноцвѣтныхъ огней, исчезнувшую такъ же скоро, какъ и появившуюся. Нѣкоторыя сигнальныя ракеты, сложенныя на землѣ близь станковъ, ни чѣмъ даже неприкрытыя, начали рикошетировать вдоль всего артиллерійскаго парка, не задѣвъ, однако, ни одного заряднаго ящика, а то была бы потѣха! Нашъ генералъ совершенно растерялся. Командиръ корпуса, генералъ-отъ-инфантеріи баронъ Гейсмаръ, былъ крайне недоволенъ и приказалъ произвести слѣдствіе. На другой день насъ съ Свѣчниковымъ потребовали въ корпусный штабъ для отобранія показаній о причинахъ неожиданнаго случая съ фейерверкомъ. Мы напрямикъ обвинили во всемъ Перрена. Послѣ этого дѣло замяли.

Изъ Ковно насъ перевели въ Ракишки, мѣстечко Виленской губерніи. Заставъ здѣсь владѣльца, графа Тизенгаузена съ семействомъ, мы сдѣлали ему визитъ. Графъ отплатилъ визитъ каждому изъ насъ и просилъ ежедневно жаловать къ нему обѣдать. За пол-

часа до обѣда за нами присылалась линейка. Обхожденіе графа и его семейства съ нами было чрезвычайно радушное, а уѣзжая изъ Ракишекъ, графъ приказалъ управляющему снабжать насъ всевозможными продуктами изъ своихъ оранжерей, садовъ и огородовъ.

Между прочимъ, графъ Тизенгаузенъ познакомилъ меня съ своимъ чрезвычайно богатымъ сосѣдомъ, Петкевичемъ. Послѣдній пригласилъ меня на освященіе громаднѣйшаго дома, выстроеннаго имъ въ его резиденціи, въ мѣстечкѣ Понемунекъ. Нельзя не остановиться на описаніи этого празднества, продолжавшагося цѣлую недѣлю.

Гостей изъ Варшавы, Вильны, Волынской и Гродненской губерній, набралось человѣкъ до четырехъ сотъ. Всѣ они наѣхали въ собственныхъ экипажахъ съ мужскою и женскою прислугой и всѣ были размѣщены въ двухъ громадныхъ каменныхъ флигеляхъ. Особенно бросалось въ глаза, что всѣ, даже изъ холостой молодежи, были снабжены кроватями со всѣми принадлежностями. Это еще остатки стариннаго быта польскихъ магнатовъ. Послѣ церемоніи освященія дома виленскимъ епископомъ Симашкомъ, былъ поданъ завтракъ, накрытый въ громадномъ залѣ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, служилъ и комнатой для танцевъ. Послѣ завтрака все общество раздѣлилось на группы. Одни сѣли за карты, другіе играли на билліардѣ, третьи, преимущественно молодежь, отправились гулять.

Въ шесть часовъ былъ поданъ великолѣпный обѣдъ, во время котораго игралъ очень приличный оркестръ Петкевича. Обѣдъ оживлялся веселымъ разговоромъ, шутками, тостами и рѣчами въ честь гостепріимнаго хозяина и его семейства. Общему оживленію не мало способствовали старое венгерское вино и столѣтній медъ. Шампанское лилось рѣкою. Часовъ въ десять вечера начались танцы. Дамы къ завтраку, обѣду и танцамъ являлись всякій разъ въ разныхъ костюмахъ и это въ продолженіе всѣхъ семи дней проведенныхъ у Петкевича! Во время танцевъ особенное наше, молодежи, вниманіе было обращено на мазурку. Въ ней принимали участіе шестидесятилѣтніе старики въ кунтушахъ и въ ботфортахъ съ подковками. Своею ловкостью и граціей старики поразили насъ. Да! въ первый и послѣдній разъ пришлось мнѣ видѣть подобную мазурку. Самый танецъ сопровождался пѣніемъ пѣсенъ національнаго характера, что чрезвычайно способствовало общему оживленію.

Часовъ въ пять утра подали ужинъ, послѣ котораго мы разошлись по своимъ флигелямъ. На другой день повторилось все то же, за исключеніемъ участія стариковъ въ мазуркѣ. Такъ гости провели и всѣ остальные дни своего пребыванія у Петкевича.

Вскорѣ меня назначили бригаднымъ адъютантомъ. Работы было много: мнѣ пришлось приводить въ порядокъ запущенныя дѣла за время кампаній 1828—29 и 1831 годовъ. Съ командиромъ бригады, полковникомъ Ключаровымъ, мы были въ самыхъ лучшихъ

отношеніяхъ. Ключаровъ былъ необъятной толщины, крайне лѣнивъ и неподвиженъ, но за то человѣкъ въ высшей степени начитанный и обладавшій талантомъ замѣчательно краснорѣчиво разсказывать эпизоды изъ своей жизни. Одинъ изъ его разсказовъ особенно врѣзался въ моей памяти. Вотъ его содержаніе въ сжатомъ видѣ:

Въ двадцатыхъ годахъ, когда Ключаровъ былъ еще въ чинѣ штабсъ-капитана, довелось ему квартировать въ одномъ незначительномъ мѣстечкѣ Кіевской губерніи. Мѣстный священникъ, замѣтивъ, что онъ никогда не бываетъ въ церкви, сдѣлалъ на него доносъ благочинному. Послѣдній пріѣхалъ для личнаго объясненія съ Ключаровымъ. Во время этой бесѣды Ключаровъ высказался, что, посѣщая еще въ молодыхъ лѣтахъ церковныя служенія, онъ выносилъ изъ церквей только чувство негодованія, вслѣдствіе безобразнѣйшаго отправленія богослуженій глупыми, пьяными, развратными и въ высшей степени корыстолюбивыми попами.

Благочинный, въ свою очередь послалъ доносъ въ Сѵнодъ, обвиняя Ключарова въ безпримѣрномъ атеизмѣ. Возникло дѣло, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ. При слѣдствіи Ключаровъ отвѣчалъ на всѣ религіозные вопросы письменно и только одними текстами изъ священнаго писанія. Наконецъ, дѣло было доложено митрополиту Серафиму, который, разсмотрѣвъ его тщательно, положилъ слѣдующую резолюцію:

«Можетъ ли Ключаровъ быть атеистомъ, ежели такъ прилежно и хорошо изучилъ священное писаніе? Дальнѣйшее производство дѣла прекратить».

Скоро мнѣ пришла въ голову мысль выйти въ отставку. Не желая дѣйствовать на авось, не зная какими средствами могу располагать выйдя въ отставку и занявшись хозяйствомъ, я взялъ, для пробы, одиннадцатимѣсячный отпускъ на родину.

Мое путешествіе въ Харьковскую губернію обошлось безъ особыхъ приключеній. Только по дорогѣ отъ Вильно къ Ошмянамъ, не помню уже между какими станціами, я увидѣлъ довольно печальное зрѣлище: на окровавленномъ снѣгу валялись клочья раздранной одежды и виднѣлась пара сапогъ съ обрубками человѣческихъ ногъ. Прибывъ на станцію, я узналъ, что это волки разорвали помѣщика Козелло, который, испугавшись, что лошади понесли, выскочилъ изъ саней и сдѣлался добровольною жертвою этихъ хищниковъ. Такъ разсказывалъ, по крайней мѣрѣ, везшій его ямщикъ.

Въ половинѣ марта я добрался до брата Степана и объяснилъ причину своего пріѣзда. Братъ не одобрилъ моего рѣшенія: какъ по пальцамъ высчиталъ онъ мнѣ, что я, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, не могу получать съ своего имѣнія болѣе тысячи рублей ассигнаціями въ годъ; да и на постройку усадьбы у меня не было денегъ. Досадно было сознать свою ошибку.

Пребываніе мое у брата было сплошнымъ отдыхомъ. Лѣтомъ охотился, зимой благодушествовалъ дома. Въ январѣ 1839 года я снова возвратился въ бригаду. Въ Вильнѣ я представился начальнику своей дивизіи, генералу Перрену. Этотъ послѣдній, вмѣсто того, чтобы вспомнить исторію съ фейерверкомъ, принялъ меня чрезвычайно любезно, поздравилъ съ производствомъ въ поручики и пригласилъ на свадьбу своей дочери, выходившей замужъ за дежурнаго штабъ-офицера перваго армейскаго корпуса, Юферова.

На другой день послѣ свадьбы, Перренъ далъ роскошный обѣдъ, самое видное мѣсто во время котораго занималъ столѣтній медъ—гордость хозяина. Вечеромъ, за чаемъ, онъ разсказалъ намъ исторію этого напитка.

Когда, въ 1815 году, зашла рѣчь объ изгнаніи изъ предѣловъ Россіи іезуитовъ, онъ, командуя батарейною ротою 3-й бригады, квартировалъ въ городѣ Плоцкѣ. Сюда была прислана особая комиссія, долженствовавшая устроить это изгнаніе на самыхъ гуманныхъ началахъ. Перрена также назначили въ число членовъ комиссіи. Живя нѣсколько лѣтъ въ Плоцкѣ, онъ былъ отлично знакомъ со всѣми ксендзами тамошняго кляштора и вотъ они-то и поднесли ему въ подарокъ шестьдесятъ десятиведерныхъ бочекъ столѣтняго меду.

Изъ Вильны я отправился въ свою батарею въ мѣстечко Нерфть, принадлежавшее графу Шувалову. Квартиры намъ были отведены во флигеляхъ, при домѣ графа. Кромѣ удобства помѣщенія въ высокихъ, чистыхъ и просторныхъ комнатахъ, не мало удивило меня положеніе, искони заведенное въ имѣніи графа, по которому всѣмъ офицерамъ, квартировавшимъ въ его мызѣ, производился такъ называемый ординарій. Послѣдній состоялъ въ томъ, что каждому офицеру отпускалось ежемѣсячно: два ведра пива, три фунта коровьяго масла, четверть овса и пятнадцать пудовъ сѣна. Мои товарищи, поселившіеся въ Нерфти раньше меня, разсказывали, что сначала они были ужасно скомпрометированы приподнесеніемъ этого ординарія, но когда управляющій рѣшительно заявилъ, что онъ не имѣетъ права нарушить коренной обычай, издавна существующій на мызѣ, безъ предварительнаго донесенія графу въ Петербургъ, что господа офицеры, нынѣ квартирующіе въ Нерфти, чуждаются его гостепріимства, чѣмъ графъ, конечно, будетъ чрезвычайно оскорбленъ, то офицеры уже и не возражали ничего противъ такихъ щедротъ графа, а, привыкнувъ къ этому порядку, нашли, что графскіе предки, учредившіе такой обычай, были, должно быть, люди чрезвычайно любезные.

Въ маѣ я получилъ приглашеніе поступить воспитателемъ въ Павловскій кадетскій корпусъ и, изъявивъ на это согласіе, отправился въ іюнѣ въ Петербургъ.

И. Тимченко-Рубанъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПРОЖИТОМЪ [1]).

(Посвящается товарищамъ по Павловскому и сослуживцамъ по Петровскому и Полтавскому кадетскимъ корпусамъ).

VII.

На службѣ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ,—Любезность Клингенберга.—Выгодная квартира. — Знакомство съ А. Ѳ. Шелономъ. — Его краткая біографія. — Переводъ статистики Гродненской губерніи. — Шелонъ доставляетъ мнѣ занятія. — Подготовленіе къ дѣятельности преподавателя исторіи. — Отдѣленіе отпѣтыхъ.—Отношеніе Михаила Павловича къ строевой подготовкѣ корпусовъ.—Репетиціи Толстого.— Просьба кадета 2-го корпуса.—Пріемъ ординарцевъ Михаиломъ Павловичемъ.—Выступленіе корпуса въ лагерь.—Привалъ близь дома умалишенныхъ.—Дѣвица Богговутъ.—Заря съ церемоніей.—Императоръ самъ производитъ ученіе.—Производство выпускныхъ и рѣчь государя.—Печальный случай съ двумя выпускными. — Гуманность Ростовцева. — Мое намѣреніе перейти на службу въ Полтаву.—Кіевъ.—Разсказы о генералѣ Ротѣ.

ПЯТНАДЦАТАГО іюня 1839 года, я прибылъ въ Петербургъ и на другой же день представился директору корпуса, Карлу Ѳедоровичу Клингенбергу. Пріемъ, оказанный мнѣ генераломъ, былъ самый радушный, напоминавшій его отеческое обращеніе съ нами во время нашего нахожденія въ Павловскомъ корпусѣ. Въ его вопросѣ: какъ доѣхалъ и есть ли средства для заготовленія новаго обмундированія?—я понялъ намекъ на мой довольно уже потертый мундиръ. Дѣло въ томъ, что во время моего пребыванія въ деревнѣ у брата, случился пожаръ, при чемъ вся моя обмундировка сго-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XL, стр. 610.

рѣла. Нисколько не стѣсняясь, я высказалъ Клингенбергу всю затруднительность моего положенія. Клингенбергъ заставилъ меня написать объ этомъ рапортъ, послалъ меня съ нимъ къ Ростовцеву и я получилъ очень солидную по тому времени сумму.

Корпусъ былъ въ лагерѣ. Меня прикомандировали къ остававшейся въ Петербургѣ неранжированной ротѣ. Квартиру я себѣ нашелъ очень скоро, по второй ротѣ Измайловскаго полка, на столь выгодныхъ условіяхъ, что теперешнимъ жителямъ Петербурга это можетъ показаться чуть ли не баснею: за шестьдесятъ рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ я получилъ двѣ чистенькія комнаты съ окнами на улицу, при передней, во второмъ этажѣ, со столомъ въ три блюда по буднямъ и въ четыре по праздникамъ; въ дни же когда у меня соберется кто-нибудь изъ товарищей, мнѣ полагался и ужинъ въ два блюда. Кромѣ того, хозяйка должна была кормить и моего денщика.

Вскорѣ вмѣстѣ со мною поселился мой однокашникъ, подпоручикъ Семеновскаго полка Карцевъ, вышедшій изъ корпуса позже меня. Онъ потерялъ право пользоваться казенною квартирою, вслѣдствіе поступленія въ Военную Академію. Какъ судьба играетъ людьми! Въ корпусѣ, будучи фельдфебелемъ, я былъ начальникомъ Карцева; при сожительствѣ на одной квартирѣ, я былъ старше его чиномъ, а впослѣдствіи, когда Карцевъ былъ помощникомъ главнокомандующаго кавказскою арміей его высочества Михаила Николаевича, я получилъ, по его дружескому ко мнѣ участію, послѣ переформированія корпусовъ въ военныя гимназіи, 30-й кавказскій линейный баталіонъ, то-есть не только поступилъ въ подчиненіе къ нему, но сталъ неизмѣримо ниже его на лѣстницѣ ранговъ и служебнаго положенія. Вотъ какъ измѣняются роли! Не измѣнился только въ своей душѣ Александръ Петровичъ: и въ Тифлисѣ, гдѣ мнѣ приходилось часто встрѣчаться съ нимъ, и въ Харьковѣ, гдѣ онъ былъ начальникомъ военнаго округа, онъ оказывалъ мнѣ самое дружеское расположеніе.

Поустроившись, я сдѣлалъ визиты всѣмъ служащимъ. Инспекторъ классовъ, А. Ѳ. Шелонъ, повидимому, былъ радъ увидѣть меня. Во время моего пребыванія въ корпусѣ, Шелонъ былъ помощникомъ инспектора классовъ и преподавателемъ фортификаціи. Послѣднее обстоятельство крайне всѣхъ удивляло, такъ какъ фракъ, да и самая его фигура, съ кривыми, вывороченными ногами, никакъ не допускала мысли, чтобы онъ могъ читать какую-нибудь военную науку. Несмотря на скромную фигуру Шелона, нашъ инспекторъ, полковникъ Верещагинъ, ровно ничего не значилъ безъ своего помощника. Личность Шелона дѣйствительно заслуживаетъ особаго вниманія. Окончивъ курсъ въ Императорскомъ Военно-Сиротскомъ домѣ, въ 1820 году, онъ, вслѣдствіе физической неспособности къ военной службѣ, былъ выпущенъ съ чиномъ

14-го класса и, не имѣя никого изъ родственниковъ, былъ радъ-радешенекъ, что директоръ корпуса помѣстилъ его въ свою канцелярію на грошевое содержаніе. Усиленныя канцелярскія занятія, при всемъ желаніи усовершенствовать свое образованіе, не дозволяли ему посѣщать университетскія лекціи. На его счастіе въ корпусѣ открылась вакансія на должность библіотекаря. Его сдѣлали библіотекаремъ. Окруженный книгами, проводя дни и ночи въ своей библіотекѣ, онъ самоучкой изучилъ французскій языкъ, усвоилъ и по другимъ предметамъ такія прочныя свѣдѣнія, что въ тридцатыхъ годахъ былъ уже главнымъ редакторомъ издаваемаго тогда Плюшаромъ «Энциклопедическаго лексикона», въ которомъ принимали участіе почти всѣ наши ученые. Обстоятельство это сблизило его со многими выдающимися личностями нашей литературы. Мнѣ самому приходилось не разъ встрѣчать на его вечерахъ Жуковскаго, Плетнева, Кукольника, Греча, Сенковскаго, Даля, Одоевскаго, Языкова и др.

Павловскій корпусъ обязанъ Шелону и подборомъ самыхъ лучшихъ учителей Петербурга. Будучи членомъ и хозяйственнаго комитета, онъ съумѣлъ пріобрѣсти вліяніе и на эту отрасль корпусной администраціи, ограничилъ менѣе нужные расходы и всю экономію старался обратить на усиленіе средствъ къ умственному образованію воспитанниковъ. Для хорошихъ учениковъ онъ ничего не жалѣлъ, покровительствовалъ также и тѣмъ, которые особенно старательно занимались однимъ избраннымъ предметомъ. Онъ не стѣснялся переводить послѣднихъ въ высшіе классы и послѣдствіемъ такого умнаго взгляда на дѣло образованія было то, что число тунеядцевъ въ заведеніи дошло до небывалаго minimum'а. Воспитанникамъ послѣдняго рода онъ указывалъ и доставлялъ возможность пользоваться самыми лучшими руководствами къ болѣе пространному изученію избранныхъ ими предметовъ, въ связи съ другими, имѣющими близкое съ ними соприкосновеніе. Такимъ образомъ сама собою устанавливалась спеціальность и въ то же время, когда у насъ она даже поощрялась, воспитанники другихъ заведеній за эти же самыя наклонности исключались вонъ. Къ сожалѣнію, по одному обстоятельству, о которомъ даже прискорбно вспомнить, не давелось Шелону занять мѣсто главнаго инспектора всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, о чемъ предполагалъ ходатайствовать великій князь Михаилъ Павловичъ, высоко цѣнившій заслуги Шелона.

Когда я пришелъ въ первый разъ къ Шелону, онъ сталъ разспрашивать меня о моей службѣ и, узнавъ, что я провелъ семь лѣтъ въ царствѣ Польскомъ и Литвѣ, полюбопытствовалъ: знаю ли я польскій языкъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ попросилъ меня перевести на русскій языкъ небольшую, тутъ же передъ нимъ лежавшую, брошюру «Статистика Гродненской губер-

ніи». Мой переводъ, надъ которымъ я проработалъ не болѣе четырехъ дней, былъ совершенно одобренъ Шелономъ. Платя любезностью за любезность, онъ предложилъ мнѣ очень выгодное, въ смыслѣ вознагражденія, дѣло: приготовить, правда въ весьма непродолжительное время, одного сынка знатнаго барина къ экзамену изъ фортификаціи для поступленія въ инженерное училище. Не имѣя твердыхъ знаній въ этомъ предметѣ, я было началъ отказываться, но Шелонъ прервалъ мое отнѣкиванье фразою:

— Вотъ вамъ руководство Теляковскаго, просмакуйте его и увидите, что задача не трудна.

Я согласился и достигъ благопріятныхъ результатовъ: мой новый ученикъ сдалъ экзаменъ очень порядочно.

Вслѣдствіе такого удачнаго опыта на поприщѣ преподавательской дѣятельности, Шелонъ предложилъ мнѣ избрать какой-нибудь предметъ для преподаванія въ Павловскомъ корпусѣ. Я остановился на исторіи и началъ серьезно заниматься ею. Впослѣдствіи, уже во время моей бытности въ Павловскомъ корпусѣ, послѣ пробной лекціи, я былъ утвержденъ въ званіи преподавателя всеобщей исторіи.

По возвращеніи баталіона кадетъ изъ лагеря, я былъ назначенъ въ первую роту. По принятому тогда порядку, эта рота состояла изъ воспитанниковъ, не подающихъ особенно блестящихъ надеждъ къ успѣшному окончанію курса наукъ. Самые сомнительные экземпляры находились въ первомъ отдѣленіи. Какъ на зло это отдѣленіе дали мнѣ, назначивъ въ помощь унтеръ-офицера Софьяно (нынѣ генералъ-адъютанта, товарища генералъ-фельцейхмейстера). Правда, спасти отъ выпуска въ юнкера этихъ господъ было невозможно, но принявъ за правило прежде всего гуманное обращеніе, я достигъ, по крайней мѣрѣ, того, что обуздалъ сорванцовъ. Вотъ когда я почувствовалъ призваніе быть воспитателемъ и когда окончательно рѣшилъ не возвращаться въ артилерію.

Въ день Богоявленія, 1840 года, я подвергнулся маленькой непріятности. На парадъ былъ назначенъ сборный взводъ изъ всѣхъ ротъ. На правомъ флангѣ стоялъ кадетъ моего отдѣленія. Когда ко взводу подходилъ Михаилъ Павловичъ и было скомандовано—«на плечо!»—правофланговый задней шеренги такъ сильно задѣлъ штыкомъ киверъ моего кадета, что сдвинулъ его на самые глаза. Великій князь, отнеся это къ плохой пригонкѣ кивера, приказалъ посадить подъ арестъ на гауптвахту какъ ротнаго командира, такъ и отдѣленнаго офицера.

Кстати разсказать здѣсь и о другомъ случаѣ, свидѣтельствующемъ какъ Михаилъ Павловичъ относился къ строевой части въ кадетскихъ корпусахъ.

Не припомню въ мартѣ или въ апрѣлѣ того же 1840 года, великій князь выразилъ крайнее неудовольствіе за неудовлетворительную подготовку взводиковъ, высылаемыхъ корпусами на воскресные разводы. Онъ приказалъ состоявшему при немъ генералу Толстому объѣзжать каждую недѣлю всѣ корпуса какъ для репетицій съ этими взводиками, такъ и для осмотра ординарцевъ, посылаемыхъ по воскреснымъ днямъ во дворецъ его высочества.

При одномъ изъ такихъ посѣщеній генераломъ Толстымъ 2-го кадетскаго корпуса, къ нему подошелъ одинъ изъ воспитанниковъ съ просьбою удостоить его счастія представиться Михаилу Павловичу. Кривоногій, кривобокій, рябой и вообще чрезвычайно неврачный на видъ, кадетъ изумилъ своею просьбою генерала. На вопросъ: какъ онъ учится и ведетъ себя? — директоръ корпуса отозвался о немъ самымъ наилестнѣйшимъ образомъ. Это обстоятельство, при всѣмъ извѣстныхъ требованіяхъ великаго князя, поставило Толстого въ немалое затрудненіе. Надо было посовѣтываться съ Ростовцевымъ, надо было общими силами убѣдить Михаила Павловича склониться на просьбу достойнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ юноши.

Послѣ долгихъ и полновѣсныхъ представленій, просьба ихъ была уважена, но не иначе, какъ при условіи предупредить его высочество въ минуту представленія этого воспитанника.

На бѣду въ день представленія великій князь смотрѣлъ конногвардейскій полкъ и, оставшись имъ крайне недовольнымъ, возвратился во дворецъ такимъ разсерженнымъ, что къ нему и приступа не было.

Началось представленіе. Подпрапорщиками остался недоволенъ; пажей назвалъ куклами въ мундирахъ; ординарцевъ артилерійскаго, инженернаго училища и 1-го кадетскаго корпуса пропустилъ молчаливо; при взглядѣ же на представлявшихся отъ 2-го корпуса до такой степени расшумѣлся, что душа у всѣхъ ушла въ пятки:

— Это что за чучело?—произнесъ Михаилъ Павловичъ. — Въ насмѣшку что ли прислали мнѣ на показъ такого урода? Какъ смѣете вы, генералъ Мирковичъ, такъ шутить со мною? Сегодня же доложу государю о вашей умышленной дерзости! Въ сторону это безобразіе! Баталіоннаго командира арестовать на мѣсяцъ, ротнаго на два мѣсяца, а эту чучелу высѣчь!

Ноги подкосились у ординарцевъ Павловскаго корпуса и Дворянскаго полка, но пріемъ ихъ прошелъ благополучно.

На силу-на силу, и то только черезъ три дня, удалось Ростовцеву и Толстому умилостивить Михаила Павловича и выпросить всѣмъ прощеніе.

Въ первый день Пасхи, въ числѣ прочихъ получившихъ вы-

сочайшія награды, находился баталіонный командиръ Московскаго кадетскаго корпуса, произведенный въ генералы съ назначеніемъ на должность директора вновь открываемаго Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса. Назначеніе Святловскаго крайне заинтересовало меня, какъ уроженца Харьковской губерніи. Зародилась мысль: не перебраться ли въ Полтаву? Мысль эта мало-помалу начала меня преслѣдовать, но привести ее въ исполненіе не представлялось еще возможности.

Вскорѣ наступилъ день выхода военно-учебныхъ заведеній въ лагерь подъ Петергофъ. Сборъ былъ назначенъ у Нарвской заставы къ четыремъ часамъ дня. Прибылъ государь. Отрядъ, какъ и всегда, принялъ его нескончаемымъ «ура». Пропустивъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ по отдѣленіямъ всѣ корпуса, императоръ приказалъ слѣдовать на ночлегъ въ деревню Лигово. Для привала баталіонъ Павловскаго корпуса, по заведенному съ 1830 года обычаю, расположился на дворѣ дома умалишенныхъ и въ зданіяхъ, прилегавшихъ къ этому дому.

Это гостепріимство устроилъ Павловскому корпусу бывшій его директоръ Никита Васильевичъ Арсеньевъ, получившій мѣсто попечителя такъ называемаго «Желтаго дома». Сюда же Арсеньевъ перетащилъ и бывшаго своего эконома Кандаурова, который и по смерти Арсеньева поддерживалъ это гостепріимство. На привалѣ кадетамъ былъ предложенъ чай съ бѣлымъ хлѣбомъ и молокомъ, жаркое и разныя лакомства. Офицерамъ былъ устроенъ ужинъ съ разливною рѣкою шампанскаго.

Передъ ужиномъ мы попросили разрѣшенія осмотрѣть заведеніе. Нельзя было не замѣтить, какъ свирѣпые на видъ больные ласково относились къ Кандаурову. Посѣтили мы и дѣвицу Боговутъ, помѣщенную сюда еще въ царствованіе императора Александра Павловича. Предметомъ ея помѣшательства былъ самъ императоръ. Въ своемъ довольно хорошемъ помѣщеніи она приняла насъ чрезвычайно привѣтливо; говорила о разныхъ предметахъ такъ разсудительно, какъ, казалось бы, не могъ говорить человѣкъ помѣшанный. По нашей просьбѣ она сыграла одну изъ Бетховенскихъ сонатъ, да такъ сыграла, что мы даже рты разинули.

Послѣ ужина мы тронулись дальше, на ночлегъ, и на другой день отправились на Петергофъ.

Возлѣ дачи Мятлева отрядъ былъ остановленъ. Весь отрядъ переодѣлся и построился по отдѣленіямъ на дорогѣ. Прибылъ изъ Петергофа императоръ и лично повелъ насъ въ лагерь церемоніальнымъ маршемъ.

Здѣсь отрядъ выстроился развернутымъ фронтомъ по баталіонно, вызваны были караулы и произведена вечерняя заря съ церемоніей. Передъ роспускомъ баталіоновъ государь громко произнесъ своимъ пѣвучимъ голосомъ:

— Живите, поживайте, меня не забывайте! Съ Богомъ!

Сойдя затѣмъ съ лошади, онъ пересѣлъ въ ландо къ императрицѣ, пожаловавшей въ лагерь съ великими княжнами Ольгой и Александрой Николаевными, и отбылъ въ Александровскій дворецъ.

Такой порядокъ выступленія кадетъ въ лагерь и вступленія въ Петергофъ повторялся ежегодно.

Въ лагерѣ пробыли мы до 12-го августа. Смотры, маневры и линейныя ученья были для кадетъ праздниками. Они рвались изъ всѣхъ силъ, чтобы угодить батюшкѣ-царю. Государь, конечно, зналъ это чувство къ нему кадетъ и являлся къ нимъ всегда въ отличномъ настроеніи духа. Помню, какъ, сдѣлавши разъ тревогу, онъ началъ производить линейное ученье и самъ, державный, подавалъ сигналы на рожкѣ. Когда же послѣдовалъ сигналъ къ атакѣ, вслѣдъ за нимъ прокомандовалъ своимъ богатырскимъ голосомъ:

— Барабанщики бьютъ, музыканты играютъ, молодцы впередъ выступаютъ.

Линейнымъ ученіемъ, повидимому, кадеты угодили ему. Теперь говорятъ, что это ничто иное, какъ игра въ солдатики. Пусть такъ! Тѣмъ не менѣе кто можетъ утверждать, что эти живыя игрушки - солдатики не отличались такого рода преданностью престолу и отечеству, какою едва ли можетъ похвастаться нынѣшняя молодежь.

Передъ выступленіемъ изъ лагеря, государь прибылъ къ намъ, приказалъ ударить тревогу и лично назначилъ выпускныхъ на различныя должности въ строю своихъ баталіоновъ, для провѣрки знанія ими строевой пѣхотной службы. Оставшись вполнѣ довольнымъ, императоръ тутъ же поздравилъ ихъ съ производствомъ въ офицеры.

По возвращеніи въ Петербургъ, выпускные были обмундированы по формѣ тѣхъ частей, въ которыя выходили, приведены къ присягѣ и представлены Михаилу Павловичу. Сюда же пріѣхалъ и государь.

Осмотрѣвъ обмундированіе, императоръ обратился къ молодымъ людямъ со словами:

— Отпуская васъ на службу, я разстаюсь съ вами, какъ съ своими собственными дѣтьми, при увѣренности, что и вдали отъ меня вы не измѣните тѣхъ чувствъ ко мнѣ, которыми и мое сердце переполнено къ вамъ. Служите честно и примѣрно; я не забуду васъ!

Когда же произведенные сдѣлали безмолвный поклонъ и многія лица приняли чрезвычайно грустное выраженіе, государь прослезился и, уходя, проговорилъ Михаилу Павловичу:

— Эти слезы исторгаются у меня ежегодно.

Не помню хорошо, этого ли или одного изъ ближайшихъ къ

нему выпусковъ, двое воспитанниковъ, уже по производствѣ ихъ въ офицеры гвардіи, впали въ довольно важное преступленіе. Озадаченный директоръ повезъ ихъ къ Ростовцеву, приказавъ не начинать присяги до его возвращенія. По тщательному, хотя и въ высшей степени гуманному, обсужденію вины молодыхъ людей, какъ Ростовцевъ, такъ и директоръ пришли къ заключенію, что если съ виновными будетъ поступлено по всей строгости законовъ, то они немедленно и навсегда погибнутъ, тогда какъ по своимъ дарованіямъ обѣщаютъ быть вполнѣ полезными слугами отечеству. Вслѣдствіе этого рѣшились прибѣгнуть къ единственному, но и крайне рискованному средству. Призвавъ молодыхъ людей въ свой кабинетъ, Яковъ Ивановичъ заставилъ одного изъ нихъ прочесть вслухъ статью закона, по которой они должны были быть приговорены къ соотвѣтствующему наказанію. Видя ихъ крайнее смущеніе и слезы, Ростовцевъ предложилъ имъ выбрать самимъ наказаніе себѣ.

— Рѣшаемся на все! — отвѣтили молодые люди. — Спасите только насъ!

Избранное самими наказаніе произведено было келейно.

Года черезъ два это обстоятельство сдѣлалось извѣстнымъ военному министру, графу Чернышеву, и при извѣстныхъ тогда его отношеніяхъ къ Михаилу Павловичу, онъ доложилъ обо всемъ государю, указывая, что Ростовцевъ, состоя подъ крылышкомъ великаго князя, позволяетъ себѣ неслыханныя вещи.

Потребованный передъ лицо разгнѣваннаго монарха, Ростовцевъ долженъ былъ принять на себя цѣлый потокъ грома и молніи, при угрозѣ быть сосланнымъ туда, куда и Макаръ телятъ не гоняетъ. Молча выслушивалъ Яковъ Ивановичъ грозныя слова императора. Когда же его гнѣвъ началъ, повидимому, утихать, онъ попросилъ разрѣшенія сказать два-три слова въ свое оправданіе.

Доводы Ростовцева были на столько полновѣсны и человѣчны, что государь самъ умилился и перемѣнилъ гнѣвъ на милость.

Едва ли кому-нибудь другому могъ сойти съ рукъ описанный случай; но императоръ Николай Павловичъ былъ рыцарской справедливости и умѣлъ цѣнить заслуги Ростовцева, которыя впослѣдствіи сдѣлались еще болѣе важными для всей Россіи. Но здѣсь не мѣсто говорить о нихъ. Онѣ сдѣлались достояніемъ исторіи славнаго царствованія въ Бозѣ почившаго императора Александра II. Тѣмъ не менѣе считаю нужнымъ привести хотя нѣкоторыя черты характера Якова Ивановича.

Яковъ Ивановичъ былъ человѣкъ превосходной души и сердца. Въ его характерѣ вмѣщались качества и весьма серьезнаго и подчасъ игриваго свойства. Доступъ къ нему былъ открытъ для всѣхъ и каждаго. Не мало случаевъ могъ бы я указать, когда люди, пріѣхавшіе изъ провинціи по дѣламъ въ Петербургъ, не только

незнакомые Якову Ивановичу, но имѣвшіе дѣла въ совершенно другихъ вѣдомствахъ, обращались къ нему за помощью и всегда находили ее.

Не могу не привести одинъ случай, характерно-обрисовывающій доброту и вмѣстѣ съ тѣмъ игривость характера Якова Ивановича:

Лѣтомъ, въ 1840 году, въ Павловскѣ обѣдали у Михаила Павловича его приближенные: Толстой, Криденеръ и Ростовцевъ. Едва кончился обѣдъ, какъ доложили, что какая-то почтенная старушка пришла съ прошеніемъ къ великому князю. Не желая выходить, Михаилъ Павловичъ согласился на просьбу Ростовцева поручить ему объясненіе съ просительницей, при чемъ приказалъ ему назваться великимъ княземъ. Прошеніе старушки, обремененной громаднымъ семействомъ, состояло въ томъ, чтобы вызвать ходатайство его высочества о дарованіи средствъ для возвращенія изъ Сибири ея сосланному и нынѣ прощенному мужу.

Принявъ на себя роль великаго князя, Ростовцевъ предложилъ ей прибыть въ Петербургъ по окончаніи лагернаго сбора.

— Ваше высочество!—сказала старушка,—цѣлые полтора, а, можетъ быть, и два мѣсяца я должна ожидать по вашему приказанію, а между тѣмъ дѣти уже пухнутъ отъ голода.

Въ это время изъ любопытства какъ сыграетъ Ростовцевъ возложенную на него роль, въ пріемную вошли Толстой и Криденеръ.

— Такъ вы, сударыня, говорите, что крайне нуждаетесь въ деньгахъ?—спросилъ Ростовцевъ.

— Ужъ такую терплю, ваше высочество, нужду: одинъ Богъ знаетъ!

— Хорошо! Толстой и ты, Криденеръ, дайте этой достойной дамѣ по сто рублей.

Хотя эти господа и не были особенно обрадованы такимъ сюрпризомъ, но дѣлать нечего: вынули деньги и отдали. Хохоту потомъ было не мало! Старушка же чувствовала себя на седьмомъ небѣ. Впослѣдствіи она получила еще пятьсотъ рублей на дорогу мужа.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Петербургъ Святловскій, съ цѣлью подыскать для Полтавскаго корпуса инспектора классовъ, преподавателей и офицеровъ. Узнавъ о его пріѣздѣ, я рѣшился обратиться къ нему съ просьбою взять меня къ себѣ. Карлъ Ѳедоровичъ Клингенбергъ сначала былъ чрезвычайно недоволенъ моимъ планомъ, но узнавъ руководившіе мною мотивы, пересталъ противорѣчить мнѣ и далъ къ Святловскому письмо съ лестной для меня рекомендаціей.

16-го октября состоялся высочайшій приказъ о переводѣ меня въ Петровскій Полтавскій кадетскій корпусъ, а 1-го ноября я получилъ предписаніе отправиться къ новому мѣсту служенія.

Дорогу я совершилъ, терпя на каждомъ шагу всевозможныя неудобства. То снѣгу слишкомъ много, то его вовсе нѣтъ, то ледоходъ не позволяетъ переправляться черезъ рѣки и т. п. Наконецъ, съ грѣхомъ пополамъ добрался я до Кіева.

Впечатлѣніе произведенное на меня Кіевомъ не скажу, чтобы было особенно отрадное. Всѣ гостинницы были биткомъ набиты и мнѣ пришлось остановиться въ маленькой конуркѣ у какихъ-то сестеръ Пановыхъ, отдававшихъ у себя помѣщеніе для проѣзжающихъ. Осмотрѣлъ городъ. Полюбовался и тогда уже красивымъ Крещатикомъ. Лавры осмотрѣть не удалось: не знаю вслѣдствіе чего монахи приняли меня совсѣмъ по сезону страшно холодно и ровно ничего не показали. Удалось только осмотрѣть контрактовый залъ, причемъ я не мало былъ удивленъ разсказомъ, что въ недалекомъ прошедшемъ наши старые гусары въѣзжали въ него верхомъ по мраморной лѣстницѣ и какъ ни въ чемъ не бывало становились въ пары для танцевъ. По тогдашнимъ нравамъ общества такія выходки не считались скандаломъ, и дамы съ восторгомъ принимали приглашенія молодцовъ-проказниковъ гусаръ. Впослѣдствіи, въ Полтавѣ, мой знакомый, генералъ Граве, не только подтвердилъ этотъ разсказъ, но и разсказалъ мнѣ много уморительныхъ и смѣлыхъ фортелей своихъ товарищей. Козломъ отпущенія большей части этихъ дурачествъ былъ ихъ корпусный командиръ, генералъ Ротъ, личность довольно комичная. Разскажу два-три эпизода мнѣ сообщенные.

Квартируя въ городѣ Балтѣ и чувствуя нерасположеніе къ своему главному начальнику, гусары устроили церемоніальныя похороны, по всѣмъ правиламъ церковнаго устава. Обязанности священниковъ, діаконовъ, причетниковъ и пѣвчихъ исполняли переодѣтые офицеры. Въ открытомъ гробу, на пышной катафалкѣ, лежала туша громаднѣйшей откормленной свиньи. Процессія отправилась по той улицѣ, гдѣ квартировалъ Ротъ. Услышавъ похоронное пѣніе, генералъ открылъ окно и спросилъ: кого хоронятъ?

— Генерала Рота,—послышался отвѣтъ.

И даже такой скандалъ сошелъ съ рукъ довольно благополучно: главныхъ зачинщиковъ перевели въ другіе полки—и дѣлу конецъ.

Однажды, принимая офицеровъ, назначенныхъ къ нему на ординарцы, Ротъ замѣтилъ, что его собственная лошадь держитъ голову неспокойно.

— Какъ вы думаете,—спросилъ генералъ у одного изъ офицеровъ,—вѣроятно у моей лошади мундштукъ не хорошъ?

— Мундштукъ хорошъ, ваше высокопревосходительство, но ротъ никуда не годенъ!

Въ турецкую кампанію 1828—29 годовъ, Ротъ замѣтилъ, что одинъ саперный офицеръ его отряда отпустилъ себѣ необыкновенно длинные волоса, почти до плечъ и уподоблялся духовному

лицу въ мундирѣ. Нѣсколько разъ генералъ приказывалъ ему остричься по формѣ, но приказаніе не исполнялось. Наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, Ротъ приказалъ привести сапера къ себѣ въ палатку, велѣлъ снять сюртукъ и сѣсть на барабанъ. Призванный цирульникъ приступилъ къ операціи удаленія излишней растительности съ вольнодумной головы. По окончаніи стрижки, саперъ, какъ ни въ чемъ не бывало, надѣлъ сюртукъ, вынулъ изъ кармана кошелекъ, досталъ оттуда монету:

— Кому его превосходительство прикажетъ заплатить: хозяину или подмастерью?

— О! вы прекрасный офицеръ!—сказалъ генералъ.—Милости просимъ сегодня ко мнѣ откушать.

VIII.

Пріѣздъ въ Полтаву. — Мысль объ образованіи корпуса на югѣ Россіи. — Церемонія открытія Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса. — Директорство Святловскаго. — Учрежденіе «капитанскаго класса». — Постановка обученія иностраннымъ языкамъ. — Посѣщеніе корпуса императоромъ и Михаиломъ Павловичемъ. — Смерть Святловскаго. — Управленіе корпусомъ Пинкорнелли. — Директоръ Струмилло. — «Гомзагурдіевщина». — Младшій штабъ-офицеръ Кунъ. — Первый выпускъ. — Исторія Струмилло съ дворянствомъ. — Отставка Струмилло. — Директоръ Врангель. — Реформы новаго директора. — Неудовольствіе Врангеля на меня. — Сближеніе съ выдающимися личностями города. — Преосвященный Нафанаилъ. — Отношеніе Врангеля къ родителямъ кадетъ. — Распоряженія по поводу тѣлеснаго наказанія. — Умѣніе Врангеля выставить свою дѣятельность.

2-го декабря я въѣхалъ въ Полтаву, гдѣ нашелъ въ зданіи корпуса приготовленную мнѣ квартиру. На другой день представился директору и баталіонному командиру. Директоръ принялъ меня чрезвычайно радушно, сообщилъ въ чемъ должны заключаться обязанности всѣхъ офицеровъ для подготовленія корпуса къ открытію, сказалъ, что на день открытія я буду назначенъ дежурнымъ по корпусу.

Ни одинъ изъ воспитанниковъ еще не былъ принятъ и только вечеромъ 5-го декабря поступило безъ экзамена 16 человѣкъ. Въ этотъ же вечеръ пріѣхалъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Вслѣдъ за нимъ доставленъ въ корпусъ портретъ Петра Великаго, подаренный государемъ императоромъ вмѣстѣ съ другою большою картиною, изображающею Полтавскій бой, работы знаменитаго нашего академика Шебуева. Портретъ Петра Великаго, по общимъ отзывамъ, считался лучшимъ изъ всѣхъ, сдѣланныхъ при его жизни. Писанъ онъ въ Дрезденѣ, гдѣ и купилъ его за десять тысячъ рублей серебромъ графъ Ростопчинъ, поднесшій затѣмъ свою покупку государю.

Мысль объ основаніи кадетскаго корпуса на югѣ Россіи появилась еще въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія въ средѣ дворянства Харьковской губерніи. Проектъ устройства такого заведенія въ самомъ Харьковѣ на двѣсти воспитанниковъ и на иждивеніе дворянъ только этой губерніи, былъ выработанъ ихъ губернскимъ предводителемъ Г. Ѳ. Квитко и представленъ на Высочайшее разсмотрѣніе. Императоръ Александръ Павловичъ, сколько извѣстно, весьма сочувственно отнесся къ такому похвальному стремленію дворянъ. Уже было построено и зданіе для корпуса, какъ вдругъ, вѣроятнѣе всего потому, что встрѣтилось затрудненіе, гдѣ и какимъ образомъ кадеты харьковскаго корпуса могутъ окончить курсъ въ спеціальныхъ, чисто военныхъ наукахъ, прислано было изъ Петербурга предложеніе: не пожелаетъ ли дворянство приспособить уже готовое зданіе къ помѣщенію въ немъ института благородныхъ дѣвицъ? Дворянство помирилось съ этимъ предложеніемъ и институтъ былъ открытъ. Лѣтъ пятнадцать спустя, въ царствованіе Николая Павловича, вопросъ о корпусѣ былъ поднятъ вновь. На этотъ разъ съ просьбою обратилось дворянство уже четырехъ губерній: Черниговской, Полтавской, Харьковской и Екатеринославской.

Просьба дворянъ отвѣчала желаніемъ императора, а потому онъ и рѣшилъ устроить корпусъ въ Полтавѣ, близь которой наше воинство покрыло себя безсмертной славой побѣды, одержанной Петромъ Великимъ надъ шведскимъ королемъ Карломъ XII. Дворянство было польщено этимъ предложеніемъ, а корпусъ названъ Петровскимъ-Полтавскимъ.

Приглашенія на празднества открытія корпуса были сдѣланы 4-го числа. Главнымъ лицамъ и преосвященному, долженствовавшему освятить храмъ во имя святого Самсонія Странноприимца, въ день котораго, 27-го іюня 1709 года, происходилъ Полтавскій бой, приглашенія развозилъ я. Почетными лицами были: генералъ-губернаторъ черниговскій, полтавскій и харьковскій, генералъ-адъютантъ князь Николай Андреевичъ Долгорукій, архіепископъ полтавскій, и переяславскій Гедеонъ, полтавскій губернаторъ Гессе и всѣ предводители дворянства выше названныхъ четырехъ губерній.

Церемонія открытія корпуса началась въ 11 часовъ утра 6-го декабря 1840 года чтеніемъ Высочайшаго указа, привезеннаго Ростовцевымъ. Восторгъ, вызванный этимъ событіемъ, выразился въ дружномъ «ура» всѣхъ присутствующихъ и пѣніемъ народнаго гимна. Церковное служеніе началось освященіемъ храма. Архипастырь сказалъ прочувственную рѣчь, восхваляя монарха за его заботы о просвѣщеніи южнаго края Россіи. Далѣе онъ коснулся обязанностей какъ воспитателей, такъ и воспитанниковъ вновь созидаемаго храма науки. Изложеніе этихъ обязанностей было въ

высшей степени назидательно. Послѣ молебна о преуспѣяніи корпуса и многолѣтія государю и всему августѣйшему дому, послѣдовало освященіе помѣщенія корпуса. Церемонія эта продолжалась до трехъ часовъ дня.

Во время всего богослуженія пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ, стройное пѣніе которыхъ поразило даже меня, привыкшаго къ извѣстнымъ хорамъ Петербурга.

Обѣденный столъ былъ сервированъ въ одномъ изъ большихъ залъ заведенія. Тамъ же, паралельно большому столу, былъ накрытъ другой столъ для воспитанниковъ. На одномъ концѣ этого стола сидѣлъ предназначенный на должность фельдфебеля Георгій Яковлевъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ), на другомъ—я, какъ дежурный офицеръ. Обѣдъ для кадетъ былъ обыкновенно принятый, съ добавленіемъ лишь кое-какихъ лакомствъ, выдававшихся имъ и во всѣ большіе праздники.

За столъ сѣли всѣ одновременно въ четыре часа. Оживленіе было общее. Говорились рѣчи, провозглашались тосты. Всѣ рѣчи отличались самыми искренними желаніями процвѣтанія корпуса Директоръ Святловскій сказалъ отвѣтную рѣчь. Всеобщее одобреніе вызвало слѣдующее мѣсто этой рѣчи:

«Чтобы достигнуть высоты тѣхъ пожеланій, которыя мы съ безпредѣльною благодарностью принимаемъ отъ дорогихъ нашихъ гостей, а равно и оправдать надежды на насъ государя императора и дворянства, на иждивеніе котораго воздвигнутъ этотъ храмъ науки, нужна работа, работа и работа! Надѣюсь, что общими усиліями нашими, направленными къ одной общей, свѣтлой цѣли, мы превозможемъ этотъ трудъ!»

Въ двухлѣтнее свое управленіе корпусомъ, Святловскій вполнѣ оправдалъ слова, произнесенныя имъ при открытіи заведенія. Не смотря на то, что его здоровье, еще прежде назначенія на должность директора Полтавскаго корпуса, было сильно подорвано признаками начинающейся горловой чахотки, дѣятельность его была примѣрная, изумительная! Онъ былъ вполнѣ хозяиномъ заведенія по всѣмъ отраслямъ. Ему полностью принадлежала иниціатива всѣхъ мѣропріятій, поставившихъ корпусъ въ самое благопріятное положеніе. Главная его заслуга состояла въ томъ, что стремясь къ осуществленію идеи III тома свода военныхъ постановленій, касающагося физическаго, нравственнаго и умственнаго образованія воспитанниковъ, онъ съумѣлъ заставить каждаго изъ воспитателей проникнуть въ глубину этихъ постановленій, сознать, что безъ взаимнаго, согласнаго содѣйствія другъ другу, дѣло не пойдетъ на ладъ.

Для достиженія этой цѣли Святловскій всячески старался сблизить между собою не только учителей и воспитателей, но и ихъ семейства. Въ этомъ отношеніи его супруга, Александра Семеновна

была самою видною исполнительницею желаній своего мужа. Искренность и простота ея обращенія со всѣми дамами корпуснаго общества поселили въ послѣднихъ любовь и уваженіе къ ней. Такимъ же точно образомъ держалъ себя и самъ Викентій Францовичъ, безъ малѣйшаго притязанія на первенство.

По примѣру двухъ уже существовавшихъ провинціальныхъ корпусовъ, Полоцкаго и Новгородскаго графа Аракчеева, Полтавскій былъ учрежденъ тоже на 400 воспитанниковъ, изъ коихъ 280 содержались на иждивеніе дворянства, по 70 человѣкъ на каждую губернію, а 120 на счетъ правительства. Послѣднія 120 вакансій могли быть заняты уроженцами и другихъ губерній.

Корпусъ подраздѣлялся на четыре роты: гренадерскую, первую, вторую и неранжированную, ежегодно измѣнявшія свои названія, такъ что неранжированная становилась черезъ три года гренадерской. Такимъ образомъ полный составъ корпуса могъ образоваться только къ началу 1845 года.

Классы раздѣлялись на два приготовительныхъ и четыре общихъ, съ подраздѣленіемъ каждаго на два паралельныхъ отдѣленія. Курсъ наукъ для поступившихъ въ первый приготовительный классъ могъ кончиться не раньше шести лѣтъ. Для изученія спеціально военныхъ наукъ, воспитанники, окончившіе IV-й общій классъ, отправлялись въ Петербургъ, въ Дворянскій полкъ, гдѣ, передъ ихъ зачисленіемъ, подвергались провѣрочному экзамену.

Выше я сказалъ, что поступавшіе въ заведеніе воспитанники не экзаменовались. Это обстоятельство, по повѣркѣ знаній вновь поступившихъ дѣтей, поставило корпусное начальство въ необходимость открыть сразу три класса: первый общій и два приготовительныхъ. Въ первый приготовительный классъ поступило не малое количество дѣтей, незнакомыхъ даже съ азбукой.

Экзаменъ 1841 года показалъ, что въ первомъ приготовительномъ классѣ пришлось оставить на второй годъ человѣкъ до сорока. Такой громадный процентъ отсталыхъ внушилъ Святловскому мысль основать для нихъ особый классъ, въ которомъ преподаваніе должно было производиться по сокращеннымъ программамъ. Ему не было присвоено особаго названія, но сами воспитанники другихъ классовъ нарекли его «капитанскимъ», вѣроятно потому, что большая часть изъ преподававшихъ въ немъ состояла въ капитанскомъ чинѣ.

Цѣль Святловскаго была та, чтобы созданные имъ преподаватели изъ строевыхъ воспитателей могли заниматься съ своими учениками и внѣ класнаго времени. Принявъ на себя обязанность преподавать русскій языкъ и ариѳметику, я, въ чинѣ поручика, составлялъ единственное исключеніе между капитанами.

Дѣла, дѣйствительно, настолько подвинулись, что по истеченіи года не было уже надобности поддерживать существованіе этого

класса. Но разъ подмѣченный фактъ о невыгодахъ отсутствія пріемныхъ экзаменовъ уничтожилъ это положеніе. Святловскій сдѣлалъ представленіе, по утвержденіи котораго поступающіе должны были экзаменоваться по опредѣленной программѣ.

Къ числу полезныхъ мѣропріятій Святловскаго надо отнести и слѣдующее. Сознавая, что изученіе иностранныхъ языковъ во всѣхъ безъ исключенія кадетскихъ корпусахъ находится въ крайне жалкомъ положеніи, а между тѣмъ, безъ знанія ихъ молодымъ людямъ совершенно закрывается возможность поступить для дальнѣйшаго образованія въ Военную Академію, онъ ввелъ порядокъ, по которому воспитанники корпуса обязаны были ежедневно выучивать наизусть по одной фразѣ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, за чѣмъ должны были слѣдить отдѣленные офицеры. Къ этому нововведенію, составлявшему для воспитателей нѣкоторую тягость, мы отнеслись съ крайнимъ недовѣріемъ. Тѣмъ не менѣе, не дальше, какъ спустя полгода, воспитанники, при содѣйствіи учителей, посѣщавшихъ по просьбѣ Святловскаго роты въ рекреаціонное время, мало-по-малу начали входить во вкусъ объясненія съ ними и между собою на этихъ языкахъ. Святловскаго это радовало до безконечности.

Къ чести Святловскаго тѣлесное наказаніе примѣнялось въ нашемъ заведеніи только въ крайнихъ, изъ ряду вонъ выходящихъ случаяхъ и то не иначе, какъ по личному разрѣшенію.

Въ сентябрѣ 1842 года, Петровскій Полтавскій корпусъ былъ осчастливленъ первымъ пріѣздомъ государя-императора. Послѣ обхода двухъ уже сформированныхъ ротъ, воспитанники которыхъ стояли у своихъ кроватей, и подробнаго осмотра всего заведенія, государь приказалъ вывести обѣ роты въ садъ съ ружьями и поставить на площадкѣ передъ памятникомъ, воздвигнутымъ въ память побѣды надъ шведами. Проходя церемоніальнымъ маршемъ мимо памятника на правомъ флангѣ перваго взвода, государь салютовалъ ему. На ученьѣ Святловскаго не было. Здоровье его было до того разстроено, что онъ съ трудомъ встрѣтилъ государя и получилъ приказаніе отправиться домой и не выходить.

Оставшись вполнѣ довольнымъ всѣмъ видѣннымъ въ корпусѣ, государь пожаловалъ Святловскому орденъ Станислава I-й степени и тысячу червонцевъ для поѣздки за границу, куда его отправляли доктора. Почти всѣ служившіе въ корпусѣ получили награды.

Нѣсколько дней спустя посѣтилъ корпусъ Михаилъ Павловичъ, но, къ чрезвычайному нашему изумленію, строевого ученія не произвелъ.

Святловскій не воспользовался поѣздкой за границу. Усилившаяся горловая чахотка свела его въ могилу. Много потерялъ корпусъ со смертью этого достойнаго человѣка.

Послѣ смерти Святловскаго завѣдываніе корпусомъ было пору-

чено баталіонному командиру, полковнику Пинкорнелли. Говоря по правдѣ, этотъ господинъ сѣлъ совсѣмъ не въ свои сани: будучи по наружному виду человѣкомъ сердобольнымъ, онъ, по чрезмѣрной слабости характера, сильно поддавался всевозможнымъ вліяніямъ, результатомъ которыхъ выходили подчасъ такія жестокія и негуманныя распоряженія, что вѣра въ его душевное смиреніе совершенно утрачивалась; къ тому же онъ былъ страшный ханжа и человѣкъ, положительно, малограмотный. Онъ предоставилъ ротнымъ командирамъ право подвергать кадетъ тѣлесному наказанію по ихъ усмотрѣнію, безъ его вѣдома. Процвѣтаніе порки, кажется, единственный памятникъ кратковременнаго завѣдыванія корпусомъ Пинкорнелли.

Вслѣдствіе того, что единственными иниціаторами при всѣхъ наказаніяхъ являлись ротные командиры, довѣріе и любовь къ нимъ воспитанниковъ, такъ высоко поднятыя Святловскимъ, совершенно утратились и перешли въ крайнюю нелюбовь и затаенную ненависть.

Въ началѣ 1843 года директоромъ нашего корпуса былъ назначенъ баталіонный командиръ Новгородскаго графа Аракчеева корпуса, полковникъ Струмилло. Безспорно онъ былъ человѣкъ чрезвычайно честный, но и только! Своею чрезмѣрною грубостью онъ напоминалъ медвѣдя новгородскихъ лѣсовъ, вслѣдствіе чего отъ него нельзя было ожидать другихъ услугъ корпусу, какъ медвѣжьихъ. Мѣропріятія Пинкорнелли были имъ одобрены, бездна хорошихъ началъ, введенныхъ Святловскимъ, отмѣнена. Подобной же участи, между прочимъ, подвергся и способъ изученія иностранныхъ языковъ.

Суровое обращеніе Струмилло съ воспитанниками, частыя наказанія розгами, возбудили въ нихъ крайнюю нелюбовь къ директору; не любили его и родители кадетъ. Въ средѣ кадетъ нравственныя начала сильно пошатнулись. На бѣду въ это самое время къ намъ зачислили изъ новгородскаго кантонистскаго отдѣленія нѣкоего Гомзагурдія, юношу лѣтъ пятнадцати, препровожденнаго въ Полтаву по этапу, подъ конвоемъ внутренней стражи, извѣстной тогда, какъ самая безнравственная отрасль русскаго воинства. Съ поступленіемъ въ корпусъ этого негодяя, въ заведеніи развились грубость, непослушаніе, драки, манера браниться самымъ нецензурнымъ образомъ и даже воровство. Имя Гомзагурдія при всѣхъ подобныхъ случаяхъ всегда фигурировало на первомъ планѣ. Неоднократно наказывали его розгами, но и розги были для него непочемъ: ими онъ еще хвастался передъ товарищами. Что мудренаго, что изъ среды мальчиковъ, взросшихъ на хуторахъ, среди мужицкихъ дѣтей, неполучившихъ въ своей семьѣ твердыхъ нравственныхъ началъ, явились подражатели и подражатели успѣшные! Зло росло и росло. Для искорененія его потре-

бовались болѣе рѣшительныя и строгія мѣры. Оказалъ услугу въ этомъ отношеніи заведенію младшій штабъ-офицеръ подполковникъ Кунъ.

Должность младшаго штабъ-офицера Кунъ занялъ по переименованіи его въ подполковники изъ капитана л.-гв. Волынскаго полка, состоя до того времени командиромъ нашей второй роты. Какъ человѣкъ умный и образованный, самъ будучи однимъ изъ самыхъ лучшихъ воспитанниковъ 1-го кадетскаго корпуса, Кунъ съумѣлъ расположить къ себѣ воспитанниковъ своей роты и особенно выдвигалъ тѣхъ, которые отличались хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ. Хорошо зная французскій языкъ, онъ постоянно поддерживалъ въ своей ротѣ заведенную Святловскимъ методу ознакомленія дѣтей съ практическою стороною знанія этого языка. Къ нему и къ инспектору классовъ, полковнику Ницкевичу, приглашались по субботамъ тѣ изъ воспитанниковъ, которые сдѣлали бо̀льшіе успѣхи въ этомъ языкѣ. Сюда же приглашались и два учителя французскаго языка, для разговоровъ съ кадетами.

Задавшись мыслью, во что̀ бы то ни стало, выкурить изъ заведенія «Гомзагурдіевщину», Кунъ, при первомъ же случаѣ обнаружившагося воровства со взломомъ, учиненнаго Гомзагурдіемъ, такъ сильно пронялъ его розгами, что на этотъ разъ онъ вышелъ изъ цейхауза, рыдая и совсѣмъ забывъ о своей прежней методѣ— хвастаться передъ товарищами. Послѣ этого онъ, дѣйствительно, присмирѣлъ, да и остальные воспитанники мало-по-малу начали устраняться отъ него. Вскорѣ, впрочемъ, онъ былъ выброшенъ изъ заведенія въ юнкера арміи.

Быть можетъ, этотъ единственный случай строгаго наказанія вызвалъ преданіе, что кадетъ пороли не на животъ, а на смерть, и что Кунъ былъ главнымъ представителемъ этого живодерства. Но я отлично помню, что даже многіе родители кадетъ того времени, узнавши о строгомъ наказаніи Гомзагурдія и объ его исключеніи въ юнкера арміи, не находили словъ, чтобы достаточно отблагодарить Куна за избавленіе ихъ дѣтей отъ такого вреднаго и гнуснаго товарища.

При Струмилло сформировались окончательно всѣ четыре роты, составился такимъ образомъ батальонъ, которому было пожаловано знамя св. Станислава. Кадетъ начали выводить въ лагерь. Въ 1845 году былъ произведенъ первый выпускъ изъ корпуса. При испытаніи выпускныхъ при спеціальныхъ классахъ Дворянскаго полка, наши воспитанники поразили всѣхъ относительнымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи нашъ корпусъ выдѣлялся только въ продолженіе первыхъ двухъ-трехъ выпусковъ.

Вскорѣ Струмилло, будучи до того времени холостымъ, женился

на дочери очень богатаго помѣщика, Старицкаго. Заручившись хорошимъ состояніемъ, нашъ директоръ сдѣлался совершенно равнодушнымъ къ заведенію. Управленіе корпусомъ, помимо смиреннаго Пинкорнелли, перешло всецѣло въ руки Ницкевича и Куна. Пошатнувшаяся нравственность окрѣпла; о «Гомзагурдіевщинѣ» и помину не было. Классная часть попрежнему шла хорошо. Такъ продолжалось до самаго устраненія Струмилло отъ должности, послѣдовавшаго въ 1849 году.

Исторія удаленія Струмилло отъ должности директора Петровскаго-Полтавскаго кадетскаго корпуса довольно грязная. Мотивы ея—недоразумѣнія съ губернаторомъ и нелюбовь дворянства къ его тестю. Струмилло былъ уволенъ вслѣдствіе жалобы дворянства государю на его непристойное поведеніе. Отлично зная всѣ обстоятельства дѣла, самъ будучи свидѣтелемъ многаго, не могу не сказать, что со Струмилло поступили не хорошо и что пострадалъ онъ почти безвинно.

На мѣсто Струмилло былъ назначенъ генералъ-маіоръ Егоръ Петровичъ Врангель, прибывшій въ Полтаву въ началѣ мая 1849 года съ Кавказа. До его прибытія корпусомъ управлялъ Пинкорнелли.

Еще до прибытія Врангеля, Пинкорнелли ожидалъ производства въ генералъ-маіоры, съ отчистеніемъ по арміи. Кунъ долженъ былъ занять его мѣсто, но въ началѣ мая, во время большого разлива рѣки Ворсклы, переправляясь на охотѣ черезъ одинъ изъ ея рукавовъ, онъ утонулъ. Баталіоннымъ командиромъ былъ назначенъ подполковникъ Дубровинъ, а младшимъ штабъ-офицеромъ Линевичъ.

Въ первое время, по прибытіи въ Полтаву, Врангель посѣщалъ корпусъ довольно часто, но преимущественно днемъ.

Однимъ изъ его первыхъ приказаній было возложеніе на дежурныхъ офицеровъ обязанности, вмѣстѣ съ обыкновеннымъ рапортомъ, представлять отъ каждой роты слѣдующія свѣдѣнія: 1) Кто изъ воспитанниковъ и по какимъ предметамъ получилъ 12 балловъ; 2) тоже о неудовлетворительныхъ отмѣткахъ; 3) какіе воспитанники и за что̀ записаны въ класные журналы; 4) кто изъ кадетъ провинился въ ротахъ и подробности этихъ провинностей; 5) какому взысканію были подвергнуты виновные.

Налагать взысканія даже и за классныя провинности все же, попрежнему, входило въ обязанность ротныхъ командировъ.

Составленіе вышеупомянутыхъ свѣдѣній было возложено на дежурныхъ по ротамъ унтеръ-офицеровъ. Это распоряженіе было для послѣднихъ чрезвычайно тягостнымъ. Понятно, что для провѣрки этихъ свѣдѣній и собранія по нимъ разныхъ справокъ нужно было не мало времени; а потому если прежніе рапорты подавались къ 10 часамъ вечера, то при новыхъ требованіяхъ нельзя

было управиться и къ 11-ти. Мнѣ первому пришлось представить директору цѣлую кипу такихъ отчетностей; пришлось и объяснять записи въ класныхъ журналахъ, что было, подчасъ, трудно: такой-то воспитанникъ былъ грубъ, такой-то—дерзокъ, такой-то—невѣжливъ... а въ чемъ состояли дерзость, грубость, невѣжливость—господа учителя не трудились разъяснять.

Такимъ образомъ, дежурному по заведенію приходилось еще разузнавать отъ старшихъ въ отдѣленіяхъ разныя подробности.

Когда я пришелъ къ директору въ 11 часовъ вечера, его человѣкъ доложилъ мнѣ, что генералъ легъ спать. Отдавъ человѣку рапорты, я вышелъ, но былъ остановленъ имъ же на лѣстницѣ и узналъ, что генералъ проситъ меня обождать. Черезъ нѣсколько минутъ мнѣ была вручена на клочкѣ бумаги записка. Читаю:

«Прошу полковника Пинкорнелли изслѣдовать по какой причинѣ капитанъ Тимченко-Рубанъ такъ поздно пожаловалъ ко мнѣ съ рапортомъ. Теперь одиннадцать часовъ!»

Прочтя это посланіе, я возвратилъ его человѣку съ поясненіемъ, что у генерала, вѣроятно, есть посыльные. Результатомъ объясненія со мною вышло приказаніе, чтобы дежурные офицеры являлись съ рапортомъ до ужина. Но на меня генералъ, видимо, дулся.

Начались экзамены. Воспитанники моихъ классовъ особенно хорошо зарекомендовали себя и своего учителя исторіи. Врангель сдѣлался ко мнѣ нѣсколько любезнѣе. Послѣ экзаменовъ корпусъ былъ выведенъ въ лагерь. Директоръ тоже поселился въ немъ. Посѣщая ежедневно кадетскіе шатры, онъ докапывался до всѣхъ мелочей, съ цѣлью убѣдиться на сколько каждый изъ ротныхъ командировъ и офицеровъ вникаетъ въ свои обязанности. Не довольствуясь личными наблюденіями, Врангель старался пополнять ихъ нѣкоторыми свѣдѣніями, почерпнутыми изъ разговоровъ съ кадетами.

По вступленіи въ должность директора, Врангель сразу понялъ, какія задачи представлялись ему для возстановленія въ дворянствѣ того довѣрія, какое существовало къ корпусу при Святловскомъ и было такъ сильно поколеблено во время директорства Струмилло. Онъ сблизился со всѣми болѣе вліятельными личностями Полтавы, а терпимостью и гуманными распоряженіями по заведенію снискалъ себѣ любовь и расположеніе родителей и родственниковъ кадетъ.

Между прочимъ, Врангель сошелся съ преосвященнымъ Нафанаиломъ, архіепископомъ полтавскимъ и переяславскимъ. При возникшихъ дружескихъ между ними отношеніяхъ, преосвященный часто посѣщалъ корпусъ въ будніе дни, а по праздникамъ совершалъ въ корпусной церкви богослуженіе. Рѣчи его глубоко дѣйствовали на сердца юношей, и, дѣйствительно, онъ былъ ора-

торъ, какихъ мало! Любя воспитанниковъ и жалуя директора, Нафанаилъ относился благосклонно и ко всѣмъ намъ и не упускалъ удобнаго случая похвалить наше заведеніе.

Послѣ одного изъ посѣщеній преосвященнаго, во время котораго онъ произнесъ особенно прочувствованную рѣчь, обращенную къ воспитанникамъ, въ мою гренадерскую роту принесли классные журналы съ отмѣтками по наукамъ и записями за неисправность. Просмотрѣвъ ихъ, я, вмѣсто взысканій, ограничился слѣдующей резолюціей:

«Надѣюсь, что послѣ всего слышаннаго сегодня изъ устъ нашего многоуважаемаго архипастыря, воспитанники поняли всю пользу образованія и, конечно, нашъ классный журналъ не будетъ впредь приносить столько неудовлетворительныхъ балловъ. Взысканій не налагаю».

Эта резолюція, что меня крайне обрадовало, понравилась Врангелю.

Къ общему нашему сожалѣнію, Нафанаилъ, по какому-то очень важному на него доносу, былъ переведенъ вскорѣ въ Архангельскъ. Прощальная рѣчь, произнесенная имъ въ домовой архіерейской церкви во время вечерни въ первый день Пасхи, была въ высшей степени трогательна. Не только друзья, а ихъ у него было много, но и враги-доносчики были потрясены до глубины души. Особенно тронуло всѣхъ, когда онъ припавъ ницъ въ самыхъ царскихъ дверяхъ, воззвалъ, чтобы тѣ, которыхъ онъ когда-либо обидѣлъ, приблизились къ нему, дабы тутъ же, передъ престоломъ Господнимъ, испросить себѣ прощеніе.

Для родителей воспитанниковъ двери нашего корпуса были открыты всегда, кромѣ классныхъ часовъ. Это дѣлалось съ цѣлью, чтобы родители имѣли возможность ознакомиться съ жизнью своихъ дѣтей въ стѣнахъ заведенія. Директоръ не упускалъ случая приглашать ихъ на танцовальные вечера, устроиваемые въ корпусѣ; равнымъ образомъ доставлялъ имъ свободный доступъ къ себѣ на квартиру, для личнаго съ нимъ объясненія. Принимая родителей учащихся въ своемъ кабинетѣ, Врангель показывалъ имъ свою алфавитную книжку воспитанниковъ, съ различными собственными замѣтками, а также и ежедневныя рапортички о разныхъ случайностяхъ въ корпусѣ. Словомъ, давалъ чрезвычайно обстоятельный отчетъ о разныхъ сынкахъ, племянничкахъ и внукахъ.

— Вотъ директоръ, такъ директоръ!— повторяли въ одинъ голосъ всѣ, которымъ приходилось побывать у Врангеля хоть одинъ разъ. Вотъ какого намъ нужно.

Желая по возможности искоренить тѣлесное наказаніе, Врангель принялъ за правило, чтобы назначеніе подобнаго наказанія дѣлалось не иначе, какъ по опредѣленію воспитательнаго коми-

тета и притомъ подвергать такому взысканію только дѣтей не свыше двѣнадцатилѣтняго возроста; воспитанниковъ же переросшихъ эти года вовсе удалять изъ заведенія также по постановленію комитета.

Эта мѣра, въ большинствѣ случаевъ, была хорошею для репутаціи заведенія, но не оправдывалась бѣдными родителями кадетъ, которые, положительно, стояли за розги и въ критическихъ случаяхъ даже просили Врангеля подчивать ихъ дѣтей березовой кашей. По ихъ мнѣнію, такое взысканіе соотвѣтствовало проступкамъ виновныхъ, тогда какъ изгнаніемъ изъ заведенія карались ничѣмъ неповинные родители. Иногда Врангель подчинялся этимъ требованіямъ, но не иначе, какъ при условіи, чтобы родители наказывали дѣтей сами, у себя дома. Нѣсколько подобныхъ случаевъ сберегли не малое количество дѣтей отъ исключенія изъ заведенія, да и нравственность въ корпусѣ, видимо, поднялась.

Хорошимъ педагогомъ считало Врангеля и все наше петербургское начальство. Слухъ куда не дойдетъ! Нѣмцы вообще, а такіе, какъ Врангель, 84-й пробы, въ особенности, отлично умѣютъ выставить свою дѣятельность въ самыхъ яркихъ краскахъ.

При посѣщеніи корпуса государемъ императоромъ въ 1850 году, Врангель, въ особой аудіенціи, такъ мастерски очертилъ свою дѣятельность, что одинъ только и удостоился награды, тогда какъ до него, при всѣхъ высочайшихъ посѣщеніяхъ кадетскихъ корпусовъ, почти всѣ служащіе были награждаемы. Ему былъ пожалованъ орденъ Св. Владиміра 2-й степени.

Въ августѣ 1849 года скончался въ Варшавѣ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній великій князь Михаилъ Павловичъ. Его мѣсто занялъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Начальникомъ штаба попрежнему остался Ростовцевъ.

И. Тимченко-Рубанъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПРОЖИТОМЪ [1]).

(Посвящается товарищамъ по Павловскому и сослуживцамъ по Петровскому Полтавскому кадетскимъ корпусамъ).

IX.

Въ Пятигорскѣ.—Воспоминаніе о генералѣ Завадовскомъ.—Пріѣздъ въ корпусъ Ростовцева.—Воспитательный комитетъ.—Посѣщеніе корпуса наслѣдникомъ цесаревичемъ.—Инспекторъ классовъ Бодянскій.—Врангель попечитель Виленскаго учебнаго округа.—Тиньковъ.—Его разговоръ со мною.—Директоръ Юрьевъ.—Религіозность Юрьева.—«Юрьевская исторія».—Появленіе памфлета на Юрьева.—Выговоръ въ приказѣ инспектору и преподавателямъ.—Доносъ на Юрьева.—Меня обвиняютъ въ продажѣ кадетскихъ сапоговъ.—Баронъ Шлипенбахъ разбираетъ дѣло.—Его вниманіе ко мнѣ.—Приказъ Шлипенбаха по корпусу.—Жена Юрьева вмѣшивается въ исторію мужа.—Командировка въ образцовый учебный полкъ.—Представленіе Ростовцеву.—Назначеніе младшимъ штабъ-офицеромъ въ Петровскій Полтавскій кадетскій корпусъ.

ЪЪ 1852 ГОДУ я подалъ прошеніе объ увольненіи меня, по разстроенному здоровью, на Кавказскія минеральныя воды. Врангель исходатайствовалъ мнѣ четырехмѣсячный отпускъ съ сохраненіемъ содержанія и полугодовой окладъ жалованья на подъемъ. Наслѣдникъ цесаревичъ, лично отъ себя, далъ бумагу, по которой я получилъ даровую квартиру въ Пятигорскѣ, въ домѣ неимущихъ, устроенномъ спеціально для офицеровъ кавказской арміи.

Въ Пятигорскѣ я былъ представленъ начальнику Сѣвернаго Кавказа, генералу Завадовскому. Послѣдній предложилъ мнѣ перейти на Кавказъ съ тѣмъ, что онъ мнѣ дастъ отдѣльный линей-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XLI, стр. 94.

ный баталіонъ. Предложеніе было чрезвычайно заманчиво, но все же я долженъ былъ поблагодарить и отказаться. Въ это время у меня уже была очень многочисленная семья, надо было хлопотать объ образованіи дѣтей, а послѣднее было гораздо болѣе исполнимо при прежней службѣ.

Завадовскій былъ большой чудакъ. Про него ходила бездна анекдотовъ, довольно забавныхъ. Приведу одинъ-другой:

Кавказской резервной дивизіей, расположенной въ Ростовѣ на Дону, командовалъ генералъ Варпаховскій, большой другъ Завадовскаго. Оба они были между собою на «ты», останавливались другъ у друга, когда одинъ пріѣзжалъ въ Ставрополь, а другой въ Ростовъ. У Завадовскаго былъ адъютантъ, нѣкій Попка, изъ простыхъ казаковъ, выведенный имъ въ люди, человѣкъ съ большимъ природнымъ умомъ, пользовавшійся безграничнымъ довѣріемъ своего генерала. Однажды, въ бытность Варпаховскаго въ Ставрополѣ, въ подкутившемъ товарищескомъ кружкѣ зашла рѣчь о находчивости Завадовскаго во всѣхъ важныхъ, серьезныхъ случаяхъ. Варпаховскій какъ-то увлекся и сказалъ:

— Да что Завадовскій! Я знаю, что за него всѣмъ орудуетъ Попка!

Обстоятельство это дошло до Завадовскаго. Вскорѣ онъ назначилъ смотръ резервной дивизіи, прибылъ въ Ростовъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, остановился у Варпаховскаго.

Осмотрѣвъ дивизію, онъ ни слова не произнесъ о томъ, въ какомъ состояніи она имъ найдена, но, по прибытіи въ Ставрополь, отправилъ Варпаховскому ордеръ, въ которомъ перечислялъ всѣ неисправности и упущенія и предупреждалъ, что въ случаѣ если всѣ вышеизложенные безпорядки не будутъ устранены черезъ три мѣсяца, онъ сдѣлаетъ представленіе объ отрѣшеніи начальника дивизіи отъ должности.

Какъ громомъ пораженный, Варпаховскій летитъ въ Ставрополь. Тутъ онъ объясняетъ Завадовскому, до чего огорошенъ его ордеромъ.

— Ни, сего не було!—отвѣчаетъ Завадовскій.

— Какъ не было? я покажу тебѣ ордеръ!

— Покажи, покажи!

— Дывысь! Що бы се було?—размышляетъ Завадовскій, вертя въ рукахъ бумагу.—А! се, мобудь, картожный Попка? Такочко оно и е!

Какъ-то прибылъ на Кавказъ военный министръ графъ Чернышевъ, давно уже точившій зубы на Завадовскаго. Встрѣтившись съ нимъ въ Пятигорскѣ, министръ наговорилъ ему кучу непріятностей, разнесъ за найденные имъ безпорядки и упущенія и объявилъ, что не приминетъ доложить обо всемъ государю. Видя, что дѣло плохо, Завадовскій, экстренно, но въ тайнѣ отъ графа Чернышева, испросилъ себѣ разрѣшеніе на отпускъ въ Петербургъ. Прибывъ въ Петербургъ, онъ, какъ бы не зная, что графъ Чер-

нышевъ въ отлучкѣ, явился къ военному министру. Въ канцеляріи ему объявили, что министръ уѣхалъ, но что все-таки онъ долженъ представиться государю. Когда императоръ принялъ его и спросилъ: что новаго на Кавказѣ? Завадовскій отвѣтилъ:

— Все хорошо. Спасибо вашему величеству, что вы прислали намъ такого разумнаго графа. Онъ всѣмъ намъ показалъ свѣтъ. Что за мудрая голова!

Государь, какъ извѣстно, очень остался доволенъ свиданіемъ съ Завадовскимъ, и когда возвратился графъ Чернышевъ, онъ, не давъ ему ничего сказать о поѣздкѣ, произнесъ:

— Спасибо тебѣ, графъ Александръ Ивановичъ! Твоя поѣздка на Кавказъ принесла намъ много пользы. Завадовскій все уже успѣлъ передать мнѣ.

Послѣ этого у Чернышева и языкъ не повернулся сказать что-либо не въ пользу Завадовскаго.

Въ 1854 году, наслѣдникъ цесаревичъ, въ первый разъ послѣ своего назначенія главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, предпринялъ путешествіе по провинціальнымъ корпусамъ. Передъ тѣмъ во всѣхъ корпусахъ побывалъ Ростовцевъ. Его пріѣздъ въ Полтаву особенно мнѣ памятенъ. Осмотрѣвъ корпусъ, онъ пожелалъ присутствовать въ воспитательномъ комитетѣ, который собрался для разрѣшенія вопросовъ о переводѣ воспитанниковъ въ слѣдующіе классы и о передачѣ неподающихъ надеждъ на попеченіе родителей или, въ случаѣ ихъ отказа, о выпускѣ ихъ въ юнкера арміи. Такихъ воспитанниковъ набралось девятнадцать человѣкъ.

Ростовцевъ принялъ на себя роль посторонняго зрителя. Покуда очередь подачи голоса дошла до меня, восемь человѣкъ были за исключеніе неподающихъ надеждъ, а всѣхъ насъ было двѣнадцать. Не смотря на такое значительное большинство мнѣній, противуположныхъ моему убѣжденію, я высказалъ слѣдующее:

«Изгонять въ одинъ разъ такое множество кадетъ, хотя бы и отсталыхъ и крайне неразвитыхъ, считаю мѣрою не гуманною. Мы всѣ хорошо знаемъ до какой степени равнодушно относится къ умственному и нравственному воспитанію дѣтей большая часть помѣщиковъ-хуторянъ. По ихъ мнѣнію, корпусъ только для того и существуетъ, чтобы снять съ нихъ эту тяжелую обязанность, при взносѣ денегъ на содержаніе кадетъ. Такою мѣрою мы совершенно закроемъ для нихъ путь къ образованію, закроемъ и возможность пристроиться на службу и создадимъ изъ нихъ пролетаріевъ въ полномъ смыслѣ слова. Этимъ приговоромъ мы вызовемъ въ нихъ проклятіе того часа и той минуты, когда они поступили въ заведеніе. А сколько нареканій на корпусъ послѣдуетъ со стороны родителей этихъ несчастныхъ юношей? Кто изъ здѣшняго общества рѣшится сказать что-либо въ защиту насъ.

при сознаніи, что мѣра строгости, употребленная нами, положительно несогласна съ началами педагогіи? Наконецъ, положа руку на сердце, можемъ ли мы утверждать, что съ нашей стороны прилагалось всевозможное стараніе о устраненіи такого плачевнаго исхода въ участи цѣлыхъ девятнадцати человѣкъ? Добавлю при этомъ еще и то, что между ними не мало и такихъ, поведеніе которыхъ почти безупречно».

Комитетъ присоединился къ моему мнѣнію и его рѣшеніе было вполнѣ одобрено Ростовцевымъ. Конечно, послѣ этого, къ своимъ занятіямъ съ этими юношами я относился особенно старательно. Замѣчательно, что всѣ они кончили курсъ вполнѣ благополучно, а одинъ изъ нихъ, Винниковъ 1-й, былъ даже третьимъ ученикомъ въ старшемъ классѣ и выпущенъ въ артилерію. Впослѣдствіи Врангель говорилъ мнѣ, что Ростовцевъ, въ своихъ письмахъ къ нему, постоянно освѣдомлялся какъ идутъ эти девятнадцать человѣкъ, и чрезвычайно радовался удовлетворительности ихъ успѣховъ.

Въ 1856 году, скончался только-что произведенный въ генералы инспекторъ классовъ Ѳ. Г. Ницкевичъ. Покойный умѣлъ вести свою часть довольно самостоятельно, хотя и не вполнѣ обладалъ всѣми нужными для инспектора свѣдѣніями. На его мѣсто, по ходатайству бывшаго статсъ-секретаря М. П. Позена, съ которымъ Ростовцевъ былъ весьма друженъ, былъ назначенъ нѣкій Бодянскій. Онъ былъ сынъ священника и, до поступленія въ семинарію, состоялъ въ хорѣ архіерейскихъ пѣвчихъ, исправляя въ то же время и должность архіерейскаго служки. По выпускѣ изъ семинаріи въ 1830 году, онъ поступилъ учителемъ русскаго языка въ Полтавскую классическую гимназію, а въ 1842 году былъ принятъ въ корпусъ преподавателемъ этого же предмета въ приготовительномъ классѣ. Состоя въ то же время редакторомъ и издателемъ «Полтавскихъ губернскихъ вѣдомостей», Бодянскій частенько пропускалъ свои уроки въ корпусѣ, въ разсчетѣ на свое умѣніе показать товаръ лицомъ, причемъ доходилъ подчасъ до комизма. Мы совсѣмъ не считали его нашимъ сотрудникомъ въ дѣлѣ воспитанія, какъ вдругъ узнали, что его прочатъ на должность инспектора классовъ. Зная подобное наше мнѣніе, Врангель, на предложеніе Ростовцева сдѣлать Бодянскаго инспекторомъ, отвѣчалъ уклончиво, что, впрочемъ, не помогло.

Молва, прославившая Врангеля, какъ рѣдкаго педагога, дошла до государя. Вслѣдствіе этого, въ 1857 году, при открытіи вакансіи на должность попечителя Виленскаго учебнаго округа, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и, послѣ аудіенціи въ кабинетѣ у государя, ему было предложено это мѣсто.

Благодаря государя за такое высокое къ нему довѣріе, Врангель со слезами высказалъ глубокое сожалѣніе, что приходится разстаться съ дорогимъ ему мундиромъ Петровскаго Полтавскаго

кадетскаго корпуса. Тронутый горькими слезами генерала, государь позволилъ ему остаться въ томъ же мундирѣ и при новой должности, съ правомъ считаться по спискамъ корпуса. Послѣднее обстоятельство было не только чрезвычайно лестно, но и очень выгодно, такъ какъ вслѣдствіе положенія о военно-учебныхъ заведеніяхъ, касающагося всѣхъ прослужившихъ въ нихъ пять и десять лѣтъ, онъ имѣлъ право на полуторный окладъ жалованія.

Въ доказательство, что нашъ корпусъ считался при Врангелѣ въ числѣ лучшихъ военно-учебныхъ заведеній, считаю необходимымъ привести слѣдующій примѣръ: директоромъ Орловскаго Бахтина кадетскаго корпуса былъ большой пріятель Ростовцева, Тиньковъ. При немъ, вслѣдствіе черезчуръ широкихъ затѣй для доставленія воспитанникамъ удовольствій, въ Орловскомъ корпусѣ оказался сильный недочетъ въ казенныхъ суммахъ. Тиньковъ не придерживался положенія, по которому воспитанники могли быть увольняемы въ отпускъ только по праздникамъ или наканунѣ ихъ, а разрѣшилъ отпускать ихъ каждый день по окончаніи лекцій и при томъ безъ провожатыхъ. Избалованные мальчики-кадеты позволяли себѣ предаваться во время отпусковъ полному разгулу, часто доходившему до скандаловъ. Слухи обо всемъ этомъ дошли до Петербурга. Была назначена провѣрочная комиссія подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Ореуса. Послѣдній не пощадилъ Тинькова, но въ Петербургѣ ограничились только тѣмъ, что послѣднему было предложено отправиться въ Полтаву, дабы присмотрѣться, какъ Врангель управляетъ заведеніемъ.

Что вынесъ Тиньковъ изъ этой науки—не знаю; вѣрно только то, что въ 1854 году онъ оставилъ педагогическую дѣятельность.

Въ Полтавѣ Тиньковъ встрѣтилъ меня, какъ стараго знакомаго. Познакомились мы съ нимъ въ 1847 году во время моей остановки въ Орлѣ при путешествіи съ выпускными кадетами въ Петербургъ. Разсказалъ онъ между прочимъ вещь чрезвычайно поразившую меня: въ Орловскомъ корпусѣ служилъ мой большой другъ и пріятель Янковичъ. Послѣ исторіи со Струмилло, я написалъ Янковичу письмо, въ которомъ описывалъ подробности дѣла и возмущался поведеніемъ полтавской интелигенціи. Это письмо Янковичъ показалъ Тинькову, а послѣдній переслалъ его Ростовцеву, Ростовцевъ—Михаилу Павловичу, Михаилъ Павловичъ — государю.

— Вѣроятно, — закончилъ свой разсказъ Тиньковъ, — только вашему письму обязанъ Струмилло спасеніемъ отъ очень крутой мѣры, къ которой хотѣлъ прибѣгнуть государь.

Не думалъ я, чтобы моя интимная переписка съ пріятелемъ могла забраться такъ далеко.

Послѣ Врангеля директоромъ нашего корпуса назначили Никанора Ивановича Юрьева, также прибывшаго съ Кавказа, гдѣ онъ состоялъ на службѣ по отдѣльному корпусу жандармовъ. Онъ

былъ лично извѣстенъ государю, какъ командиръ шефской роты 1-го кадетскаго корпуса, въ которой императоръ состоялъ по спискамъ.

Будучи человѣкомъ въ высшей степени религіознымъ, Юрьевъ не пропускалъ ни одного церковнаго служенія. Онъ искренно любилъ кадетъ и, встрѣчаясь съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, цѣловалъ ихъ въ лобъ и крестилъ. Вслѣдствіе своей сильной близорукости и благодаря этой манерѣ обхожденія съ воспитанниками, онъ, подчасъ, былъ комиченъ. Разъ, въ виду не малаго количества воспитанниковъ, онъ принялъ за кадета молодого каптенармуса Богомолова, также поцѣловалъ и перекрестилъ его, чѣмъ вызвалъ сильный смѣхъ въ очевидцахъ этой сцены. Его чрезмѣрная доброта сопровождалась слабохарактерностью, съ неизбѣжнымъ ея слѣдствіемъ: семью пятницами на одной недѣлѣ. Отдавъ утромъ одно приказаніе, онъ приказывалъ вечеромъ совершенно другое; его приказанія по одному и тому же обстоятельству дежурному по корпусу, баталіонному командиру и другимъ должностнымъ лицамъ почти всегда были совершенно различныя. Много вредило Юрьеву и вмѣшательство въ его служебную дѣятельность супруги. Въ особенности некстати вмѣшалась она во время извѣстной «Юрьевской исторіи».

Въ пятидесятыхъ годахъ, въ нѣкоторыхъ нашихъ періодическихъ журналахъ начали появляться статьи, въ которыхъ мѣшались съ грязью порядки, существующіе въ кадетскихъ корпусахъ и ихъ военная закваска. Эти статьи не только не возбранялись для свободнаго чтенія воспитанниковъ, но даже разъяснялись въ Полтавскомъ корпусѣ инспекторомъ классовъ Бодянскимъ. Цѣль этого господина состояла въ томъ, чтобы убить всякое вліяніе на кадетъ какъ директора, такъ и всѣхъ воспитателей, носящихъ военный мундиръ. Очевидно въ стремленіяхъ Бодянскаго проглядывала идея—обратить корпусъ изъ спеціально-военнаго въ общеобразовательное заведеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и стать въ немъ самымъ вліятельнымъ лицомъ. Идеи Бодянскаго, какъ болѣе современныя, всецѣло раздѣлялись почти всѣми преподавателями и репетиторами классовъ, тѣмъ болѣе, что они были недовольны директоромъ за частое порицаніе ихъ способовъ преподаванія. Во время рождественскихъ праздниковъ 1857 года, въ стѣнахъ заведенія появился памфлетъ, въ родѣ акаѳиста, въ которомъ перечислялись всѣ недостатки Юрьева и были затронуты даже его семейныя дѣла. Судя по складу этого произведенія, можно было догадываться, что авторъ очень хорошо знакомъ съ акаеистами вообще. Вѣроятно, опасаясь обвиненія въ авторствѣ, мотивомъ къ чему могло служить семинарское образованіе, Бодянскій распустилъ слухъ, что мѣсто рожденія памфлета — моя, старшая по возросту, рота. Вскорѣ памфлетъ попалъ въ руки Юрьева. Услужливые языки

сообщили ему и предположеніе откуда появилось это произведеніе. Какъ командиръ роты, я являлся отвѣтственнымъ лицомъ и поэтому не могъ не стать во враждебныя отношенія къ иниціатору обвиненія моихъ питомцевъ—Бодянскому. Директоръ, повидимому, также отнесся къ нему не съ особеннымъ довѣріемъ. Это недовѣріе рельефно выразилось по поводу слѣдующаго. Какъ я уже говорилъ выше, Бодянскій не отличался особенною добросовѣстностью своего отношенія къ дѣлу. Глядя на своего начальника, учителя также начали манкировать своими обязанностями: запаздывали на уроки, иногда вовсе не приходили. Юрьевъ нѣкоторое время пересталъ показываться въ стѣнахъ заведенія. Учителя какъ бы обрадовались: стали еще менѣе ретивы. Тогда Юрьевъ неожиданно явился послѣ начала послѣобѣденныхъ лекцій, не засталъ почти никого изъ учителей на мѣстахъ и надѣлилъ ихъ всѣхъ съ Бодянскимъ во главѣ довольно рѣзкимъ выговоромъ въ приказѣ по корпусу.

На другой день ко мнѣ явился служитель изъ инспекторской комнаты, съ увѣдомленіемъ, что господинъ инспекторъ классовъ и учителя просятъ меня пожаловать къ нимъ. Являюсь. Вижу по рукамъ ходитъ какая-то бумага. Всѣ ее подписываютъ и передаютъ наконецъ мнѣ, съ просьбою сдѣлать тоже, такъ какъ помимо ротнаго командира я былъ преподавателемъ исторіи. Читаю. Оказывается просьба на имя инспектора сдѣлать прямо отъ себя донесеніе Ростовцеву на недостойное и грубое поведеніе директора по отношенію къ учителямъ. Подписаться я отказался, мотивируя свой отказъ и нежеланіемъ участвовать въ некрасивой, по моему мнѣнію, исторіи и незаконностью коллективной жалобы. Не найдя моей подписи на доносѣ, Бодянскій не приминулъ сообщить почтенному собранію, что во мнѣ они имѣютъ опаснаго врага, такъ какъ теперь ихъ продѣлка, вѣроятно, не останется секретомъ отъ директора. Думали, гадали, какъ бы втянуть и меня и, наконецъ, придумали: написали доносъ и на меня, обвиняя въ продажѣ на базарѣ кадетскихъ сапоговъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, распустили слухъ, что мнѣ не сдобровать, да распустили не только между служащими, но даже между воспитанниками моей роты.

Въ половинѣ августа 1858 года, прибылъ въ Полтаву, по высочайшему повелѣнію, для изслѣдованія учительской жалобы, генералъ-отъ-инфантеріи баронъ Шлипенбахъ. Хотя онъ и поселился у Юрьева, но вполнѣ изолировалъ себя отъ него и съ первой же минуты предложилъ директору не вмѣшиваться въ управленіе заведеніемъ до окончанія слѣдствія.

Слѣдствіе Шлипенбахъ производилъ самъ. Меня онъ потребовалъ послѣднимъ и, снявъ допросъ, предложилъ изложить его письменно. Отпуская меня, онъ прибавилъ:

— Ваше личное дѣло я уже разсмотрѣлъ во всѣхъ подробно-

стяхъ, переспросилъ не только всѣхъ служащихъ, но даже и поставщиковъ. Вотъ вамъ мой совѣтъ: плюньте на эту гадость и разотрите.

Между тѣмъ, слухи объ ожидающей меня громадной непріятности росли и росли. Поговаривали даже о моемъ удаленіи со службы. Кадетики, поколебленные въ своемъ уваженіи ко мнѣ, начали все-таки высказывать участіе и приставали ко мнѣ съ фразами:

— Правда ли, судя по разсказамъ учителей, васъ ожидаетъ большое несчастіе?

Я отвѣчалъ, что ничего не знаю.

Наступило 30-е августа. Назначенъ былъ парадъ со знаменемъ. Баталіонъ былъ выстроенъ въ рекреаціонномъ залѣ моей роты. Всѣ служащіе въ корпусѣ присутствовали на парадѣ. Учителя стояли лицомъ къ фронту. Прибылъ Шлипенбахъ. Отдали честь. Подойдя къ первому взводу, которымъ командовалъ я, онъ спросилъ:

— Какъ ваша фамилія, капитанъ, и сколько времени вы служите въ корпусѣ?

Я назвалъ свою фамилію и объявилъ, что служу съ перваго дня основанія заведенія. Генералъ снялъ каску и, низко поклонившись мнѣ, сказалъ:

— Передъ такимъ почтеннымъ ветераномъ я преклоняюсь. Вы, кадеты, также должны любить и уважать вашего капитана.

Замѣтивъ по выраженію лицъ кадетъ, что они, повидимому, не прочь отъ этого, генералъ довольно улыбнулся. Учительская компанія, съ Бодянскимъ во главѣ, не раздѣлила этой улыбки. Два, три слова къ кадетамъ и ихъ отвѣты показали, что они вовсе не вооружены противъ своихъ воспитателей строевой части, довольны и своимъ директоромъ.

31-го августа, въ томъ же залѣ, при собраніи всѣхъ воспитанниковъ и служащихъ, былъ прочитанъ приказъ генерала Шлипенбаха. Въ этомъ приказѣ порицалось неумѣстное стремленіе учителей подорвать авторитетъ директора и воспитателей вообще, обязанныхъ слѣдить за нравственнымъ и строевымъ образованіемъ кадетъ, и говорилось, что оконченное слѣдствіе будетъ повергнуто на всемилостивѣйшее воззрѣніе государя императора. Затѣмъ, по высочайше предоставленной ему власти, генералъ Шлипенбахъ, теперь же и навсегда, устранялъ статскаго совѣтника Бодянскаго отъ должности инспектора классовъ, а обязанность эту предписалъ исполнять его помощнику, капитану Дудышкину. Завѣдываніе корпусомъ, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій высшаго начальства, Шлипенбахъ поручалъ полковнику Дубровину.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Шлипенбахъ лично далъ отчетъ о своей поѣздкѣ въ Полтаву государю. Къ Юрьеву отнеслись довольно снисходительно; онъ навѣрно остался бы на своемъ мѣстѣ, если бы не его жена, почтенная Нина Александровна. Эта

послѣдняя, узнавъ, что Ростовцевъ, вполнѣ обвиняя Бодянскаго, не упустилъ замѣтить и Юрьеву, что онъ впадалъ въ нѣкоторыя ошибки, написала Якову Ивановичу такое рѣзкое посланіе, что уже самому Юрьеву нельзя было остаться на прежнемъ мѣстѣ.

Въ маѣ 1859 года, изъ штаба его величества по управленію военно-учебными заведеніями была получена бумага о командированіи меня въ образцовый учебный полкъ, съ присовокупленіемъ, что если, по испытаніи въ знаніи строевой службы и военнаго хозяйства, я получу хорошую аттестацію, то буду произведенъ въ подполковники и назначенъ на должность младшаго штабъ-офицера въ Орловскій Бахтина кадетскій корпусъ.

Въ Петербургѣ я узналъ, что Ростовцевъ живетъ на дачѣ, въ Стрѣльнѣ, и, будучи занятъ крестьянскою реформою, никого изъ служащихъ по военно-учебнымъ заведеніямъ не принимаетъ. Всѣми дѣлами завѣдывалъ директоръ Пажескаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Желтухинъ, которому мнѣ и слѣдовало представиться.

Желтухинъ принялъ меня чрезвычайно любезно. Узнавъ, что я желалъ видѣть Ростовцева, онъ сказалъ мнѣ, что 20-го числа воспитанники военно-учебныхъ заведеній отправляются въ лагерь подъ Петергофъ.

— Они поѣдутъ по желѣзной дорогѣ въ три часа дня,—добавилъ онъ,—пріѣзжайте къ этому времени на вокзалъ; я тоже пріѣду, провезу васъ въ Стрѣльну въ своемъ вагонѣ и доложу тамъ Якову Ивановичу о вашемъ желаніи представиться ему.

Когда мы прибыли въ Стрѣльну, Желтухинъ уѣхалъ куда-то. Долго ожидалъ я его возвращенія, но, видя, что весь отрядъ военно-учебныхъ заведеній переодѣлся и выстроился на шоссе, я оставилъ станцію и, пробравшись къ правому флангу отряда, сталъ шагахъ въ тридцати отъ него. Вскорѣ къ отряду подъѣхали великіе князья: Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи, военный министръ и, наконецъ, Ростовцевъ. Ростовцевъ подозвалъ меня. Онъ подалъ мнѣ руку и сказалъ, что радъ видѣть меня, чтобы поблагодарить за мое отношеніе къ дѣлу, по поводу «Юрьевской исторіи».

— Ты,—продолжалъ Яковъ Ивановичъ,—предназначаешься на должность младшаго штабъ-офицера въ Орелъ, но я думаю оставить тебя въ Полтавскомъ корпусѣ, гдѣ директоръ и инспекторъ новыя лица. Ты намъ нуженъ.

25-го іюня я отправился въ Царское Село, гдѣ и представился командиру образцоваго полка, генералъ-маіору Своеву. Полкъ еще не выходилъ въ лагерь, вслѣдствіе глазной эпидеміи. Туда я отправился, вмѣстѣ съ полкомъ, 15-го іюля.

Въ образцовомъ полку, вмѣсто полугода, какъ это было положено, я пробылъ только до 1-го августа. 24-го августа я былъ произведенъ въ подполковники, 15-го сентября состоялся высочай-

шій приказъ о переводѣ меня въ Петровскій Полтавскій кадетскій корпусъ, а 16-го я уже былъ въ Полтавѣ.

Здѣсь я нашелъ уже новаго директора, генералъ-маіора Тихоцкаго.

X.

Директоръ Тихоцкій. — Кадетамъ устроиваютъ развлеченія.—Начало безпорядковъ въ заведеніи. — Тихоцкій ставитъ дежурныхъ офицеровъ въ фальшивое положеніе.—Приказъ о прибавочныхъ лекціяхъ по русской словесности.—Слухи о безобразномъ поведеніи кадетъ внѣ стѣнъ заведенія. — Разговоръ директора съ воспитанниками спеціальныхъ классовъ.—Приказъ по корпусу.—Неудовольствіе кадетъ. — Отказъ воспитанниковъ 2-го отдѣленія старшаго спеціальнаго класса идти на лекцію русской словесности.—Арестъ фельдфебелей.—Мѣры Тихоцкаго. — Отказъ воспитанниковъ 1-го отдѣленія.—Тихоцкій даетъ пощечину Цыглеру.—Кадеты бушуютъ.—Визитъ губернатора директору.—Директоръ собирается донести о безпорядкахъ въ Петербургъ. — Самовольная отлучка Миницкаго I-го.—Странный пріемъ у директора.—Первый воспитательный комитетъ.—Освобожденіе фельдфебелей изъ-подъ ареста.—Товарищи не пускаютъ въ комитетъ Миницкаго и Цыглера. — Телеграмма въ Петербургъ. — Мой протестъ. — Стараніе Тихоцкаго объяснить безпорядки разнузданностью кадетъ.—Тихоцкій обвиняетъ меня въ умышленномъ искаженіи фактовъ. — Переводъ Миницкаго въ лазаретъ.—Объясненіе съ директоромъ.—Бесѣда съ Соколовичемъ.—Поблажка Тихоцкаго.—Мой отказъ подать рапортъ редакціи Тихоцкаго.—Кадеты просятъ разрѣшенія не говѣть.—Приказаніе директора доставлять свѣдѣнія о проступкахъ кадетъ прямо на его имя.

Кратковременное директорство Тихоцкаго ознаменовалось крайне прискорбными событіями въ корпусѣ. Но такъ какъ, будучи единственнымъ виновникомъ всѣхъ безпорядковъ, онъ, для своего оправданія, старался свалить всю вину на ту распущенность, которая царила въ заведеніи при Юрьевѣ, возникаетъ необходимость сказать нѣсколько словъ о нравственномъ состояніи заведенія въ то время, когда Тихоцкій принялъ бразды правленія.

При управленіи корпусомъ полковника Дубровина, въ заведеніи все шло своимъ порядкомъ: тихо, спокойно, безъ всякихъ исторій, напоминавшихъ собою смутные дни инспекторства Бодянскаго. Такой же точно отзывъ о состояніи заведенія далъ и генералъ-лейтенантъ Розенъ, инспектировавшій корпусъ въ концѣ іюля 1859 года. То же повторилъ государю и самъ Тихоцкій во время Высочайшаго смотра 18-го сентября. Наконецъ, убѣжденіе Тихоцкаго въ хорошемъ состояніи ввѣреннаго ему заведенія еще рельефнѣе обрисовалось по представленіи отчета о полугодичномъ экзаменѣ въ декабрѣ 1859 года. Просмотрѣвъ этотъ отчетъ и найдя классную часть въ весьма хорошемъ состояніи, онъ отдалъ приказъ по корпусу, въ которомъ благодарилъ не только инспектора и преподавателей, но всѣхъ строевыхъ воспитателей за усердное

ихъ содѣйствіе къ умственному образованію питомцевъ заведенія; выразилъ, между прочимъ, и то, что во всѣхъ частяхъ видитъ полный и желательный порядокъ.

Желая поощрить воспитанниковъ за прилежаніе и успѣхи въ наукахъ, а также за хорошую ихъ нравственность, онъ приказалъ полиціймейстеру корпуса, полковнику Ярошенко, устроить въ самомъ большомъ залѣ театральную сцену, чтобы доставить пріятное развлеченіе на время рождественскихъ праздниковъ. Воспитанники были въ восторгѣ. Почти каждодневные спектакли сходили удачно. Изъ города приглашалось множество лицъ. Кромѣ пьесъ разыгранныхъ кадетами, на этой же сценѣ давались и публичные спектакли любителями въ пользу проектировавшейся Полтавской женской гимназіи.

8-го февраля было получено извѣстіе о смерти Якова Ивановича Ростовцева. Не помню хорошо, была ли панихида по покойномъ, всѣми любимомъ и уважаемомъ главномъ начальникѣ, но, во всякомъ случаѣ, нельзя не удивляться, что не далѣе, какъ черезъ пять дней, директоръ корпуса разрѣшилъ воспитанникамъ устроить маскарадъ съ правомъ приглашать на него всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. Разрѣшеніе это показалось намъ тѣмъ болѣе страннымъ, что оно послѣдовало тотчасъ послѣ довольно крупной исторіи съ дежурнымъ по 1-й ротѣ гвардіи поручикомъ Богдановичемъ.

Какъ-то, ведя роту къ завтраку, этотъ офицеръ нѣсколько разъ замѣчалъ одному воспитаннику, чтобы онъ приличнѣе держалъ себя во фронтѣ. Эти замѣчанія не дѣйствовали и рота вся начала паясничать во фронтѣ, принимая команды взрывами смѣха. Богдановичъ остановилъ роту и пригласилъ къ ней дежурнаго по корпусу, капитана Нарѣжнаго, бывшаго и командиромъ 1-й роты. Едва Нарѣжный явился, какъ воспитанники начали приносить ему жалобы на недостойное съ ними обхожденіе Богдановича. Доложили директору. Не разобравъ въ чемъ дѣло, Тихоцкій объявилъ 1-й ротѣ выговоръ и велѣлъ предупредить Богдановича, что ежели и впредь на него послѣдуетъ подобная жалоба, то онъ будетъ удаленъ изъ заведенія въ двадцать четыре часа.

Приведу еще обстоятельство. Однажды, посѣтивъ 3-ю роту, директоръ приказалъ дежурному офицеру произвести перекличку. Всѣ воспитанники оказались налицо. Выходя въ коридоръ, Тихоцкій сказалъ офицеру:

— Я произвелъ перекличку не безъ причины. Въ этой ротѣ, какъ слышалъ я со стороны, воспитанники играютъ въ карты и курятъ, забиваясь въ темные уголки. Передайте всѣмъ своимъ товарищамъ, что ежели на чьемъ-либо дежурствѣ это откроется, я непремѣнно удалю того офицера изъ заведенія.

Затѣмъ, посѣтивъ вновь эту же роту, спустя два, три дня, генералъ самъ заговорилъ съ воспитанниками:

— Вы въ картишки играете, покуриваете! Хотя мы и смотримъ на это сквозь пальцы, но вы должны знать, что въ заведеніи этого допускать нельзя.

— Стало быть можно!—логично рѣшили кадеты.

Понятно, что послѣ такого строгаго внушенія офицерамъ и такого популярнаго разговора съ кадетами, офицеры пришли въ крайнее недоумѣніе относительно своихъ обязанностей на дежурствѣ. Они рѣшили, что гораздо легче и спокойнѣе смотрѣть на все сквозь пальцы.

10-го февраля, мы прочли въ «Русскомъ Инвалидѣ» о назначеніи великаго князя Михаила Николаевича главнымъ начальникомъ военно-ученыхъ заведеній. Около 15-го февраля, изъ штаба его высочества получена была бумага, въ которой приказывалось назначить для старшаго спеціальнаго класса (тогда уже были открыты спеціальные классы при Полтавскомъ корпусѣ) прибавочныя лекціи по русской словесности. Мѣра эта была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что учитель этого предмета, Пономаревъ, вслѣдствіе болѣзни не посѣщалъ классовъ въ продолженіе почти всего курса.

Распоряженіе о назначеніи прибавочныхъ лекцій послѣдовало, но о томъ, что это сдѣлано по требованію изъ Петербурга, почему-то умалчивалось.

Благодаря безтактнымъ дѣйствіямъ директора, результатомъ которыхъ явилось пассивное отношеніе къ дѣлу со стороны дежурныхъ офицеровъ, воспитанники начали, мало-по-малу, опускаться и своевольничать. До директора, опять-таки «со стороны», начали доходить слухи, что кадеты, въ особенности старшаго возроста, находясь въ отпуску, Богъ знаетъ что̀ дѣлаютъ и ведутъ себя далеко неодобрительно. Директоръ приказалъ привести къ себѣ на квартиру всѣхъ воспитанниковъ спеціальныхъ классовъ. Его обращеніе къ кадетамъ удивило всѣхъ насъ.

— Вы, спеціалисты, воображаете, что у васъ умныя, развитыя головы? Ошибаетесь! Тутъ (онъ указалъ на свой лобъ) у васъ совершенно пусто! Вы, чего добраго, не затруднитесь посѣщать и тотъ домикъ... Тамъ, на полугорѣ? Пожалуй, будете и записки туда посылать? Я призвалъ васъ для предупрежденія подобныхъ безобразій и случись еще разъ что̀-либо въ родѣ этого—не пощажу никого, даже родного сына!

Послѣ этого воспитанники были отведены по своимъ ротамъ.

Послѣдовалъ приказъ по корпусу объ увольненіи воспитанниковъ въ отпускъ съ провожатыми, при чемъ вмѣнялось ротнымъ командирамъ особенно соблюдать это правило по отношенію къ воспитанникамъ спеціальныхъ классовъ, которые не умѣютъ себя держать за стѣнами заведенія.

Этотъ приказъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ крайне оскорбителенъ для выпускныхъ. Между ними возникъ ропотъ.

— Съ какой стати,—говорили они,—на насъ однихъ обрушивается неудовольствіе директора? Развѣ въ нашихъ IV и V общихъ классахъ мало такихъ, которые ждутъ не дождутся выпуска въ армейскіе юнкера, и тѣхъ находятъ возможнымъ отпускать безъ провожатыхъ! и т. д.

Свое неудовольствіе воспитанники спеціальныхъ классовъ не приминули выразить и другимъ способомъ: они рѣшительно перестали заниматься науками и классные журналы наполнились нулями.

22-го февраля, въ кабинетѣ инспектора классовъ, найдены были двѣ записки отъ обоихъ отдѣленій старшаго спеціальнаго класса, съ заявленіемъ, что прибавочныя лекціи по русской словесности посѣщаться не будутъ. Подполковникъ Дудышкинъ не придалъ этимъ запискамъ никакого значенія. Въ тотъ же день, послѣ вечернихъ классовъ, воспитанники 2-го отдѣленія дѣйствительно разошлись по ротамъ, несмотря на настоянія Дудышкина.

Желая открыть настоящую причину не желанія воспитанниковъ посѣщать прибавочныя лекціи по русской словесности, директоръ корпуса потребовалъ къ себѣ на квартиру всѣхъ четырехъ фельдфебелей, находившихся въ этомъ отдѣленіи. Но какъ ни старался Тихоцкій вызвать на откровенность этихъ юношей—ничего не добился. Кончилось тѣмъ, что кромѣ Пеленкина, все время находившагося при Дудышкинѣ, какъ дежурнаго, остальные трое: Оприцъ, Кириловъ и Разгоновъ были арестованы, съ угрозою, что на нихъ однихъ обрушится вся тягость отвѣтственности за такое небывалое нарушеніе дисциплины всѣмъ отдѣленіемъ.

Чтобы воспитанники 1-го отдѣленія не повторили того же самаго на другой день, директоръ, еще утромъ 23-го числа, пригласилъ къ себѣ Дудышкина и меня. Я въ это время исправлялъ должность баталіоннаго командира, за болѣзнью Дубровина.

Мы получили приказаніе, въ случаѣ уклоненія кадетъ отъ прибавочныхъ лекцій, дѣйствовать настойчиво, но такимъ образомъ, чтобы была соблюдена и постепенность въ примѣненіи нашихъ правъ.

— Вы,—сказалъ Тихоцкій Дудышкину,—какъ младшій, должны первый отдать приказаніе воспитанникамъ идти въ классъ, не послушаютъ васъ, — пусть подполковникъ Рубанъ сдѣлаетъ тоже. Ежели и за симъ воспитанники окажутъ неповиновеніе,—доложить мнѣ. Я же, съ своей стороны постараюсь прибыть въ корпусъ къ $5^1/_2$ часамъ.

Я было попробовалъ возразить противъ такого распоряженія, но получилъ въ отвѣтъ, что разъ отданное приказаніе никогда не измѣняется его превосходительствомъ.

Въ это время пришелъ дежурный по корпусу, капитанъ Нарѣжный. Оказалось, что онъ переговорилъ съ воспитанниками 1-го

отдѣленія, которые, почти всѣ, его роты. Они не выкажутъ никакого неповиновенія и просятъ лишь у директора разрѣшенія выразить въ письмѣ къ нему причины неповиновенія ихъ товарищей.

Директоръ, видимо, обрадовался: онъ согласился на письмо, съ тѣмъ, однако же, чтобы кромѣ мотивовъ вчерашней исторіи въ письмѣ ни о чемъ не упоминалось.

Придя въ роту, Нарѣжный объявилъ о рѣшеніи директора, но, къ немалому своему недоумѣнію, услышалъ отвѣтъ:

— Въ такомъ случаѣ мы и вовсе писать не будемъ!

Въ 5 часовъ 30 минутъ, при выходѣ воспитанниковъ послѣ вечернихъ классовъ, я находился въ классномъ коридорѣ. Около 6-ти часовъ вечера Дудышкинъ предложилъ воспитанникамъ обоихъ отдѣленій занять мѣста.

Имѣя лекцію строевого устава во 2-мъ отдѣленіи и видя, что всѣ кадеты въ сборѣ, я вошелъ къ нимъ въ классъ и занялся своимъ дѣломъ. Вскорѣ ко мнѣ въ классъ вошелъ директоръ и началъ задавать воспитанникамъ вопросы; но по лицу его можно было судить, что онъ чрезвычайно взволнованъ.

Минутъ черезъ десять въ классъ вошелъ Дудышкинъ и передалъ мнѣ просьбу Нарѣжнаго прибыть въ роту. Получивъ разрѣшеніе Тихоцкаго, я отправился. На пути Дудышкинъ сообщилъ мнѣ, что 1-е отдѣленіе повторило продѣлку 2-го, и что директоръ уже знаетъ объ этомъ.

Я приказалъ построить 1-е отдѣленіе старшаго спеціальнаго класса. Это было исполнено довольно быстро. Объявивъ, что ихъ ожидаетъ учитель, я скомандовалъ—«на право»; но, замѣтивъ, что ни одинъ изъ кадетъ не повернулся, я высказалъ имъ въ коротких словахъ, что своимъ непослушаніемъ они только вредятъ себѣ, не расчитывая, какія послѣдствія могутъ выйти изъ этого. Затѣмъ я снова повторилъ ту же команду—и снова всѣ остались на мѣстѣ, точно вкопанные.

Приказавъ капитану Нарѣжному оставить воспитанниковъ выстроенными, я отправился къ директору. Не медля ни мало, Тихоцкій, сопровождаемый Дудышкинымъ и мною, отправился въ 1-ю роту, оставивъ мой классъ подъ надзоромъ помощника инспектора классовъ, штабсъ-капитана Барсова.

Подойдя къ воспитанникамъ, Тихоцкій спросилъ ихъ:

— Отчего вы не слушаетесь и не идете въ классъ?

Всѣ молчали.

— Идите!

Стоятъ, какъ вкопанные.

— Ступайте въ классъ, говорю вамъ!

И опять та же неподвижность.

— На пра-во!—скомандовалъ директоръ.

Но и команда не помогла.

Повторивъ два, три раза, ту же команду и видя, что воспитанники упорно не внимаютъ ей, генералъ разгорячился и, подойдя къ стоявшему противъ него воспитаннику Цыглеру, далъ ему три полновѣсныхъ пощечины. Вслѣдъ за этимъ онъ началъ поворачивать за плечи въ правую сторону нѣсколько другихъ кадетъ, крича, сколько позволялъ его голосъ:

— Идите вы! Идите вы!..

Воспитанники, дѣйствительно, тронулись и, дѣйствительно, по направленію къ классамъ. Повидимому, они сами не понимали, что творятъ. Поднялся неистовый крикъ и давка. Директоръ, какъ сквозь землю провалился. Такой же крикъ подняла и вся 3-я рота, расположенная въ томъ же среднемъ этажѣ. Это шествіе наверхъ, въ классный коридоръ, всей толпы двухъ взволнованныхъ ротъ, представляло самую безобразную картину. Голосовъ моего, Дудышкина и дежурнаго офицера нельзя было разслышать. Среди этого хаоса вдругъ выдѣлился чей-то чрезвычайно громкій и рѣзкій голосъ:

— Господа! Кромѣ Рубана никого не слушайте!

Не скажу, чтобы, въ душѣ, я былъ особенно обрадованъ и польщенъ этимъ. Однако, этотъ возгласъ, повидимому, подѣйствовалъ на толпу. Крики начали слабѣть. Пользуясь этимъ, мнѣ, при содѣйствіи дежурнаго офицера, удалось выпроводить 1-ю и 3-ю роты изъ класснаго коридора въ свои помѣщенія, а воспитанниковъ 1-го отдѣленія 2-го спеціальнаго класса кое-какъ направить въ классную комнату. Сюда же вошелъ и я съ Дудышкинымъ. Сразу довольно трудно было заставить кадетъ занять свои мѣста, но послѣ серьезнаго моего къ нимъ обращенія, они разсѣлись; глухой говоръ, ропотъ и даже рыданія болѣе слабыхъ нервами не прекращались.

Было уже семь часовъ, когда слѣдовало отпустить воспитанниковъ въ роты. Предполагая, что генералъ въ корпусѣ, я попросилъ Дудышкина спросить на это его разрѣшеніе; но унтеръ-офицеръ Бабинъ сообщилъ, что директоръ убѣжалъ домой по боковой лѣстницѣ, даже безъ шапки. Это извѣстіе снова взбудоражило кадетъ. Надо было видѣть съ какою поспѣшностью бросились они изъ класса, съ криками:

— Мы найдемъ его и въ собственной квартирѣ!

Я бросился за ними. Увидѣвъ впереди штабсъ-капитана служительской роты Мамонтова, я прокричалъ ему, чтобы какъ можно скорѣе всѣ двери были заперты. Мое приказаніе было исполнено довольно быстро. Къ дверямъ приставили часовыхъ. Убѣдившись, что съ этой стороны опасаться было нечего, я, вмѣстѣ съ Дудышкинымъ, направился въ 1-ю роту. Тутъ мы увидѣли нѣсколько кружковъ кадетъ. Всюду кричали, всюду орали. Оставалось одно: вооружиться терпѣніемъ и дать имъ до-сыта наговориться.

Около 8 часовъ кучки начали, мало-по-малу, рѣдѣть и тишина водворяться. Я вышелъ въ церковный коридоръ. Здѣсь меня поразило совершенно неожиданное зрѣлище: у стекляныхъ дверей церкви цѣлая куча кадетъ стояла на колѣняхъ и молилась. Видно кадеты серьезно были потрясены событіемъ. Религіозное обращеніе къ Богу въ такой моментъ заставило насъ, воспитателей, глубоко задуматься и опасаться крупныхъ послѣдствій оскорбленія всего юношества, въ лицѣ одного изъ ихъ товарищей.

Однако къ 8½ часамъ роты были-таки построены для слѣдованія къ ужину. Какъ построеніе такъ и ужинъ сошли въ полномъ порядкѣ.

Около десяти часовъ вечера мы съ Дудышкинымъ отправились къ директору. Едва успѣлъ я доложить, что въ корпусѣ все благополучно, какъ пожаловалъ начальникъ губерніи А. П. Волковъ. Выразивъ свое соболѣзнованіе по поводу такого непріятнаго событія въ корпусѣ, губернаторъ сообщилъ директору, что узналъ объ этомъ отъ одного изъ воспитанниковъ, который, въ одной курткѣ, безъ шапки, весь въ слезахъ, прибѣжалъ къ нему, съ просьбою принять участіе въ кадетахъ и оградить ихъ отъ побоевъ директора, который не только собственноручно надавалъ пощечинъ ихъ товарищу Цыглеру, но и требовалъ отъ офицеровъ, чтобы они били, кололи и рубили кадетъ.

Выслушавъ губернатора, Тихоцкій сказалъ,—что дѣйствительно былъ выведенъ изъ себя небывалымъ непослушаніемъ кадетъ, но Цыглера не билъ, а только взялъ за плечо, чтобы повернуть въ ту сторону, куда надо было идти. Приказаніе бить, колоть и рубить назвалъ наглѣйшею выдумкою, сославшись въ послѣднемъ на насъ. Мы подтвердили, что подобнаго приказанія не слышали.

По описанію примѣтъ ходившаго къ губернатору, можно было догадаться, что это былъ Миницкій 1-й. Директоръ отдалъ было приказаніе арестовать его, но мы отсовѣтовали прибѣгать къ этой мѣрѣ, пока не будетъ доказана ясно виновность Миницкаго.

Губернаторъ откланялся, но мы остались. Послѣ нѣкоторой паузы директоръ спросилъ меня:

— Ну что же теперь дѣлать?

Имѣя въ виду, что Тихоцкій, говоря съ губернаторомъ, скрылъ свой настоящій поступокъ съ Цыглеромъ, я отвѣтилъ:

— На вашемъ мѣстѣ, я теперь же телеграфировалъ бы начальнику штаба такъ: воспитанники 1-го отдѣленія 2-го спеціальнаго класса, при моемъ требованіи идти на прибавочную лекцію русской словесности, оказали мнѣ небывалое неповиновеніе. Я погорячился и употребилъ противъ одного изъ нихъ крайне энергичную мѣру. Подробности почтой.

— Благодарю васъ, — сказалъ директоръ, — такъ и сдѣлаю.

Около 12 часовъ ночи я зашелъ въ корпусъ. Здѣсь дежурный

по 1-й ротѣ доложилъ мнѣ, что кадетъ Миницкій 1-й самовольно отлучился изъ заведенія и былъ у губернатора. Не желая поднимать ночью какой-либо тревоги, я оставилъ это обстоятельство до моего личнаго доклада директору.

24-го числа въ 7 часовъ утра я снова явился въ корпусъ. Тамъ все было спокойно. Миницкій 1-й самъ подошелъ ко мнѣ и доложилъ о своемъ путешествіи къ губернатору. Я его спросилъ: не былъ ли онъ еще гдѣ-нибудь?

— Рѣшительно нигдѣ! — былъ данъ отвѣтъ.

Мой вопросъ основывался на дошедшемъ до меня слухѣ, что кто-то изъ воспитанниковъ ходилъ и къ губернскому предводителю дворянства, г. Кованько.

Въ десять часовъ я прибылъ къ директору съ докладомъ о поступкѣ Миницкаго. Только-что я началъ говорить, какъ Тихоцкій прервалъ меня:

— Теперь мнѣ не надо вашего доклада! Вотъ у меня рапортъ полиціймейстера, полковника Ярошенко. Не будь этого рапорта, вы бы мнѣ ничего не сообщили. Этого скрывать нельзя!

Я ничего не понялъ изъ этой тирады.

Вслѣдъ за мною прибылъ старшій врачъ корпуса Бобровскій, который, узнавъ, что въ 12 часовъ дня назначенъ экстренный комитетъ, полюбопытствовалъ узнать причину этого неожиданнаго обстоятельства. Тихоцкій сообщилъ ему исторію въ такомъ же видѣ, какъ и губернатору и попросилъ принять участіе въ засѣданіи.

Въ двѣнадцать часовъ дня всѣ члены комитета и четверо фельдфебелей собрались на квартирѣ у директора. Цѣль собранія была двоякая: во-первыхъ, дознать настоящую причину, почему воспитанники 2-го спеціальнаго класса такъ упорно отказывались ходить на прибавочныя лекціи по русской словесности, и, во-вторыхъ, какія надо принять мѣры къ принужденію ихъ исполнить это требованіе.

Первой цѣли, по мнѣнію Тихоцкаго и Бобровскаго, можно было достигнуть, допросивъ вышеозначенныхъ четверыхъ фельдфебелей, а потому съ этого и начали. Но сколько ни тратилось краснорѣчія, сколько ни употреблялось пріемовъ и уловокъ, ничто не помогало. Всѣ они, на всѣ вопросы, какъ будто по заказу, отвѣчали:

— Не понимаемъ и сами, какъ это случилось.

Генералъ велѣлъ ихъ отпустить и выпустить изъ-подъ ареста. Разсчитывали, что можно что̀-либо узнать отъ Миницкаго. Послали за нимъ. Посланный вернулся съ докладомъ, что Миницкаго не отпускаютъ товарищи. Тоже отвѣтили, когда послали за Цыглеромъ.

Тутъ же, въ комитетѣ, директоромъ была получена телеграмма изъ Петербурга. О ея содержаніи Тихоцкій умолчалъ, но, видимо,

обезпокоился. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ закрылъ засѣданіе комитета. Мнѣ онъ поручилъ арестовать Миницкаго.

Сознавая всю трудность возложеннаго на меня порученія, такъ какъ приходилось имѣть дѣло ни съ однимъ только Миницкимъ, но и со всѣми его товарищами, такъ категорично выразившими ослушаніе директору и комитету, я рѣшилъ дѣйствовать какъ можно осторожнѣе и гуманнѣе. Придя въ роту, я былъ встрѣченъ всѣми воспитанниками спеціальныхъ классовъ, которые, ожидая результата своего отказа выслать въ комитетъ двухъ своихъ товарищей, держались совокупно. Сначала, когда я объявилъ Миницкому о приказаніи арестовать его, онъ принялъ извѣщеніе съ полною покорностью, но когда всѣ его товарищи начали доказывать мнѣ, что Миницкій также виноватъ, какъ всѣ они, онъ, наотрѣзъ, отказался исполнить мое требованіе идти подъ арестъ. Тщетно старался я убѣдить молодежь, что провинность всего класса не имѣетъ ничего общаго съ фактомъ самовольной отлучки одного изъ нихъ изъ заведенія: меня слушали мало. Я рѣшилъ не настаивать. Около шести часовъ вечера Миницкій явился ко мнѣ съ повинной и объявилъ, что готовъ безпрекословно исполнить мое требованіе.

Хотя, въ продолженіе дня, я и ходилъ нѣсколько разъ къ Тихоцкому, но пріема дождался только въ девять часовъ вечера. Я разсказалъ ему исторію ареста Миницкаго. Директоръ остался крайне недоволенъ, что я будто бы дѣлалъ кадетамъ потачки и что не употребилъ для исполненія его приказанія силу. Я отвѣчалъ, что къ силѣ не прибѣгнулъ, вслѣдствіе опасенія возбудить тѣмъ еще большее волненіе въ средѣ молодежи, вызвать еще болѣе крупные безпорядки.

Между другими лицами я засталъ у директора штабсъ-капитана Барсова. Послѣдній доложилъ генералу, что когда воспитанникамъ было объяснено петербургское требованіе о назначеніи прибавочныхъ лекцій по русской словесности, они обязались подпискою не противиться далѣе этому распоряженію.

25-го февраля, Тихоцкій потребовалъ къ себѣ меня и Дудышкина; тутъ же мы застали выздоровѣвшаго баталіоннаго командира. Намъ была прочтена наканунѣ полученная телеграмма. Въ ней говорилось, что его высочество требуетъ немедленнаго сообщенія о причинахъ нежеланія кадетъ ходить на прибавочныя лекціи, послужившихъ къ проявленію такого неслыханнаго неповиновенія начальству. Обратясь къ Дубровину, директоръ предложилъ ему отправиться въ корпусъ и, во что̀ бы то ни стало, узнать эту причину, чтобы имѣть возможность отвѣтить что̀-либо въ Петербургъ.

По уходѣ Дубровина, Тихоцкій разсказалъ намъ, что онъ былъ у нашего, извѣстнаго по своему уму, архіерея, который положительно отказался понять, вслѣдствіе чего кадеты подняли такую бурю изъ-за того, что онъ, Тихоцкій, хотѣлъ повернуть Цыглера.

Тутъ же онъ прибавилъ,—что разъ, представляя Михаилу Павловичу свой Кабардинскій полкъ, ему случилось чуть не изрубить одного сдѣлавшаго ошибку унтеръ-офицера, а великій князь сдѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ ничего.

Выслушивая это, я невольно задалъ себѣ вопросъ: неужели Тихоцкій не можетъ сообразить, что нанести ударъ нижнему чину далеко не то же, что надавать пощечинъ благородному, не сегодня-завтра долженствующему быть произведеннымъ въ офицеры, воспитаннику? Его часто повторяемая фраза: «взялъ Цыглера за плечо»... заставляла меня призадуматься, не помѣстилъ ли онъ ее и въ свое донесеніе въ Петербургъ?

Дубровинъ вернулся скоро. О результатѣ своей миссіи онъ при мнѣ не распространялся, а попросилъ директора выйти съ нимъ и Дудышкинымъ въ смежную комнату. Что тамъ было говорено—не знаю.

Когда утромъ 26-го числа я пришелъ къ Тихоцкому съ докладомъ, то засталъ тамъ нѣсколько человѣкъ изъ служащихъ въ корпусѣ, ведшихъ оживленный разговоръ. Мое появленіе сразу прекратило эту бесѣду.

Воспользовавшись собраніемъ многихъ лицъ, Тихоцкій сейчасъ же составилъ отвѣтную телеграмму великому князю. Подъ диктовку генерала, корпусный адъютантъ, штабсъ-капитанъ Моралевскій, написалъ:

«Причина неповиновенія—нежеланіе воспитанниковъ ходить на прибавочныя лекціи по русской словесности; послѣдствія—по случаю арестованія трехъ фельдфебелей и одного кадета».

Я позволилъ себѣ замѣтить, что великій князь требуетъ совсѣмъ не этихъ свѣдѣній.

— Писать телеграмму дѣло не ваше, а мое!—сказалъ директоръ.—Я попрошу васъ только подписаться на черновикѣ.

Объяснивъ директору, что подпись обозначаетъ согласіе подписавшагося съ вышеизложеннымъ, я откланялся, не взявъ въ руки предложеннаго мнѣ пера.

Того же числа, въ 8 часовъ вечера, былъ собранъ новый комитетъ при участіи и учителей. Директоръ корпуса прилагалъ всѣ усилія для убѣжденія всѣхъ, что главнѣйшія причины безпорядковъ кроятся въ той разнузданности, которую онъ засталъ въ нашемъ заведеніи; намекнулъ и на то, что, можетъ быть, существуетъ и другая причина: тонкое поджигательство со стороны людей, близко стоящихъ къ кадетамъ, пользующихся въ ихъ средѣ странною и подозрительною популярностью. Послѣднее заявленіе вызвало сильный и даже слегка рѣзкій протестъ со стороны одного изъ самыхъ старыхъ преподавателей корпуса, Кательникова.

Тихоцкій спохватился, замялъ разговоръ на эту тему и снова обратился къ любимѣйшей болтовнѣ о деморализаціи заведенія.

Между прочимъ, онъ вынулъ изъ кармана письмо и предложилъ Дудышкину прочесть его вслухъ. Въ этомъ письмѣ, надо сказать, очень хорошо написанномъ, говорилось, что наши взрослые воспитанники позволяютъ себѣ очень ужъ свободно разсуждать о такихъ предметахъ, какъ власть, законъ и свобода. Онъ сослался на это письмо, какъ на неоспоримое доказательство того, что наше заведеніе, еще до его вступленія въ должность директора, было крайне распущено.

27-го февраля, по почтѣ, было отправлено въ Петербургъ секретное донесеніе о событіяхъ въ корпусѣ, извѣстное только директору и адъютанту Моралевскому, рукою котораго оно было писано на квартирѣ у Тихоцкаго.

29-го февраля, Тихоцкій, въ присутствіи нѣсколькихъ офицеровъ, замѣтилъ, что онъ навѣрно знаетъ мое подтвержденіе въ обществѣ его мнимой фразы: «бейте, колите, рубите» и вывелъ изъ этого то заключеніе, что я являюсь и тайнымъ поджигателемъ воспитанниковъ.

Одинъ изъ присутствовавшихъ, штабсъ-капитанъ Савоини, тутъ же заявилъ директору, что дословно передастъ мнѣ его фразу.

Въ тотъ же день, не знаю по какимъ соображеніямъ, совершенно здороваго Миницкаго 1-го перевели изъ-подъ ареста въ отдѣльную комнату при лазаретѣ, поручивъ медицинскому персоналу имѣть за нимъ наблюденіе.

Это распоряженіе крайне возмутило всѣхъ воспитанниковъ спеціальныхъ классовъ. Они обратились къ Дубровину съ просьбою объ его отмѣнѣ; но просьба ихъ не была уважена.

1-го марта, былъ хозяйственный комитетъ. Сюда мнѣ принесли записку отъ кадетъ 1-ой роты, въ которой послѣдніе просили меня придти къ нимъ. Получивъ разрѣшеніе отъ Тихоцкаго, я отправился въ роту и, возвратясь, доложилъ директору, что кадеты и ко мнѣ обратились съ просьбою о выпискѣ Миницкаго изъ лазарета. Тихоцкій ничего не отвѣтилъ, но сдѣлалъ какую-то чрезвычайно странную гримасу и отвернулся отъ меня.

Это странное отношеніе начинало надоѣдать мнѣ. Я попросилъ у директора объясненія, сказалъ, что знаю о высказанномъ имъ подозрѣніи по поводу моего тайнаго поджигательства и довольно категорично потребовалъ формальнаго по сему обстоятельству слѣдствія. Но Тихоцкій, видно, не особенно любилъ короткіе пути. Въ своемъ отвѣтѣ мнѣ онъ бродилъ кругомъ и около моего вопроса и кончилъ тѣмъ, что сознался въ своемъ нерасположеніи ко мнѣ, вслѣдствіе моего отказа подписать телеграмму, отправленную великому князю. Больше я ничего не могъ добиться.

Вечеромъ того же дня ко мнѣ зашелъ отецъ одного изъ воспитанниковъ спеціальнаго класса, нѣкій Соколовичъ. Въ бесѣдѣ съ нимъ я высказалъ, что самымъ прискорбнымъ фактомъ является

полное несознаніе воспитанниками своей вины, ихъ нежеланіе покориться требованіямъ и извиниться передъ директоромъ. Я согласился на просьбу Соколовича повидаться съ сыномъ и нѣкоторыми знакомыми кадетами въ пріемной комнатѣ и высказалъ мысль, что было бы не дурно, еслибъ онъ поговорилъ съ ними о дѣлѣ, келейно, посовѣтовалъ бы угомониться.

Его разговоръ съ кадетами принесъ нѣкоторую пользу. Увѣренные, что въ Соколовичѣ можетъ говорить только отцовское чувство, кадеты слушали его внимательно, начали слегка поддаваться его убѣжденіямъ и обѣщали переговорить объ этомъ съ товарищами.

И этой мѣрою Тихоцкій остался чрезвычайно недоволенъ. Очевидно, ему была невыносима всякая огласка дѣла. Какъ будто можно было сохранить въ тайнѣ такую громкую исторію?!..

Громадная ошибка Тихоцкаго заключалась въ слѣдующей поблажкѣ: по случаю наступавшихъ репетицій передъ годовыми экзаменами, воспитанники обратились къ инспектору съ просьбой испросить разрѣшенія директора не посѣщать лекцій строевого устава и прибавочныхъ по русской словесности. Въ обыкновенное время еще можно было бы согласиться на такую просьбу, но теперь, когда весь сыръ-боръ загорѣлся именно изъ-за этихъ прибавочныхъ лекцій, согласіе Тихоцкаго явилось страшно безтактнымъ поступкомъ.

2-го марта, я получилъ приказаніе подать рапортъ объ ослушаніи Миницкаго идти подъ арестъ. Рапортъ продиктовалъ мнѣ самъ Тихоцкій и въ своей диктовкѣ такъ искусно подтасовалъ факты, что выходило, будто я самъ на себя подаю рапортъ, обвиняя себя въ нерѣшительности и полномъ отсутствіи вліянія на кадетъ. Само собою разумѣется, я наотрѣзъ отказался подавать такіе рапорты и объявилъ, что и самъ съумѣю проредактировать требуемое отъ меня.

Вечеромъ 5-го марта воспитанники спеціальныхъ классовъ обратились ко мнѣ съ просьбою походатайствовать о разрѣшеніи имъ не говѣть на 4-й недѣлѣ, мотивируя свою просьбу тѣмъ состояніемъ духа, при которомъ трудно углубиться въ самого себя. Я отвѣтилъ имъ отказомъ, объяснивъ, что время говѣнія кадетъ устанавливается распоряженіями свыше. Директору я все-таки доложилъ объ этомъ обстоятельствѣ.

Вскорѣ послѣдовало распоряженіе Тихоцкаго, чтобы всѣ свѣдѣнія о проступкахъ и неуспѣхахъ въ наукахъ воспитанниковъ подавались прямо директору, помимо ротныхъ и баталіоннаго командировъ. Это приказаніе было пояснено тѣмъ, будто послѣдними лицами скрывались проступки кадетъ. Подобное подозрѣніе совершенно не гармонировало съ стремленіями директора доказать полную деморализацію заведенія. Результатомъ явились ежеднев-

ные аресты и все болѣе и болѣе частыя и строгія взысканія. Кадеты были страшно раздражены. Невѣжество и грубость противъ офицеровъ не знали границъ.

Съ 7-го по 13-е марта — недѣля говѣнія.

XI.

Переводъ 1-й роты въ 3-й этажъ.—Арестъ «подстрекателей и запѣвалъ».—Отдѣленіе тринадцати воспитанниковъ отъ товарищей.—Мѣры противъ желанія кадетъ освободить отдѣленныхъ товарищей.—Просьба Миницкаго.—Бесѣда съ отдѣленными воспитанниками.—Записка и ея опроверженіе.—Новая непріятность съ Тихоцкимъ.—Обвиненіе меня въ тайномъ поджигательствѣ.—Крупный разговоръ въ комитетѣ.—Директоръ проситъ у губернатора баталіонъ солдатъ.—Пріѣздъ въ Полтаву Грессера.—Дознаніе.—Проводы Грессера кадетами.—Инспекторскій смотръ Мирковича.—Мирковичъ беретъ мой дневникъ.—Пріѣздъ Политковскаго.—Провѣрка знаній военныхъ наукъ.—Политковскій собираетъ свѣдѣнія о Тихоцкомъ.—Опять мой дневникъ на сценѣ.—Приказъ Политковскаго по корпусу.—Отставка Тихоцкаго.—Директоръ баронъ Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ.—Его дѣятельность.—Преобразованіе корпусовъ.—Посѣщеніе корпуса государемъ императоромъ.—Меня переводятъ на Кавказъ.

14-го марта послѣдовало приказаніе Тихоцкаго перевести 1-ю роту въ 3-й этажъ, чтобы отдѣлить ее отъ 3-й роты. Кровати и столики были перенесены во время классовъ. Послѣ классовъ 1-я рота, вопреки приказанію капитана Нарѣжнаго, отправилась въ свое старое помѣщеніе въ среднемъ этажѣ. Кадеты горланили, что перенесутъ вещи обратно на своихъ плечахъ, но новаго помѣщенія занимать не намѣрены. Пригласили баталіоннаго командира, полковника Дубровина. Послѣдній выстроилъ роту и лично повелъ ее по боковой лѣстницѣ въ третій этажъ. Рота безпрекословно повиновалась. Пришли въ коридоръ новаго помѣщенія. Команда: «стой! во фронтъ! разойтись!» не произвела никакого впечатлѣнія. Тѣмъ же стройнымъ порядкомъ, въ ногу, рота прошла весь коридоръ, вышла на парадную лѣстницу и спустилась обратно въ средній этажъ, гдѣ уже водворилась 2-я рота. Ничего нельзя было съ ними подѣлать! Мы съ Дубровинымъ собрали кадетъ въ спальню. Тутъ они сообщили намъ, что переберутся только тогда, когда мы обѣщаемъ не запирать ихъ на верху и то только при условіи, чтобы къ нимъ же были переведены всѣ кадеты спеціальныхъ классовъ, занимающіе должности въ другихъ ротахъ. Руководствуясь тѣмъ, что послѣ проступка всего спеціальнаго класса, оставлять въ другихъ ротахъ за старшихъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не приходилось, это требованіе было удовлетворено, причемъ воспитанникамъ дали понять, что эта мѣра была уже рѣшена раньше и имѣетъ форму наказанія.

Директоръ отдалъ приказаніе отдѣленнымъ офицерамъ представить ему списки «подстрекателей и запѣвалъ», не стѣсняясь, по собственному убѣжденію. Всѣхъ поименованныхъ въ этихъ спискахъ моментально арестовали. Это вновь подняло страшную бурю въ 1-й ротѣ. Тогда мы съ Дубровинымъ отправились къ директору, стали ему доказывать, что такими мѣрами заведеніе никогда не будетъ умиротворено и что за дальнѣйшіе безпорядки мы не принимаемъ на себя отвѣтственности. Арестованныхъ директоръ велѣлъ освободить.

Въ комитетахъ 15-го и 18-го марта разбиралась масса докладныхъ записокъ и рапортовъ дежурныхъ офицеровъ на неповиновеніе воспитанниковъ. Самымъ крупнымъ эпизодомъ былъ отвѣтъ фельдфебеля Кирилова дежурному офицеру Богдановичу. Первый вошелъ въ другую роту и о чемъ-то говорилъ въ кругу кадетъ; когда же Богдановичъ приказалъ ему удалиться въ свою роту, Кириловъ не послушался и рѣзко отвѣтилъ:

— Ваше приказаніе и смѣшно, и странно.

На вопросъ директора, какое наложить наказаніе на провинившагося, послышались самые разнообразные отвѣты. Придавая этому поступку большое значеніе, какъ прямо противорѣчащему воинскому духу и понятію о дисциплинѣ, мы съ полковникомъ Дубровинымъ все-таки не могли не замѣтить, что причиной этого и вообще всѣхъ подобныхъ поступковъ является то странное волненіе умовъ, каковое замѣчалось въ средѣ кадетъ. Высказавъ предположеніе, что наказаніе только хуже взбудоражитъ всѣхъ, мы предложили не налагать никакого взысканія, а просить особаго слѣдователя съ высшими полномочіями изъ Петербурга. Домашнія изслѣдованія, по нашему мнѣнію, положительно никуда не вели, а только затягивали дѣло и вредили порядку. Директоръ, повидимому, согласился съ нами, но о предполагаемой программѣ дѣйствій умолчалъ.

На новомъ комитетѣ 19-го марта, по иниціативѣ директора, вопреки несогласію очень многихъ изъ присутствующихъ членовъ, было постановлено отдѣлить отъ товарищей наиболѣе выдѣлившихся во время исторіи 23-го февраля кадетъ. Съ большимъ трудомъ удалось, такъ сказать, добыть изъ роты отъ товарищей тринадцать воспитанниковъ и привести ихъ въ комитетъ. Тутъ имъ было прочтено въ чемъ они обвиняются и объявлено, что, признавая ихъ вредными для товарищей, комитетъ положилъ переселить ихъ въ одинъ изъ покоевъ служительской роты и подчинить полиціймейстеру корпуса, полковнику Ярошенко. Обвиняемые подняли страшный гвалтъ. Между воплями и аханьями слышались фразы, въ общихъ чертахъ сводящіяся къ слѣдующему: они сами не понимаютъ въ чемъ заключается ихъ вина; они не солдаты, чтобы ихъ можно было помѣстить въ казармы; они не желаютъ разставаться

съ товарищами; они имѣютъ своихъ начальниковъ и не намѣрены подчиняться полиціймейстеру корпуса.

Вопреки ожиданію, директоръ велъ себя какъ посторонній зритель. Когда шумъ нѣсколько поутихъ, онъ сказалъ едва слышнымъ голосомъ:

— Ваши поступки разберетъ особая комиссія съ полномочіемъ вернуть менѣе виновныхъ въ роты. Подчинены вы будете только ротнымъ командирамъ, черезъ которыхъ можете и переписываться съ товарищами.

Эта огромная до безтактности уступка все-таки не послужила къ прекращенію волненія. Лишь послѣ долгихъ и тщательныхъ убѣжденій воспитанники согласились слѣдовать въ отведенное имъ помѣщеніе, да и то далеко не съ покорностью. Церемонія ихъ шествія произошла на глазахъ всѣхъ воспитанниковъ корпуса, взлѣзшихъ на окна зданія, мимо которыхъ тринадцать ихъ товарищей вели въ служительскую казарму. Благодаря этому, нечего и говорить, какой порядокъ царилъ въ ротахъ въ продолженіе всего остального дня.

Вскорѣ до директора дошелъ откуда-то слухъ, что кадеты 1-й роты собираются освободить своихъ отдѣленныхъ товарищей силою. Сейчасъ же были приняты всевозможныя мѣры. Всѣ двери, выходившія изъ зданія корпуса стали запирать, къ нимъ были приставлены часовые, ротнымъ командирамъ и отдѣленнымъ офицерамъ было приказано глядѣть въ оба. Но этого мало: директоръ поручилъ штабсъ-капитану Барсову, совершенно постороннему въ этомъ дѣлѣ лицу, какъ помощнику инспектора классовъ, обратиться къ отдѣленнымъ кадетамъ съ предложеніемъ остеречь своихъ товарищей отъ всякой попытки освободить ихъ силою.

Если принять во вниманіе, что дошедшій до директора слухъ могъ быть и совершенно ложнымъ, что подобною мѣрою воспитанники могутъ быть натолкнуты самимъ начальствомъ на новую исторію, что этимъ какъ бы сознавались въ своемъ безсиліи противъ нихъ, если принять все это во вниманіе, не берусь разсуждать объ остроуміи подобной мѣры.

20-го марта, я получилъ записку отъ Миницкаго I-го, съ просьбой зайти къ нему въ лазаретъ. Тутъ онъ мнѣ сказалъ, что его мучитъ окружающій его въ лазаретѣ комфортъ, между тѣмъ какъ его товарищи, во всякомъ случаѣ не болѣе виновные, чѣмъ онъ самъ, помѣщены въ казармахъ. Миницкій просилъ меня передать директору это обстоятельство и попросить послѣдняго о его переводѣ къ отдѣленнымъ.

Явившись къ Тихоцкому и разсказавъ о своемъ свиданіи съ Миницкимъ, я услышалъ слѣдующую фразу, произнесенную иронически-недовольнымъ голосомъ:

— Интересно знать, почему это Миницкій, наотрѣзъ отказы-

вающійся говорить съ кѣмъ-либо изъ офицеровъ, постоянно имѣетъ съ вами, подполковникъ, конфиденціальные разговоры, нарушая даже порядокъ подчиненности?

О своемъ отвѣтѣ распространяться не буду.

Зайдя вечеромъ къ Дубровину, я узналъ, что капитанъ Нарѣжный передавалъ ему о страшномъ неудовольствіи воспитанниковъ первой роты на своего ротнаго командира, а также и на насъ съ Дубровинымъ, за увѣщеваніе ихъ отдѣленныхъ товарищей согласиться добровольно на требованія директора корпуса. На другой день Нарѣжный долженъ былъ дежурить по корпусу и не безъ основанія опасался демонстраціи со стороны кадетъ своей роты.

Разсмотрѣвъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, мы пришли къ опредѣленному рѣшенію, которое заключалось въ слѣдующемъ. Утромъ 21-го числа, я зашелъ къ отдѣленнымъ воспитанникамъ. Я зналъ раньше, что они уже успокоились и начали здраво смотрѣть на вещи. Они прямо объявили мнѣ, что отлично сознаютъ пользу своего послушанія для ихъ дѣла и для облегченія отвѣтственности. Добившись такого сознанія, я сказалъ, что ихъ товарищи, повидимому, не такъ ясно понимаютъ суть вещей и предложилъ поручить мнѣ переговорить объ этомъ дѣлѣ съ кѣмъ-нибудь по ихъ выбору въ ротѣ. Кадетъ Циглеръ (по прозванію «красный», однофамилецъ пострадавшаго 23-го числа), подъ диктовку товарищей, написалъ письмо къ кадету Орловскому.

Когда я пришелъ въ корпусъ и вызвалъ послѣдняго, онъ объявилъ мнѣ, что сейчасъ была получена ротою записка отъ отдѣленныхъ слѣдующаго содержанія:

— «Запискѣ, данной Ивану Романовичу, не придавать никакой вѣры».

Вѣроятно, по моемъ уходѣ отдѣленные испугались, чтобы я не сталъ выпытывать что-нибудь, кромѣ того, о чемъ мы говорили съ ними. О второй запискѣ директоръ былъ увѣдомленъ Нарѣжнымъ. Показавъ мою записку Нарѣжному и Дубровину, я ее разорвалъ, какъ ненужную.

Черезъ полчаса я былъ потребованъ къ директору.

— Не потрудитесь ли вы ознакомить меня съ данной вамъ запиской?—обратился ко мнѣ Тихоцкій.

Я потрудился.

— Мнѣ было бы пріятнѣе видѣть подлинникъ.

Я отвѣтилъ, что разорвалъ его.

— Значитъ, вамъ неудобно было сохранить его?

Я холодно отозвался нежеланіемъ понимать намеки генерала, но, вмѣстѣ съ тѣмъ упомянулъ о томъ, что Дубровинъ и Нарѣжный читали эту записку.

Послѣ моей аудіенціи у генерала, Орловскаго почему-то также присоединили къ отдѣленнымъ воспитанникамъ.

Колкіе намеки генерала, а также распускаемые имъ слухи о моемъ подстрекательствѣ во всѣхъ случаяхъ безпорядковъ въ корпусѣ, передаваемые мнѣ моими сослуживцами, переполнили чашу моего терпѣнія. 22-го марта, во время комитета, я испросилъ у директора разрѣшенія говорить по личному моему дѣлу и, отбросивъ въ сторону всякое стѣсненіе, ознакомилъ всѣхъ присутствующихъ съ отношеніями ко мнѣ генерала. По дневнику, который я аккуратно велъ съ 23-го февраля, я ознакомилъ комитетъ съ подробностями моихъ дѣйствій и заключилъ свое слово тѣмъ, что мнѣ передавали о распускаемыхъ генераломъ слухахъ о моей виновности въ тайномъ поджигательствѣ.

Не желая называть фамилій лицъ, передававшихъ мнѣ эти слухи, я просилъ, чтобы генералъ опровергнулъ мои слова. Не успѣлъ я кончить, какъ нашъ старшій врачъ, Бобровскій, всталъ и объявилъ во всеуслышаніе, что самъ слышалъ подобныя слова генерала, отъ него лично. Не стану описывать смущеніе генерала съ одной стороны и возмущеніе моихъ сослуживцевъ съ другой. Впрочемъ, этимъ дѣло и кончилось.

25-го марта, воспитанники 1-й роты объявили подполковнику Дудышкину, что такъ какъ имъ не хотятъ объяснить причину отдѣленія ихъ товарищей, то они сами позаботятся объ освобожденіи отдѣленныхъ.

Когда объ этомъ передали директору, онъ отправился къ начальнику губерніи съ просьбой сдѣлать распоряженіе, чтобы въ корпусъ ежедневно приводилась рота гарнизонныхъ солдатъ съ ружьями. Губернаторъ отказалъ наотрѣзъ. Въ своемъ желаніи какъ-нибудь уладить дѣло, директоръ доходилъ до курьезныхъ мѣръ. Между прочимъ, всѣмъ изъявившимъ добровольное желаніе было разрѣшено присоединиться къ отдѣленнымъ. Послѣднихъ набралось до тридцати человѣкъ.

Около праздниковъ Свѣтлаго Христова Воскресенія прибылъ въ Полтаву генералъ-лейтенантъ Грессеръ, главный инспекторъ военно-учебныхъ заведеній, которому было поручено произвести слѣдствіе въ нашемъ корпусѣ. На третій день праздника, Грессеръ, остановившійся у Тихоцкаго, явился съ послѣднимъ въ корпусъ, обошелъ подъ руку съ нимъ все заведеніе и велѣлъ построить воспитанниковъ спеціальныхъ классовъ въ рекреаціонномъ залѣ. Какъ имъ, такъ и отдѣленнымъ, которыхъ посѣтилъ позже и опять-таки съ директоромъ, Грессеръ сказалъ очень ласковыя рѣчи. Послѣ перваго посѣщенія корпуса, Грессеръ отправился вмѣстѣ съ Тихоцкимъ къ наиболѣе важнымъ лицамъ Полтавы, какъ-то къ губернатору, архіерею, губернскому и уѣзднымъ предводителямъ дворянства, съ цѣлью примирить этихъ лицъ съ директоромъ корпуса.

Наконецъ было приступлено къ слѣдствію, къ допросамъ. Показанія снимались съ воспитанниковъ и офицеровъ и всегда въ

присутствіи Тихоцкаго. Забыли почему-то меня. Результатомъ довольно скоро законченнаго дознанія было признаніе пяти человѣкъ спеціальнаго класса наиболѣе виновными и подлежащими исключенію изъ заведенія.

Недоумѣвая, почему я, игравшій такую видную роль въ корпусной исторіи, оставленъ совершенно въ сторонѣ, я рѣшился явиться къ Грессеру. Послѣдній выслушалъ меня съ неохотою, объявилъ, что, повидимому, я нахожу нужнымъ произвести второе дознаніе, что этого не будетъ, такъ какъ онъ собирается уѣзжать, а, по моемъ уходѣ, объявилъ директору въ присутствіи полиціймейстера корпуса:

— Ну, ужъ младшій штабъ-офицеръ у васъ! Я бы не держалъ его ни минуты. Впрочемъ, ручаюсь, ему не здоровать!

Кадеты остались чрезвычайно недовольны резолюціей генералъ-лейтенанта Грессера, почему и напутствовали его изъ оконъ заведенія самыми непристойными пожеланіями, когда онъ садился въ коляску для обратнаго путешествія въ Петербургъ.

Недѣли черезъ три послѣ отъѣзда Грессера изъ Полтавы, туда прибылъ генералъ отъ инфантеріи Мирковичъ для производства инспекторскаго смотра корпуса. Въ корпусѣ все было тихо, какъ ни въ чемъ не бывало. Тихоцкаго въ Полтавѣ не было. Мирковичъ остался вполнѣ доволенъ порядками заведенія. Будучи лично знакомъ съ нашимъ правителемъ дѣлъ, Косяровскимъ, онъ сказалъ, что хотя корпусная исторія его и не касается, но ему было бы интересно познакомиться съ подробностями хода дѣлъ, чтобы провѣрить тѣ свѣдѣнія, которыя онъ имѣетъ. Косяровскій сказалъ генералу, что я велъ подробный дневникъ происшествіямъ. Мирковичъ потребовалъ меня къ себѣ и сказалъ:

— Завтра я уѣзжаю въ свое курское имѣніе; тамъ на досугѣ, мнѣ хотѣлось бы познакомиться съ вашимъ интереснымъ документомъ, познакомиться какъ лицу совершенно постороннему. Не можете ли вы одолжить мнѣ на нѣкоторое время вашъ дневникъ?

Хотя дневникъ былъ у меня и въ одномъ экземплярѣ и написанъ съ помарками, я согласился на просьбу Мирковича, прося только возвратить его, такъ какъ онъ могъ мнѣ понадобиться въ случаѣ отдачи меня подъ судъ, какъ о томъ ходили слухи.

Вскорѣ я получилъ свой дневникъ обратно, но, что меня чрезвычайно удивило, изъ штаба военно-учебныхъ заведеній. Впослѣдствіи оказалось, что Мирковичъ собиралъ подъ сурдинку кое-какія свѣдѣнія и отправилъ отчетъ о нихъ начальнику штаба военныхъ учебныхъ заведеній Путятѣ, съ приложеніемъ моего дневника.

Почти вслѣдъ за посылкою, мною полученною, въ Полтаву прибылъ состоявшій при Путятѣ по учебной части генералъ-маіоръ Политковскій. Онъ также помѣстился въ квартирѣ у директора, но совершенно изолировалъ себя отъ него, даже обѣдъ себѣ при-

казалъ готовить на кадетской кухнѣ. Цѣль его пріѣзда состояла въ провѣркѣ, какъ у насъ идутъ военныя науки.

Онъ посѣщалъ ежедневно спеціальные классы, внимательно выслушивая отвѣты кадетъ по артилеріи, фортификаціи и тактикѣ. Казалось, задача его была уже выполнена, но онъ и не думалъ объ отъѣздѣ. Никому и въ голову не приходило, что ему было поручено переизслѣдовать дѣло, по которому былъ командированъ Грессеръ.

Политковскій завелъ знакомство со всѣми выдающимися лицами въ городѣ и чутко прислушивался ко всякимъ сужденіямъ о корпусѣ и его директорѣ. Когда же онъ почувствовалъ подъ собою почву, то открылъ свое инкогнито и прямо приступилъ къ дѣлу. Онъ требовалъ къ себѣ всѣхъ служащихъ поочередно, прося соблюдать въ тайнѣ бесѣду съ нимъ. Разсказывали между прочимъ, хотя за достовѣрность послѣдняго факта и не отвѣчаю, что пригласивъ къ себѣ на чай пятерыхъ воспитанниковъ, наиболѣе ему понравившихся своими отвѣтами по военнымъ наукамъ, Политковскій, подъ видомъ шутки, разспрашивалъ ихъ о событіяхъ въ корпусѣ и о моей роли въ нихъ. Послѣднимъ онъ потребовалъ къ себѣ меня. Опять выступилъ на сцену мой дневникъ.

— Ручаетесь ли вы,—сказалъ мнѣ Политковскій,—въ безусловной истинѣ всего изложеннаго въ вашей тетрадкѣ?

— Ручаюсь и готовъ доказать это передъ лицомъ правосудія.

Ознакомившись во всѣхъ подробностяхъ съ моими записками, Политковскій призвалъ меня къ себѣ и сказалъ:

— Какъ лицу прибывшему сюда по высочайшему повелѣнію переизслѣдовать дѣло, мнѣ остается только поблагодарить васъ, что вы помогли мнѣ распутать узелъ, завязанный генераломъ Грессеромъ. Я положительно протестую противъ его взгляда, по которому на васъ обрушивалась всею тягостью обвиненіе въ преступныхъ дѣйствіяхъ, угрожавшихъ отнять у васъ и честь и доброе имя. Будьте спокойны. Я подробно ознакомился съ вашею дѣятельностью, провѣрилъ ее самымъ тщательнымъ дознаніемъ и считаю своимъ священнымъ долгомъ не только оправдать васъ, но и заявить, что служба ваша, по своей полезности и добросовѣстности, заслуживаетъ только похвалы.

Передъ отъѣздомъ Политковскаго въ корпусѣ былъ прочитанъ его приказъ, приводимый мною вкратцѣ:

«Прибывъ сюда съ спеціальною цѣлью провѣрить систему преподаванія военныхъ наукъ, а также и успѣхи по нимъ воспитанниковъ, я, между прочимъ, по высочайше возложенному на меня порученію, имѣлъ возможность весьма подробно ознакомиться какъ съ горестными событіями въ заведеніи, такъ и съ ближайшими причинами, ихъ произведшими. Преподаваніе военныхъ наукъ и успѣхи по нимъ настолько удовлетворительны, что лучшаго и желать невозможно въ губернскомъ корпусѣ. Убѣдясь же въ суще-

ствующемъ порядкѣ и спокойствіи въ заведеніи, я оставляю Полтаву съ полною надеждою, что по докладѣ моемъ государю императору какими милыми, добрыми и преданными ему нашелъ я воспитанниковъ этого корпуса, даруется всемилостивѣйшее прощеніе за неурядицы въ заведеніи. Надѣюсь, что воспитанники оправдаютъ мой докладъ о нихъ».

Этотъ лестный для нихъ отзывъ обворожилъ кадетъ. Благодарностямъ генералу и обѣщаніямъ вести себя примѣрно не было конца. Въ тотъ же день генералъ Политковскій выѣхалъ изъ Полтавы, а черезъ три недѣли послѣ этого Тихоцкій былъ устраненъ отъ должности съ увольненіемъ въ отставку.

Послѣ Тихоцкаго директоромъ корпуса былъ назначенъ генералъ-маіоръ баронъ А. А. Икскуль фонъ-Гильденбандтъ. До этого назначенія онъ занималъ такую же должность въ Новгородскомъ графа Аракчеева корпусѣ, откуда перетащилъ съ собою и инспектора классовъ полковника генеральнаго штаба Кузьмина-Караваева, назначеннаго къ намъ вмѣсто подполковника Дудышкина.

Дѣятельность барона Икскуля, предупрежденнаго о всѣхъ бывшихъ у насъ безпорядкахъ, была вполнѣ разумная. Вначалѣ онъ совершенно выдѣлился изъ общаго круга воспитателей, держалъ себя неприступно и гордо, но съ большимъ тактомъ. Запросто принималъ у себя только одного Караваева. Послѣ, когда убѣдился что въ заведеніи все идетъ хорошо, тихо и спокойно, онъ пересталъ уже казаться такимъ грознымъ, какимъ зарекомендовалъ себя на первыхъ порахъ. Воспитанники любили его, воспитатели уважали. И дѣйствительно: это былъ благороднѣйшій человѣкъ, обладавшій притомъ чрезвычайно теплою душою. Его тактичность и деликатность имѣли подчасъ анекдотическій оттѣнокъ. Нужныя замѣчанія служащимъ онъ всегда приправлялъ необидными шутками. Помню встрѣтилъ онъ разъ меня на улицѣ съ сильно отросшей бородой. Я шелъ съ женой. Чрезвычайно любезно поздоровавшись съ нами, онъ обратился къ женѣ:

— Правда ли, что васъ сегодня обокрали и между прочимъ унесли бритвы Ивана Романовича?

Или такой случай: учителя, по установленнымъ правиламъ, должны были являться на уроки въ вицъ-мундирахъ. Однажды, зайдя въ классъ учителя французскаго языка Таксиса, который былъ въ сюртукѣ, Икскуль сказалъ:

— Вы, вѣроятно, читаете лекцію вмѣсто Ганнота? Я его встрѣтилъ на улицѣ въ вицъ-мундирѣ.

Вникнувъ въ положеніе заведенія, Икскуль лично убѣдился въ необходимости истребить до корня послѣдніе остатки антогонизма между представителями строевой и учебной части. Онъ рѣшилъ соединить обѣ части въ одну семью рабочихъ въ пользу воспитанія дѣтей. На всѣхъ комитетахъ должны были присутствовать какъ учителя, такъ и офицеры. Самые комитеты получили вполнѣ ра-

зумное и раціональное значеніе. Передъ собраніемъ комитета всѣ участники его получали самыя подробныя свѣдѣнія: какіе вопросы должны подлежать обсужденію и, такимъ образомъ, являлись на засѣданіе съ заранѣе обдуманными отвѣтами. Никому не возбранялось поднимать на засѣданіяхъ новые вопросы, причемъ требовалось объясненіе, почему предложенный вопросъ считался важнымъ.

При такой постановкѣ дѣла, воспитатели должны были вполнѣ отдаться своимъ педагогическимъ задачамъ, заботиться и о томъ, чтобы не ударить въ грязь лицомъ при представленіи своихъ мнѣній. Работа, слѣдовательно, началась серьезная и не безнолезная.

Комитеты сдѣлались школою для воспитателей. Мало-по-малу выработалась правильная система нравственнаго и умственнаго развитія дѣтей. Воспитанники, убѣдясь, что и учителя и воспитатели составляютъ какъ бы дополненіе другъ другу, перестали разсчитывать, что на дежурствѣ одного можно дѣлать то-то и то-то, а на дежурствѣ другого вести себя осторожнѣе. Перестали уповать и на то, что учителя, какъ то прежде водилось, будутъ поддерживать ихъ въ комитетахъ въ ущербъ представленіямъ о нихъ ихъ ближайшаго ротнаго начальства. Они проникліись сознаніемъ, что въ образѣ дѣйствій ихъ воспитателей не существуетъ болѣе никакого личнаго произвола и съ покорностью начали относиться ко всѣмъ требованіямъ. Вотъ истинная коренная заслуга Александра Александровича Икскуля.

Во время директорства Икскуля, въ 1862 году, въ Петербургѣ, окончательно выработался проектъ о преобразованіи кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи. Приходилось подумать о своей дальнѣйшей судьбѣ. Обѣщанное мнѣ мѣсто баталіоннаго командира въ одномъ изъ открывавшихся военныхъ училищъ не выгорѣло. Тогда я завелъ переписку съ своимъ бывшимъ товарищемъ и сожителемъ Карцевымъ, въ то время состоявшимъ начальникомъ штаба кавказской арміи. Послѣдній обѣщалъ выхлопотать мнѣ отдѣльный баталіонъ.

Въ сентябрѣ 1864 года мнѣ довелось представить государю императору баталіонъ кадетъ Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса. Смотръ происходилъ совмѣстно съ войсками. Государь остался было не вполнѣ доволенъ церемоніальнымъ маршемъ и оставилъ кадетъ, отпустивъ войска. Послѣ короткаго отдыха государь началъ производить подробнѣйшее ученіе. Ученіе и новый церемоніальный маршъ прошли безукоризненно. Государь выразилъ свое полное удовольствіе.

20-го мая 1865 года, Петровскій Полтавскій кадетскій корпусъ былъ переименованъ въ военную гимназію того же имени. Вмѣстѣ съ этимъ переименованіемъ я получилъ назначеніе на Кавказъ, чѣмъ и закончилась моя учебно-педагогическая дѣятельность.

И. Тимченко-Рубанъ.